

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI

TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

537

АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ

Вопросы русской аспектологии

V

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 537 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ И СРЕДСТВА
ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ

Вопросы русской аспектологии V

ТАРТУ 1980

Редколлегия: А.Д. Дуличенко, В.В. Мюркхейн, П.С. Сигалов,
С.В. Смирнов, М.А. Шелякин (председатель).

Ответственный редактор тома: С.В. Смирнов.

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 537. АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ. Воп-
просы русской аспектологии У. На русском языке. Тарту-
ский государственный университет. ЭССР, г. Тарту, ул.
Оликооди, 18. Ответственный редактор С.Смирнов. Коррек-
тор Н.Чикалова. Сдано в печать 26.07.80. МВ 05452. Фор-
мат 30x45/4. Бумага печатная № 1. Машинпись. Ротапримт.
Учетно-издат. листов 8,2. Печатных листов 8,75. Тираж
600. Зак. № 850. Цена 1 руб. 20 коп. Типография ТГУ,
ЭССР, 202 400, Тарту, ул. Пялсона 14.

6 - 2

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

В.С. Храковский

В современном языкознании глаголы принято характеризовать как слова-предикаты, т.е. семантические единицы, открывающие места для своих аргументов, которыми могут быть или имена предметов или имена предикатов. Например, у глагола запереть оба места предназначены для имен предметов (Сосед запер дверь), а у глагола начинать одно место предназначено для имени предмета, а другое - для имени предиката (Сосед начал петь).¹

Предикаты, которые открывают места для имен предметов, условимся называть первичными, а предикаты, которые хотя бы одно место регулярно открывают только для имен предикатов, условимся называть вторичными. Специфика первичных предикатов состоит в том, что они называют конкретные, единичные ситуации, а специфика вторичных предикатов состоит в том, что они называют определенные общие свойства, которые характеризуют различные конкретные ситуации. Примером вторичных предикатов могут служить аспектуальные, модальные, каузативные, пассивные и некоторые другие глаголы, которые с большей или меньшей степенью регулярности характеризуются в описательных грамматиках как служебные или полуслужебные.

Опираясь на разработанное А.М.Пешковским понимание грамматики как области общих значений языка /II, 44/, мы полагаем, что вторичные глагольные предикаты, называющие общие свойства различных конкретных ситуаций, являются строевыми словами, имеющими грамматическое (а иногда и лексическое)

¹ Общепринятая трактовка предикатов типа начинать как двухместных не безупречна. Есть основания считать, что у этих предикатов только одно место, предназначенное для имени предиката, представляющего пропозиционное выражение. Это имя в синтаксической структуре предложения занимает позицию дополнения. Что касается предметного имени в позиции подлежащего, которого может и не быть (Начало светать), то его наличие/отсутствие определяется семантико-синтаксическими особенностями зависимого предикатного слова. Проблема количества мест у предикатов типа начинать заслуживает самостоятельного исследования и в данной статье не рассматривается.

значение. Сущностные отличия вторичных предикатов как семантических единиц от первичных, имеющих только лексическое значение, проявляются между прочим на формальном уровне в том, что вторичные предикаты могут выражаться не только глагольными лексемами, но и аффиксами, и служебными словами, т.е. обычными грамматическими средствами (см.: 15, 79-80).

Среди вторичных глагольных предикатов, представленных в различных неродственных языках, выделяется класс глаголов, которые с семантической точки зрения могут быть охарактеризованы как аспектуальные глаголы. Этот термин предлагается использовать для наименования тех глаголов, которые в соответствии с представлениями, принятыми в современной аспектологии, обозначают какие-либо способы действия, выделяемые "на основе сходства в типах протекания и распределения во времени глагольного действия" /9, 71/. К аспектуальным, таким образом, относятся глаголы, которые в конструкции с зависящим от них предикатным словом называют начало, прекращение, продолжение, прерванность, возобновление, краткость, длительность, интенсивность, ослабленность, повторность, многократность, обычность и другие характеристики совершающегося во времени действия.

Как в описательных грамматиках, так и в типологических работах конструкции с аспектуальными глаголами, как впрочем и конструкции со многими другими вторичными глагольными предикатами, изучались главным образом в динамическом аспекте. Исследователей интересовал прежде всего процесс десемантизации (= граматизации) вершинного глагола (= "замена конкретного узкого лексического значения абстрактным широким грамматическим") и вызванное этим процессом превращение конструкции из свободной в аналитическую, т.е. в такую, в которой вершинный глагол выражает какое-либо грамматическое значение синтаксически зависящего от него предикатного слова (ср.: 6, 7). Наиболее активно обсуждался вопрос о том, что является сказуемым в подобных конструкциях: только ли вершинный глагол или же вершинный глагол вместе с зависящим от него предикатным словом. (Подробное изложение разных точек зрения по этой проблеме дано в /6/). Вместе с тем в типологических работах заметно меньше уделялось внимания проблемам семантического описания вторичных глагольных предикатов. В частности, насколько мы можем судить, аспектуальные глаголы и образуемые ими конструкции еще не исследовались с этой точки зрения,

хотя исходная теоретическая база для такого исследования уже создана. Мы имеем в виду концепцию способов действия, развиваемую в современной славянской и общей аспектологии.

Как известно, неоднородность аспектуальных значений, присущих славянскому глаголу, интуитивно осознаваемая еще в XIX в., в частности, А.А. Потебней /12, 15-16/, была теоретически эксплицирована в 1908 г. шведским славистом С. Аггеллем, которому принадлежит фундаментальное разграничение понятий вида и способа действия /17/, не входящее в аксиоматику славянской аспектологии. Указанное разграничение понятий оказалось плодотворным не только для славистики. В последнее время, например, в алтайском языкознании целый ряд явлений, которые традиционно описывались в терминах категории вида, теперь подводятся под категорию способов глагольного действия. Это обстоятельство для нас особенно существенно потому, что в число алтайских языков входят тюркские и монгольские, в которых в отличие от славянских языков ведущим средством выражения различных способов действия являются не глагольные аффиксы, а аспектуальные глаголы, которые принято называть служебными или вспомогательными глаголами-модификаторами /10/.

По-видимому, можно думать, что для описания большей части аспектуальных глагольных значений, выделяемых в различных языках, более правомерно использовать понятие способа действия, а не понятие вида, до сих пор употреблявшееся в этих целях (ср.: 18). Однако за пределами славистики понятие способа действия применяется еще не так широко, как хотелось бы. Такая ситуация не в последнюю очередь, очевидно, объясняется тем, что сами слависты-аспектологи не едины в своей трактовке способов действия. Как справедливо подчеркнул А.М. Ломов, "и содержание и объем понятия способа действия" продолжает оставаться предметом непрекращающихся споров" /8, 30/. Аналогичная мысль была высказана и М.А. Шелякиным /16, 3/.

Несколько упрощая реальное положение вещей, можно говорить о наличии в отечественной аспектологии двух концепций способов действия (ср.: 14). В соответствии с одной из них, развиваемой Д.С. Масловым, А.В. Бондарко, М.А. Шелякиным и другими исследователями, "способы действия - это семантические (именно семантические, а, скажем, не словообразовательные!) разряды глаголов. Они выделяются на основе сходства в типах протекания и распределения во времени глагольного дей-

ствия, но не составляют рубрик единой классификации и, следовательно, в широких масштабах перекрещиваются между собой" /9, 71/. По другой концепции, восходящей к С. Агреллю и значительно развитой А.В. Исаченко /7/, "способы действия выражают модификацию значения действия, названного простым глаголом, в направлении количественно-временных уточнений его протекания и специальных характеристик результативности, причем эта модификация обязательно формально выражена" /1, 266/.

Хотя трактовка плана содержания способов действия в обоих подходах примерно одна и та же, эти концепции не сводимы одна к другой. В рамках первой концепции способы действия характеризуются семантически и статически как логически равноправные глагольные смысловые разряды, между которыми, очевидно, можно распределить все глаголы русского, а в принципе, и любого языка. Такой подход, при котором специфическая формальная характеристика каждого способа действия не является обязательной, фактически переводит способы действия из грамматической сферы в лексическую, хотя М.А. Шелякин острожно говорит о том, что способы действия "занимают промежуточное положение между лексическими и грамматическими признаками глагола" /16, 11/. В рамках второй концепции способы действия характеризуются семантико-грамматически и деривационно. При этом подходе прежде всего выделяется множество простых, морфологически исходных глаголов, которые не выражают способов действия. Именно эти глаголы служат базой для образования производных глаголов, уже выражающих значения способов действия, которые таким образом представляют собой "модификации значений простых глаголов". При такой трактовке способы действия не выводятся за пределы грамматики и рассматриваются как "явление, стоящее на границе между словообразованием глагола, при котором изменяется его реальное значение, и его видообразованием, образованием видовой пары" /1, 265/.

Рассмотрим простой пример, наглядно иллюстрирующий основное различие между обеими концепциями. В рамках первой концепции глагол писать относится к эволютивному способу действия, а формально производный от него глагол дописать относится к комплетивному способу действия. В рамках второй концепции глагол писать не выражает какого-либо способа действия, а глагол дописать относится уже к специально-ре-

зультативному завершительному способу действия. Итак, различия этих двух концепций не относятся к числу терминологических и не связаны с разноракурсным изучением способов действия. Это - сущностные различия, которые приводят к качественно и к количественно различным классификациям глаголов по способам действия. (Ср., например, с одной стороны классификацию Ю.С. Маслова /9, 75-78/, А.В. Бондарко /4, II-28/, а с другой стороны, классификацию Н.С. Авиловой /1, 272/). Базируясь на указанных различиях рассмотренных концепций, А.М. Ломов назвал первый подход интегративным, а второй дифференцирующим и подчеркнул, что они оба имеют право "на научное существование" /8, 32/.

Высоко оценивая обе рассмотренные концепции, мы вместе с тем хотим отметить, что ряд их исходных положений нуждается в уточнении и развитии для того, чтобы на их базе можно было бы создать универсально-типологическую концепцию, которая позволила бы с единых теоретических позиций описывать способы действия в различных неродственных языках.

Прежде всего подчеркнем, что дальнейшей уточняющей экспликации требует содержание понятия "способы действия". Как справедливо замечено М.А. Шелякиным, пока "остался не выясненным до конца вопрос о семантических границах способов действия. Те формальные признаки, которые названы ... для способов действия, различают их отдельные группы, но не определяют еще их семантической зоны" /16, 8/. Между тем уточнение семантической зоны необходимо как в теоретических, так и в практических целях, поскольку не всегда ясно, какие конкретные значения характеризуют "протекание и распределение во времени" глагольного действия и тем самым являются значениями способов действия, а какие нет. Ограничимся одним примером. В классификации А.В. Бондарко в число характеризованных способов действия включен взаимный способ действия, к которому отнесены "глаголы с приставкой пере- и частицей -ся", имеющие "значение взаимного общения" /4, 22/, типа перешептываться, перемигнуться/перемигиваться и т.п. В связи с выделением этого способа действия можно высказать следующие соображения. Если не сводить взаимное значение к более частному значению взаимного общения, то к этому способу действия, очевидно, можно отнести и глаголы других формальных типов, например, глаголы совершенного вида с приставкой по- и частицей, точнее постфиксом -ся, такие как поссориться, по-

драться, помириться, поцеловаться и т.п. Но более существенно другое. Достаточно ли у нас оснований считать, что взаимное значение входит в семантическую зону способов действия? Ведь в соответствии с традицией взаимное, или реципрокальное, значение, указывающее на специфические отношения участников глагольного действия, принято относить к залоговым и описывать в рамках категории залога. К тому же одним из формальных экспонентов этого значения является постфикс =ся, который в русистике не принято рассматривать как аспектуальный показатель. В силу изложенного не представляется очевидной мотивация, согласно которой взаимное значение включается в семантическую зону способов действия. Думается, что дискуссионные проблемы этого рода исчезнут сами собой, как только будет уточнено содержание понятия "способов действия".

Следующая особенность рассмотренных концепций, не способствующая их использованию за пределами славистики и, в частности, в исследованиях с универсально-типологической ориентацией, заключается в их морфологичности. Они нацелены исключительно на изучение синтетических способов действия. Аналитические способы действия специально в аспектологии не выделяются и не исследуются, а в поле зрения ученых попадают преимущественно тогда, когда они выступают как функциональные эквиваленты синтетических способов действия. Например, в русистике при описании синтетического начинательного способа действия обычно, хотя и не всегда, дается характеристика и функционально эквивалентного ему аналитического начинательного способа действия /5, 1/. Между тем в славянских языках, не говоря уже о языках других семей, имеется довольно много аналитических способов действия, которые не исследовались только потому, что не имеют функционально эквивалентных синтетических способов действия. Так, например, если судить по доступной нам литературе, конструкции, образуемые такими аспектуальными фазовыми глаголами, как прекратить, перестать, завершить, прервать, возобновить, продолжить и т.п. специально не рассматривались в русистике в связи с проблематикой способов действия. По-видимому, правомерно полагать, что исчерпывающего описания всех реально существующих в конкретных языках способов действия нельзя дать в рамках любой морфологически ориентированной концепции. Именно морфологичность этих концепций, очевидно, создает "психологический барьер" для их использования в грамматиках таких языков, где способы

действия по преимуществу выражаются аналитически.

Не кажется оправданным то, что обе концепции фактически дают несистемное описание способов действия. Для первой концепции это один из ее исходных постулатов, в соответствии с которым "в самой языковой действительности способы действия не образуют стройной системы с конечным числом подразделений" /9, 74/. Несколько сложней обстоит дело со второй концепцией, которая, декларируя в теории необходимость системного подхода, на практике сводит способы действия в три группы: (1) временные способы, (2) количественные способы, (3) специально-результативные способы. Что же касается способов, входящих в каждую группу, то они описываются простым перечислением, вне связи друг с другом.

Наконец, наиболее серьезные возражения вызывает трактовка способов действия как семантических классов глагола. Такой подход, при котором фактически имеет место совпадение понятий способа глагольного действия и семантического глагольного класса, не кажется продуктивным с типологической точки зрения. Более перспективной представляется трактовка способов действия как определенных типовых значений, которые, присоединяясь к значениям исходных глагольных лексем порознь или в комбинации друг с другом, формируют различные семантические классы глаголов (или специфических глагольных конструкций). При таком подходе понятия способа действия и семантического класса отличаются друг от друга, и между значением конкретного способа действия и значением конкретного семантического глагольного класса не всегда имеет место однозначное соответствие.

Поясним наши замечания на примере прерывисто-смягчительного способа действия, выделяемого обеими рассматриваемыми концепциями. По определению Ю.С. Маслова, к этому способу действия относятся глаголы "умалительного учащения" /9, 77/. В свою очередь Н.С. Авилова говорит, что этот способ "означает длительно-прерывистое и ослабленное в своем проявлении действие, "заниматься чем время от времени" /1, 295/. Определяя семантику этого способа действия не вполне одинаково, обе концепции вместе с тем относят к нему в русском языке одни и те же морфемно характеризованные глаголы с приставкой по- и суффиксом -ивн-/-ива-, например, постанывать, по-леживать, почитать, поглядывать и т.п. По нашему мнению, суммарное значение глаголов этого семантического класса

включает три компонента: (1) собственно лексическое значение, совпадающее с лексическим значением морфологически исходных простых глаголов (стонать, лежать, читать, глядеть и т.п.), (2) значение кратного (многократного) способа действия, формально выраженного суффиксом, (3) значение "ослабленного" (антиинтенсивного) способа действия, формально выраженного префиксом и обозначающего, что качественное проявление действия не достигает условной нормы /ср.: I3, I46-I47/. Таким образом, в данном случае следует говорить, что семантический разряд глаголов, формально характеризуемый префиксом по= и суффиксом =ива=/=ива=, выражает значения двух различных способов действия, каждый из которых в принципе может функционировать независимо друг от друга. Действительно, и в классификации Ю.С.Маслова, и в классификации Н.С.Авиловой мы находим отдельно и смягчительный (аттенуативный), т.е. ослабленный (антиинтенсивный), и многократный способы действия. Следовательно, в обеих классификациях на равных правах представлены как семантические классы глаголов, выражающих один способ действия, так и семантические классы глаголов, выражающих более одного способа действия.

В результате становится совершенно очевидно, что указанные классификации не являются классификациями способов действия, понимаемых как организованные в систему (или системы) определенные типовые значения, число которых конечно и, по-видимому, достаточно ограничено. Если в классификации глагольных семантических классов естественно должен быть представлен класс глаголов, одновременно выражающий и значение многократного способа действия, и значение ослабленного способа действия, то в классификации способов действия многократный и ослабленный способы действия будут представлены каждый отдельно наряду с другими самостоятельными, логически равноправными единицами классификации. При предложенном понимании способов действия и проблема комбинаторики различных способов действия, и проблема их грамматического выражения должны решаться на базе осуществленной классификации способов действия, ибо при отсутствии такой классификации эти проблемы не имеют решения.

Таким образом, одним из исходных понятий универсально-типологической концепции способов действия должно быть понятие способа действия, понимаемого как определенное типовое значение, которое в принципе может присоединяться к исходному лексическому значению глагола, образуя вместе с ним новое

значение. Это значение, несколько упрощая реальное положение вещей, можно назвать суммарным или интегративным. Мы против того, чтобы называть любое объединение конкретного лексического значения и значения какого-либо способа действия модификацией лексического значения. На самом деле модификации, т.е. видоизменения лексического значения, не происходит. К нему лишь прибавляется значение определенного способа действия. В связи со сказанным сравним значения глаголов петь и запеть. Лексическое значение первого глагола в неизменном виде представлено и во втором глаголе, однако здесь к нему присоединяется и значение начинательного способа действия, формальным показателем которого является префикс за-. Мы также против того, чтобы характеризовать в терминах способов действия исходные лексические значения, что составляет наиболее специфическую черту концепции Л.С. Маслова и его последователей. Эти значения, разумеется, тоже доступны семантической классификации, которая позволит свести их к ограниченному числу обобщенных типов (ср., например, четыре семантические типа, предложенные Н.С. Авиловой /1, 19/), однако проводиться эта классификация должна не в терминах способов действия. К способам действия целесообразно относить только "вторичные" значения, т.е. такие значения, которые могут функционировать, лишь сопровождая "первичные" лексические значения. Если же распределять между способами действия и лексические значения, то тогда способы действия будут принципиально семантически неоднородными. С одной стороны, придется различать "первичные" способы действия, между которыми распределяются лексические значения глаголов, например, такие как статальный (спать, грустить), эволютивный (писать, шить) и т.п., а, с другой стороны, "вторичные" способы, как, например, начинательный или ограничительный, которые функционируют только в сочетании с лексическим значением, принадлежащим к одному из "первичных" способов действия. При таком подходе глаголы спать, грустить и т.п. будут относиться к семантическому разряду глаголов, выражающих первичный статальный способ действия, а глаголы поспать, погрустить будут относиться к семантическому разряду глаголов, которые выражают не просто ограничительный способ действия (такая трактовка в настоящее время принята в обеих концепциях), а два способа действия: один - "первичный", статальный и другой - "вторичный", ограничительный. Эта точка зрения, по которой спосо-

бы действия не являются деривационными значениями, не кажется достаточно перспективной для типологического описания способов действия. Собственно говоря, принципиальная неоднородность "первичных" и "вторичных" способов действия не составляет секрета для исследователей, которые к семантической зоне способов действия относят как значения грамматических морфем, так и значения корневых морфем, однако эта неоднородность переносится с семантического уровня на функциональный и формальный. Достаточно четко эта мысль сформулирована М.А. Шелякиным, который пишет: "Способы действия однотипны в семантическом отношении, но неоднородны функционально и по формальному выражению. В функциональном плане способы действия можно интерпретировать следующим образом. Одни способы действия показывают общность аспектуальности самих действий "по природе". Другие способы действия показывают общность аспектуальности не самих действий, а характера их проявления и распределения во времени" /16, 9/.

Если понятие и термин "способы действия" относить только к "вторичным" способам действия, что, с нашей точки зрения, является наиболее целесообразным и перспективным, то значение любого способа действия, как правило, должно быть формально выражено, причем средства выражения могут быть либо синтетическими (морфологические показатели, изменение ударения и т.п.), либо аналитическими ("служебные" глаголы, частицы и т.п.). Таким образом, присоединение значения какого-либо способа действия к исходному лексическому значению как в различных языках, так и в одном и том же языке в основном формально маркируется либо на уровне морфологии глагольного слова (за-пел, по-кашлял), либо на уровне конструктивного синтаксиса (начал петь, опять пел, перестал кашлять).

Весьма важной, хотя еще недостаточно разработанной, является проблема комбинаторики исходных лексических значений и значений различных способов действия. В принципе некоторые конкретные лексические значения могут одновременно сочетаться со многими значениями различных способов действия. Так, например, в конструкции Мальчик опять начал посвистывать, очевидно, правомерно наряду с исходным лексическим значением (значение глагола свистеть) выделять четыре значения способов действия: (1) значение кратного способа действия (формальный показатель - суффикс =ыва-), (2) значение ослабленного способа действия (формальный показатель - префикс по-),

(3) значение начинательного способа действия (формальный показатель - "служебный" глагол начать), (4) значение повторного способа действия (формальный показатель - частица опять). Однако принципиального решения вопроса о правилах семантической сочетаемости лексических значений со значениями различных способов действия еще нет. Здесь предстоит установить семантические ограничения на сочетаемость различных лексических значений и значений различных способов действия, а также выяснить ограничения в сочетаемости значений различных способов действия друг с другом.

Решение названных задач относится к компетенции универсально-типологической концепции способов действия, которой предстоит ответить на целый ряд вопросов. В частности, необходимо: (1) дать такое содержательное определение способов действия, опираясь на которое можно было бы однозначно решить, какие типовые значения относятся к смысловой зоне способов действия, а какие нет, (2) установить принципы системной организации способов действия, (3) выяснить, какая техника используется для выражения способов действия в различных неродственных языках, (4) предложить анкету, в соответствии с которой должна описываться система способов действия в каждом отдельном языке с тем, чтобы результаты таких описаний были в достаточной мере сопоставимы.

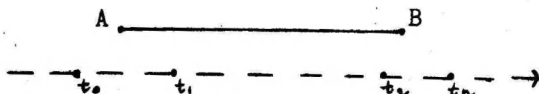
Мы пока не готовы дать развернутое описание универсально-типологической концепции способов действия. Позитивная цель настоящей публикации значительно более скромная - охарактеризовать универсальную систему фазовых способов действия, т.е. тех типовых значений (и их комбинаций), в терминах которых можно охарактеризовать все этапы протекающего во времени действия. Кроме того, будут указаны те средства, которые используются в русском языке для выражения элементов этой системы.

В число понятий, которыми мы будем пользоваться в этих целях, входит понятие кванта, или порции (глагольного) действия. Это исходное неопределяемое понятие, и его можно только в какой-то степени пояснить. Имеется в виду такое "количество" действия, которое в соответствии с условной нормой необходимо и достаточно, чтобы осуществился его разовый акт. Различаются два типа квантов действия. Одни кванты не имеют временной протяженности. Время их совершения соотносится с точкой на временной оси. Это точечные, или одномоментные,

кванты действия. Другие кванты имеют временную протяженность. Время их совершения представляет собой отрезок, который можно отложить на временной оси. Это протяженные, или не-точечные, кванты действия. Квант первого типа обозначается глагольной лексемой в предложении (1) Сергей прыгнул с вышки, а квант второго типа обозначается глагольной лексемой в предложении (2) Николай писал письмо.

С точки зрения протекания во времени только кванты второго типа можно разделить на части, которые обычно называют фазами. Они представлены на схеме I, где обозначены (1) целостный квант действия (отрезок А - В, включая точки А и В), (2) фаза начала (точка А), (3) фаза прекращения (точка В), (4) фаза продолжения (отрезок от точки А до точки В или любая его часть), (5) время совершения кванта действия

Схема I.

Ни один квант первого типа такого членения не допускает, однако любая их совокупность, поскольку она имеет временную протяженность, уже трактуется языковым сознанием как квант второго типа, т.е. членится на фазы начала, продолжения и прекращения.

Правомерность такой трактовки подтверждается операционно. К значению глагольных лексем, называющих единичный квант первого типа, какое-либо фазовое значение непосредственно не присоединяется. Оно может присоединиться лишь после того, как будет осуществлен переход от обозначения единичного кванта к обозначению множества квантов. Что касается глагольных лексем, называющих единичный квант второго типа, то к ним любое фазовое значение присоединяется непосредственно. Рассмотрим в связи с изложенным предложения (3) Сергей начал прыгать с вышки и (4) Николай начал писать письмо. При внеконтекстном употреблении в предложении (3) обозначается начальная фаза совокупности квантов действия первого типа, которые совершаются последовательно и трактуются как один квант действия второго типа, а в предложении (4) - начальная фаза единичного кванта действия второго типа.

По-видимому, нужно подчеркнуть, что предложенная класси-

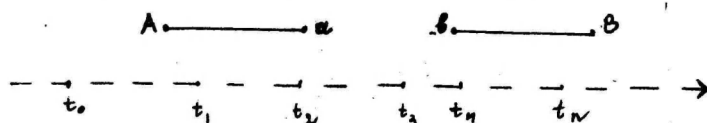
фикация квантов действия отражает лишь их наивную языковую трактовку, а не научную, энциклопедическую /2, 56/, в соответствии с которой, возможно, любые кванты действия имеют временную протяженность.

Также операционно подтверждается правомерность соотнесения фаз начала и прекращения кванта действия с временными точками, а фазы продолжения - с временным отрезком. В предложениях, где названа либо фаза начала, либо фаза прекращения, с помощью обстоятельственных слов можно выразить, в какой момент или с какого момента действие началось или прекратилось. Ср.: (5) В прошлом месяце Сергей перестал прыгать с вышки, (6) С утра Николай начал писать письмо. Названные моменты времени (в прошлом месяце, с утра) являются временными точками. Попытка соотнести эти моменты с временными отрезками, ограниченными конкретными временными точками, приводит к тому, что предложения, в которых лексически обозначаются данные временные отрезки, оказываются неосмысленными. Ср.: +(7) С 6 до 8 вечера Сергей перестал прыгать с вышки, +(8) С утра до вечера Николай начал писать письмо. Что касается предложений, где названа фаза продолжения, то в них лексически может быть выражен как временной отрезок, обозначающий весь период продолжения или любую его часть, так и различные временные точки, принадлежащие этому отрезку. Ср.: (9) С утра до вечера Николай продолжал писать письмо, (10) В 7 вечера Сергей продолжал прыгать с вышки, (11) До 8 вечера Сергей продолжал прыгать с вышки.

Может создаться впечатление, что квантам первого типа соответствует одно множество глагольных лексем, а квантам второго типа - другое множество лексем и что эти множества не пересекаются. Однако это не так. В ряде случаев одной и той же глагольной лексеме может соответствовать либо один /множество квантов первого типа, либо один/ множество квантов второго типа. Это зависит от многих факторов, в частности, от семантики имен участников ситуации (в первую очередь субъекта и объекта), от количества называемых субъектов и объектов, от наличия в предложении обстоятельственных слов, обозначающих место и время действия и т.д. Рассмотрим для иллюстрации этого тезиса серию предложений, постоянными элементами которых являются вершинный фазовый глагол начать и синтаксически зависимый от него инфинитив знаменательного глагола останавливаться: (12) Поезд начал останавливаться,

(13) Поезда начали останавливаться, (14) На этой станции поезд начал останавливаться недавно, (15) Мальчик начал останавливаться, (16) Мальчики начали останавливаться, (17) Мальчик начал останавливаться во время прогулок. В предложении (12) обозначается начальная фаза кванта действия второго типа. Такая трактовка кванта действия языковым сознанием объясняется прагматически. Движущийся поезд обычно останавливается постепенно, в течение определенного отрезка времени, а не одномоментно, и, следовательно, квант такого действия делится на фазы. В предложении (13) в отличие от предложения (12) не один действующий субъект, а много. Благодаря этому здесь уже обозначается начальная фаза множества квантов второго типа. В предложении (14) имеются обстоятельства места и времени, которых нет в предложении (12). По этой причине здесь уже обозначается начальная фаза множества совершающихся последовательно квантов первого типа. Предложение (15), в котором по сравнению с предложением (12) сменился субъект, при внеконтекстном употреблении воспринимается как грамматически правильное, но не вполне понятное. Дело в том, что идущий мальчик в отличие от движущегося поезда обычно останавливается не постепенно, а одномоментно, и, следовательно, квант такого действия является квантом первого типа, который не делится на фазы. Поэтому вполне естественно, что предложение (15), в котором обозначена начальная фаза (!) кванта действия первого типа, не является корректным. Предложение (16) отличается от предложения (15) тем, что в нем называется множество субъектов. Поэтому оно вполне осмысленно, и в нем обозначается начальная фаза множества квантов первого типа. В предложении (17) имеется обстоятельство времени, которого нет в предложении (15). Благодаря этому, оно является осмысленным, и в нем обозначается начальная фаза множества совершающихся последовательно квантов действия первого типа.

Поскольку квант второго типа (соответственно и совокупность квантов первого типа) имеет временную протяженность, то в принципе он в процессе совершения может быть прерван, а затем через какой-то временной интервал возобновлен. Разрыв кванта действия происходит в фазе продолжения, в которой, таким образом, можно указать точку а перерыва и точку возобновления кванта. Они представлены на схеме 2, где обозначены все фазовые точки и отрезки, на которые делится целостный квант, имеющий временную протяженность: (1) целостный

квант (отрезок А-В, включая точки А и В), (2) фаза начала (точка А), (3) фаза прекращения (точка В), (4) фаза продолжения до перерыва (отрезок между точками А и а), (5) фаза продолжения после перерыва (отрезок между точками б и В), (6) полная фаза продолжения (отрезок между точками А и а и отрезок между точками б и В), (7) фаза перерыва (точка а), (8) фаза возобновления (точка б), (9) время совершения кванта действия (t_1-t_2 и t_3-t_4).

Если предположить, что семантическая зона универсальной системы фазовых значений выделена правильно, то в разных языках, очевидно, должны быть средства, которые используются для обозначения каждой из вышеуказанных фаз. Кроме того, можно ожидать наличия специальных средств для совокупного обозначения, во-первых, фазы начала и фазы продолжения, а во-вторых, фазы продолжения и фазы прекращения, которые контактируют на временной оси и переходят одна в другую. Следует предусмотреть и такую логическую возможность - средства, служащие для выражения фазовых значений, одновременно выражают и определенные нефазовые значения.

В свете изложенного обратимся к анализу тех средств, которые используются для выражения фазовых значений в русском языке.

Фаза начала. Средства, выражающие это значение, указывают на то, что некоторый квант действия начинает иметь место в называемый момент времени. Узко специализированными средствами обозначения фазы начала являются приставки за-, по-, вз-, которые преимущественно присоединяются к морфологически простым, непреходным, непередельным глаголам, обозначающим главным образом звуковые, оптические, обонятельные действия, эмоциональные состояния и движение /7; 5; 1/. Производные глаголы с названными приставками за редким исключением обозначают начальную фазу единичного кванта действия второго типа (У меня уже заболели зубы и висок. Гончаров; Все три собаки тоже поднялись и ... бочком побежали за ним, круто загнув хвосты. Бунин; И наконец, во дни величия и мира, Взгре-

мела и твоя торжественная лира. Пушкин). Наиболее употребительным средством обозначения фазы начала являются глаголы начать/начинать и стать. Лишь эти глаголы образуют конструкцию с зависимым инфинитивом (а глагол начать и с отглагольным именем) знаменательных глаголов не только действия, но и состояния. Кроме того, в конструкции с этими глаголами практически нет ограничений в отношении семантики имен субъектов и объектов (Этак, пожалуй, гордость моя начнет страдать. Чехов; Во время операции он стиснул зубы, и лицо его стало сводить судорогой. А. Толстой; Сплетни света стали утихать, и любовники начинали наслаждаться большим спокойствием, молча помня минувшую бурю. Пушкин).

Узко специализированным является глагол приступить/приступать, который в конструкции с отглагольным (предикатным) именем, очевидно, обозначает начальную фазу заранее запланированного действия (Вслед за этим суд торопливо приступил к допросу свидетелей. Чехов).

Отдельную группу образуют глаголы приняться/приниматься, пуститься/пускаться, броситься, кинуться, пойти и некоторые другие, которые, образуя конструкцию с зависимым инфинитивом (глагол приняться также образует конструкции с отглагольным именем), выражают и значение начальной фазы и значение интенсивного способа действия. Достаточно очевидно, что в конструкции с этими глаголами употребляются инфинитивы и отглагольные имена, обозначающие такие действия, которые либо могут совершаться интенсивно, либо всегда совершаются интенсивно (Мы сейчас принимаем за еду. Тургенев; Как из рук его я рванулась И домой стремглав бежать бросилась. Лермонтов). Важно отметить, что глагол пойти в отличие от остальных глаголов как будто бы не сочетается с глаголами движения и обозначает начальную фазу такого действия, которое является следствием предшествующего действия (или действий) (Позвонил! ... И вдруг как по лампам пошло куролесить, вся сеть телефонная рвется на нити. Маяковский).

Еще одну группу образуют глаголы повалиться, зачистить, заладить. Эти глаголы в конструкции с зависимым инфинитивом выражают и значение начальной фазы, и значение кратного способа, и, очевидно, значение негативного отношения субъекта речи к действию субъекта предложения (Сыниска его, мальчик лет пятнадцать, повалился к нам ездить: всякий день, бывало, то за тем, то за другим. Лермонтов). Любопытно подчеркнуть,

что названные глаголы не употребляются с отрицанием. Скорее всего это явление детерминируется оценочным элементом значения глаголов.

Фаза прекращения. Средства, выражающие это значение, указывают на то, что некоторый квант действия перестает иметь место с называемого момента времени. Значение прекращения действия тесно связано со значением начала действия: перестать (что-либо делать) = начать не (делать что-либо).

Специализированным средством обозначения фазы прекращения является приставка от-, которая преимущественно присоединяется к морфологически простым непереходным или употребляющимся абсолютно переходным глаголам несовершенного вида. Производные глаголы с этой приставкой обычно обозначают, что действие прекращается либо потому, что достигает естественного предела, либо потому, что истекает время, предназначенное для этого действия (Отговорила роща золотая. Есенин; Она отдежурила в больнице круглые сутки и теперь свободна на два дня до следующего дежурства. Коптяева).

Наиболее употребительным средством обозначения фазы прекращения является глагол перестать/переставать. В конструкции с этим глаголом употребляются инфинитивы глаголов, обозначающих как действия, так и состояния, в том числе и непроизвольные. Соответственно нет ограничений в отношении семантики имен субъектов и объектов (А у меня, мама, горло перестало болеть. Гайдар; В доме совсем перестало пахнуть дымком самосада. Бубеннов). Более узкую сферу применения имеет глагол прекратить/прекращать и глагол бросить/бросать, которые в конструкции с зависимым инфинитивом или отглагольным именем действия обозначают, что действие перестало иметь место в результате волевого акта субъекта, при этом глагол бросить дополнительно обозначает, что субъект в будущем не будет совершать данное действие (Он вдруг прекращал заниматься, поддразнивая учителя назло. Помяловский; Что это на вас за шлагфрок? Такие давно бросили носить, - стыдил он Обломова. Гончаров). Специфика глаголов кончить/кончать, закончить/заканчивать, окончить/оканчивать, завершить/завершать, образующих конструкцию с зависимым инфинитивом или отглагольным именем, состоит в том, что действие прекращается, потому что оно достигло либо естественного предела, либо запланированного временного предела (Райский не ушел к себе, когда убрали чай и уселись около стола оканчивать чтение).

Гончаров. ... Единственное стремление лично завершить начатую операцию руководило Рябиным. Березко). Вполне понятно, что в конструкции с названными глаголами не могут употребляться инфинитивы и отглагольные имена, называющие непланируемые неопределенные действия.

Фаза продолжения. Средства, выражающие это значение, указывают на то, что некоторый квант действия, прошедший фазу начала, имеет место в называемый момент времени и прекращение его не предусматривается. Значение продолжения действия тесно связано со значением прекращения действия: продолжать (что-либо делать) = не переставать (что-либо делать).

Самым распространенным средством обозначения этой фазы является глагол продолжать. В конструкции с этим глаголом употребляются инфинитивы и отглагольные имена практически любой семантики. Соответственно нет ограничений и в отношении семантики имен субъектов и объектов (Боевые товарищи Ли-ли, искренне переживающие ее потерю, не по штабам в ту пору ходили, а продолжали воевать, - кто может осудить их за это? Комс. правда). Узкую сферу применения имеет глагол оставаться, в конструкции с которым употребляются инфинитивы глаголов, обозначающих положение человека в пространстве (Среди них попадались старики, которые не могли идти ... Их несли на носилках. Некоторые падали и оставались лежать на месте. Катаев). Достаточно очевидно, что эту фазу могут выражать глаголы, обозначающие фазу прекращения, в конструкции с отрицательной частицей не (И во время моей женатой жизни никогда не переставал испытывать терзания ревности. Л. Толстой).

Фаза прерыва. Средства, выражающие это значение, указывают на то, что некоторый квант действия с называемого момента времени перестает иметь место в результате акта, нарушившего естественное течение процесса, благодаря чему данный квант действия заведомо не достиг естественного или временного предела. Специализированным средством обозначения этой фазы является глагол прервать/прерывать, в конструкции с которым употребляются отглагольные имена, называющие действия, поддающиеся волевому контролю (Маяковский приступил к чтению. Но более четырех строк ему не удалось прочесть. С ним что-то случилось. Он прервал чтение. Ивнев).

Фаза возобновления. Средства, выражающие это значение, указывают на то, что с называемого момента времени в резуль-

тате волевого акта начинает иметь место ранее прерванный квант действия. Для обозначения этой фазы используются глаголы возобновить/возобновлять и продолжить, в конструкции с которыми употребляются те же отглагольные имена, что и в конструкции с глаголом прервать (Гордецов умолк и долго не возобновляя рассказ, погрузившись в воспоминания. Павленко; Все это было так не похоже на маяковского, что все как бы застыли от удивления. Маяковский тряхнул головой и попытался продолжить чтение. Еще несколько строк и снова молчание. Ивнев).

Фаза начала и продолжения. Средства, выражающие совокупность этих значений, указывают на то, что некоторый ранее начатый квант действия продолжает иметь место в называемый момент времени. Судя по литературе, таких специализированных средств в русском языке как будто бы нет. Вместе с тем отмечается, что глаголы начать и стать в конструкции с инфинитивами глаголов "непрерывно возрастающего качества" обозначают "не только приступ к совершению действия, но и начало достижения результата" (Гостинная начала наполняться; Гости начали пьянеть; Больной стал поправляться; Климат стал улучшаться) /3, 17-18/. Можно думать, что в рассмотренном случае глаголы начать и стать как раз обозначают фазу начала и фазу продолжения.

Фаза продолжения и прекращения. Средства, выражающие совокупность этих значений, указывают на то, что некоторый продолжающийся квант действия перестает иметь место в называемый момент времени. В русском языке таким средством является приставка до-, которая присоединяется к бесприставочным переходным и непереходным глаголам обоих видов. Существенно отметить, что производные глаголы с приставкой до- обозначают не просто прекращение кванта действия, но и доведение его до естественного предела или какого-либо ограничительного пункта (Она /работа/ не только сильно подвинулась она приближается к концу. Теперь осталось дописать несколько страниц. Тургенев; Не доплыв и до тени, Сергей повернул обратно. Бабаевский).

Подведем некоторые итоги. В русском языке имеются специализированные формальные средства для обозначения всех фазовых способов действия, входящих в универсальную семантическую зону. Это либо синтетические средства (глагольные приставки), относящиеся к сфере словообразовательной морфологии, либо аналитические средства ("служабные" глаголы), относя-

входя к сфере конструктивного синтаксиса.² По сравнению с морфологическими синтаксические средства играют заметно более важную роль и в количественном отношении и по сфере употребления. Например, фазовые значения продолжения, перерыва, возобновления, а также совокупность значений начала и продолжения выражаются только синтаксическими средствами, фазовые значения начала и прекращения выражаются как синтаксическими, так и морфологическими средствами и лишь совокупность фазовых значений продолжения и прекращения выражается только морфологическими средствами. Наиболее широкий набор формальных средств (3 приставки и примерно 10 глаголов) используется для обозначения начальной фазы, что, очевидно, связано с особой прагматической значимостью этого способа действия. Этой же причиной, по-видимому, следует объяснять наличие специализированных глаголов, которые начинательное значение выражают в совокупности либо с интенсивным значением, либо с итеративным значением, либо с некоторыми другими значениями. Достаточно важной в прагматическом отношении является и фаза прекращения, для обозначения которой используются 1 приставка и примерно 7 глаголов. С функционально-типологической точки зрения существенно отметить наличие специализированных средств, обозначающих прекращение действия, достигнутого естественного или запрограммированного предела. Минимальное количество специальных формальных средств используется для обозначения фазы продолжения (один глагол), фазы перерыва (один глагол), фазы возобновления (два глагола), совокупности фаз начала и продолжения (два глагола), совокупности фаз продолжения и прекращения (одна приставка). Не исключено, что различия в количестве формальных средств, используемых для выражения различных фазовых значений, отражают универсальную тенденцию, в основе которой лежит большая прагматическая значимость фазовых значений начала и прекращения сравнительно с остальными фазовыми значениями, однако делать какие-либо обоснованные заключения до проведения соответствующих исследований с привлечением материала различных языков было бы преждевременно.

² В статье не рассмотрены относящиеся к сфере конструктивного синтаксиса управляющие фазовые частицы типа ну, давай (Сосед вернулся навеселе и давай шуметь), а также слова с фазовым значением типа не переставая, которые зависят от знаменательного глагола (Мальчик говорил не переставая). Разумеется, они должны быть учтены при полном описании средств выражения фазовых значений.

Литература

- I. Н.С. Авилова. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
2. Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.
3. А.А. Бойко. Сочетания с инфинитивом несовершенного вида в современном русском языке. Л., 1973.
4. А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967.
5. Л.П. Демиденко. Синтетические (морфологические) и аналитические (синтаксические) способы выражения начала глагольного действия в истории русского языка. Автореферат канд. диссертации. Л., 1964.
6. В.М. Жирмунский, О.П. Суник (редакторы). Аналитические конструкции в языках различных типов. М.-Л., 1965.
7. А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, ч. II. Братислава, 1960.
8. А.М. Ломов. Очерки по русской аспектологии, Воронеж, 1977.
9. В.С. Маслов. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. -В кн.: Вопросы общего языкознания, Л., 1965.
10. Д.М. Насилов. О способах выражения видовых значений в алтайских языках, -в кн.: "Проблемы общности алтайских языков". Л., 1971.
11. А.М. Пешковский. Вопрос о "вопросах". -В кн.: Избранные труды. М., 1959.
12. А.А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.-Л., 1941.
13. П.С. Сигалов. История русских прерывисто-смягчительных глаголов. -В кн.: Вопросы русской аспектологии, II. Тарту, 1977.
14. П.С. Сигалов. Задачи и возможности сопоставительного и сравнительно-исторического изучения способов действия славянского глагола. -В кн.: Вопросы сопоставительной аспектологии, вып. I, Л., 1978.
15. В.С. Храковский. Принципы типологического описания содержательных грамматических функций, -в кн.: Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалистических стран на тему "Теоретические проблемы восточного языкознания", ч. 2. М., 1977.

16. М.А. Шелякин. Основные проблемы современной русской аспектологии (2).-В кн.: Вопросы русской аспектологии, II. Тарту, 1977.
17. S. Agrell. Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte, Ein Beitrag zum Studium der indogermanischen Präverbia und ihrer Bedeutungsfunktionen, Lund, 1908.
18. W. Dressler. Studien zur verbalen Pluralität, Wien, 1968.

Примеры для иллюстраций заимствованы, главным образом, из "Словаря современного русского литературного языка" в 17 томах и из словарной картотеки Института русского языка АН СССР.

О СТРУКТУРНОЙ СООТНОСИТЕЛЬНОСТИ ПРИСТАВОЧНОГО
ДЕРИВАТА И ПРЕДЛОЖНОГО СОЧЕТАНИЯ

Э.М. Джематулова

Согласно выдвинутому Пражской лингвистической школой принципу "динамической солидарности"¹, развитие языка происходит прежде всего в системе взаимосвязанных единиц. С этих позиций важным представляется сопоставление семантической эволюции приставок и генетически связанных с ними предлогов. В связи с тем, что исследование последних неотделимо от исследования падежей, объектом нашего рассмотрения станет цепочка: приставка – предлог (+ флексия имени). Безусловно, у каждой из этих единиц своя система, но совершенно очевидно и то, что между ними существует также и определенная связь, которая может представлять интерес как для историков языка, так и для исследователей современного его состояния. Наша статья – попытка определить связь единиц в указанной цепи. В связи с этим необходимо очертить исходные позиции по вопросу исследования.

Семантическому анализу приставок в современном языкознании уделяется большое внимание. Исследование их ведется в плане анализа "поведения" приставки в производном слове с учетом избирательной сочетаемости приставок и мотивирующих основ (слов), степени взаимовлияния семантики производящего слова и значения приставки, а также значения контекста. Такой подход наблюдается уже в исследованиях К.С. Аксакова и Н.П. Некрасова², в современном языкознании теоретическое обоснование такого рассмотрения находим в работах Б.Н. Головина, И.С. Улукханова, Э. Секаниновой, П.С. Сигалова, О.М. Соколова, А.Н. Тихонова, М.В. Черепанова и др. исследователей. Подобный анализ ведется не только на материале современного языка и определенных временных срезов, но также в плане диахронии. Исследование семантики приставок в диахронном аспек-

¹ Т.В. Булыгина. Пражская лингвистическая школа. – В кн.: Основные направления структурализма. М., 1964, с. 87.

² К.С. Аксаков. О русских глаголах. – Полное собрание сочинений, т. II, ч. I. М., 1875, с. 431.
Н.П. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб, 1865.

те можно дополнить и другим подходом, основанным на генетической связи приставок и предлогов, восходящей, как известно, к истории полнозначных слов.³ Этот аспект рассмотрения приставок и предлогов может, по нашему мнению, оказать определенную помощь в процессе восстановления семантической эволюции приставок, однако он возможен при изучении семантики префиксов и в синхронном плане.⁴ Речь, разумеется, идет о соотносительных приставках и предлогах, таких, как В и В- (предлог и приставка), ИЗ и ИЗ- и др. Подобное исследование связано с решением следующих вопросов: 1. имеется ли достаточное основание для сопоставительного анализа приставок и предлогов и 2. какое место занимает семантика приставок и предлогов в системе языковых значений? Специального рассмотрения на конкретном материале требует вопрос об истории взаимодействия приставок и предлогов - единиц, традиционно относимых к разным языковым уровням.

Основная трудность решения этих вопросов связана, пожалуй, с предлогами, с их неопределенным положением в ряду лексем русского языка. Статус же морфем и их семантика освещены в современном языкознании достаточно полно и ясно. Значением словообразовательных морфем является значение деривационное.⁵ Иначе - с семантикой предлогов. В большинстве случаев исследователи выделяют в предлогах значения лексические и значения грамматические. Если генетическая связь предлогов и приставок позволяет нам сопоставлять их, то при этом закономерно встает вопрос: с чем же сопоставлять словообразова-

³ А. Мейе. Основные особенности германской группы языков. М., 1952, с. 131-132. Его же: Общеславянский язык. М., 1956, с. 384.
Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку. М., 1952, с. 133. Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 177.

⁴ Оговорим, что речь идет о сопоставительном анализе с е м а н т и к и приставок и предлогов, а не соответствия в плане предложно-приставочного управления. См. работу в таком плане: О.Ф. Мирошниченко. О сочетаемости приставочных глаголов и зависимых словоформ с предлогом, одноименным приставке в современном русском языке. Канд. дисс. (машинопись). М., 1972.

⁵ Термин, однако, встречается в двойном употреблении: и как значение словообразовательного типа, и как значение форманта. См.: Е.С. Кубрякова. Основы морфологического анализа. М., 1974, с. 148-149. Р.С. Манучарян. Значение деривационное и значение словообразовательное. - Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978.

тельное значение приставок? С лексическим значением предлогов или с их грамматическим значением? Такой вопрос не встанет при сопоставлении (в том или ином плане) единиц одного и того же уровня, например при рассмотрении омонимии с л о в, когда сопоставляется лексическое значение одного слова с лексическим значением другого. Сравнительное же изучение семантики приставок и предлогов требует, по нашему мнению, уточнения семантики последних.

Определение семантики предлогов связано, очевидно, с вопросом об их природе: являются ли они словами, соответственно - имеют ли лексические и грамматические значения?

Не вдаваясь специально в историю изучения этой проблемы (она излагается во многих работах⁶), отметим только, что в обширной литературе (как зарубежной, так и отечественной) четко определились два подхода к решению этого вопроса. Первая точка зрения, восходящая в отечественном языкознании к исследованиям К.С. Аксакова, Н.П. Некрасова, Д.Н. Овсяннико-Куликовского и развитая позднее А.И. Смирницким, Б.А. Ильишем, Е.Т. Черкасовой, Р.П. Рогожниковой и др., утверждает правомерность выделения лексических и грамматических значений в предлогах. Второй подход, связанный с работами М.В. Ломоносова, А.А. Потемни, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова и поддержанный М.И. Стеблиным-Каменским, В.С. Бондаренко и др. постулирует наличие у предлогов лишь грамматических значений.

Остановимся на этих утверждениях. Сведение предложных значений к грамматическим вызывает несколько вопросов-сомнений: в чем причина развития и существования в языке единиц, выражающих те же грамматические значения, что и падежные флексии? Была ли вообще необходимость развития предлогов в языках флективных? Почему язык не может использовать в таком случае один универсальный предлог, выражающий грамматическую функцию отношения, а напротив, использует порой несколько предлогов при одном падеже? Почему предлогов в современном русском языке значительно больше, чем падежей?

Как известно, славянские языки - языки синтетические. Категориальное значение отношения с древнейших времен выража-

⁶ А.В. Юрин. К вопросу о семантике служебных слов. Чарджоу, 1960. Р.П. Рогожникова. Служебные слова и принципы их лексикографического описания. Докт. дисс. (машинопись). М., 1974.

ется в них падежными флексиями. Можно предположить, что на раннем этапе развития языка флексии имели возможность выражать определенные семантические оттенки. Нечто подобное можно наблюдать до сих пор в некоторых современных (неславянских) языках. Например, в эстонском языке локальность выражается флексией, которая, помимо установления грамматических отношений, вносит еще и уточнение характера этих отношений, т.е. то, что, скажем, в современном русском языке уточняется уже предлогом (и то, что исследователи называют лексическим значением): *lauale* - на стол, *laual* - на столе, *laualt* - со стола. Так, флексией - I в эстонском языке определяется то, что в современном русском языке выражается двумя единицами, т.е. флексия, выражающая в эстонском языке пространственное значение, совмещает в себе значения предлога и флексии русского языка.⁷ Еще более распространенной является падежная система, скажем, дагестанских языков, в которых исследователи отмечают разветвленную систему местных падежей. Так, А.Е. Кибрик в 23 дагестанских языках выделяет 18 типов системы ориентирующих значений и 15 типов систем двигательных значений⁸ (ср.: 8 падежей из 14 в хиналугском языке являются локальными⁹).

Можно предположить, что такая семантичность падежной флексии могла быть и в праславянской языковой среде. Зафиксированные случаи беспредложного выражения тех или иных пространственных отношений, например в старославянском или древнерусском языке, - показатель былой семантичности падежных флексий. Конкретность падежей не нуждалась в семантических уточнителях. Все большая необходимость выражения новых отношений вызвала расширение круга использования падежей, что соответственно вело к их универсализации. Появление предлогов подготовлено десемантизацией падежной флексии, точнее - начало этого процесса, вызвало развитие предлогов, что, в

⁷ Так, в эстонском языке 3 внутреннеместных падежа (иллатив, инессив, элатив) и 3 внешнеместных падежа (аллатив, адессив, аблатив). - Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975, с. 56-61.

⁸ А.Е. Кибрик. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков). - В кн.: Язык и человек. М., 1970, с. 110-156.

⁹ А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.П. Оловянникова. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972.

свою очередь, ускоряло процесс грамматикализации флексий. Это - предположение, но его можно принять¹⁰, т.к. оно подтверждается данными некоторых современных языков.

Таким образом, славянские языки нуждались в уточнителях смысловых отношений, а не в простых дублетах падежных окончаний. Тот факт, что число предлогов не уменьшается по мере развития славянских языков, а наоборот, возрастает вплоть до появления вторичных, второбразных предлогов, и тот факт, что предлоги продолжают употребляться в определенной связи с падежными флексиями, а не в отрыве от них, говорит о том, что предлоги, помимо грамматических функций, выражают и другие значения.

Говорить, что предлоги имеют лишь грамматические значения, можно, по-видимому, только в отношении аналитических языков (и то с большой осторожностью). Замена беспредложных сочетаний предложными была характерна не только для славянских языков, но и для других, например, романских и германских. Однако в отличие, скажем, от русского языка в этих языках (например, во французском, английском) появление и развитие предложной системы сопровождалось редукцией падежных окончаний. С этим, вероятно, и была связана возможность постепенной грамматикализации предлогов вплоть до появления так называемых пустых (*vides de sens*), которые стали как бы заместителями падежных флексий. Это предлоги *à* и *de* во французском языке, которые в большинстве случаев функционируют как падежные флексии, выражая лишь общее значение отношения (чистую связь - по определению Ш. Балли), выбор их фактически уже ничем не мотивируется.¹¹ В английском языке предлог *of* является выразителем родительного падежа, например аналитическая форма родительного падежа *the house of my father*

¹⁰ Ср.: "Постепенно, однако, чисто конкретные употребления падежей были утрачены, главным образом, ввиду появления предлогов, обозначающих локальные и другие отношения более отчетливо, чем уступающие им по численности падежи..." - О. Есперсен. *Философия грамматики*. М., 1958, с. 212.

¹¹ Ж. Вандриес. *Язык*. М., 1937, с. 86; Э. Бурсье. *Основы романского языкознания*. М., 1952; *Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков*. М., 1972, с. 361-365; Ш. Балли. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М., 1955, с. 320, 345; Н.А. Катагощина, Е.М. Вольф. *Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков*. М., 1968, с. 200.

эквивалента конструкции *my father's house*¹². Лишь в подобных случаях можно, вероятно, говорить, что предлоги обладают только грамматическими значениями (что, разумеется, не исключает их былой семантической). Эти предлоги прошли путь от лексем (местоименных наречий)¹³ через этап функционирования в качестве семантических предлогов до чисто грамматических единиц, функция которых ничем не отличается от функций падежных окончаний.

Таким образом, значения предлогов в русском языке нельзя сводить только к грамматическим значениям, нельзя их определять и как лексические.

Выделение лексических и грамматических значений основано на отношении к предлогу как к лексеме (хотя и служебной). Если предположить, что предлог является лексемой, то в нем действительно должно быть грамматическое и лексическое значение. "Под лексическим значением слова обычно разумеют его предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы этого языка".¹⁴ Лексическое значение отличает одно слово от другого. Но это не значит, что всякое индивидуальное отличие одной языковой единицы от другой является отличием лексическим, например, приставки В- и ВЪ- различаются своим содержанием, но это не значит, что они являются словами и имеют лексическое значение. То же можно сказать и о предлогах, когда индивидуальное отличие одного предлога от другого определяют как лексическое значение.

Бесспорным является то, что предлоги "похожи" на слова и несут какое-то значение, ибо, как бы мы ни отрицали лексические значения у предлогов, мы без труда (хотя и интуитивно) различаем предлоги и их специфическую наполненность, информативность и не смешиваем, допустим, предлог В с предлогом ИЗ, ПОД - с НАД и т.д. независимо от контекста. Как бы мы, однако, ни обосновывали наличие лексических значений у пред-

¹² В.М. Жирмунский. О границах слова. - В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.-Л., 1963, с. 26.

¹³ А. Мейе. Основные особенности германской группы языков. М., 1952, с. 130-131.

¹⁴ В.В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. - Вопросы языкознания, 1953, № 5, с. 10.

логов, мы не можем утверждать, что значения эти похожи на те значения, которые мы выделяем в словах знаменательных как действительно лексические значения, и предлог в этом смысле останется "дефектным" словом. Предлог в русском языке не является чисто лексической единицей, как не является и чисто грамматической: им не отображаются предметы и явления действительности, как не заменяются и падежные окончания. Если бы предлог являлся чисто грамматической единицей, то в нем не было бы никакой необходимости, т.к. грамматическое значение отношения выражается окончаниями имен. Специфика предлога в русском языке в том, что он употребляется параллельно с флексией и вносит дополнительно некоторый смысловой оттенок.

Предлог традиционно включается в разряд слов своей "похожестью" на них, своей графической выделяемостью. Самостоятельностью же употребления предлог не обладает, за исключением таких окказиональных выражений, типа приводимых в работе В.С.Бондаренко: Все, что задавали - до и от - старательно забывают в один год (Маяковский. Гимназист или строитель)¹⁵. Но самостоятельность употребления предлогов в данном случае условная, т.к. в подобных предложениях полнозначное слово, при котором должен был бы стоять предлог, опускается, но не перестает подразумеваться. Это случай актуализированного, по выражению Ш. Балли, употребления предлогов. Подобные примеры отнюдь не укрепляют положения предлогов в ряду лексем языка.

Семантическое и формальное отличие предлогов от полнозначных слов издавна привлекало внимание исследователей. Отмечены такие отличительные признаки, как: неспособность к отдельному номинативному употреблению, полная невозможность определения и уточнения их полнозначными словами, невозможность функционирования и как самостоятельных главных или второстепенных членов предложения, отсутствие самостоятельного ударения у большинства первообразных предлогов, отсутствие форм словоизменения, формообразования и словообразования и другие признаки.¹⁶ Предлоги, таким образом, отлича-

¹⁵ В.С. Бондаренко. Предлоги в современном русском языке. М., 1961, с. 42.

¹⁶ В.В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, с. 28; О.П. Сунник. Слово, его основа и корень как различные морфологические категории. - В кн.: Морфологическая структура слов в языках различных типов. М., 1963, с. 137; Д.И. Леденев. Вопросы изучения неполнозначных слов. Ставрополь, 1966, с. 33.

ются от знаменательных слов на семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Столь серьезные отличия послужили причиной пересмотра статуса предлогов (первообразных) и включения их в разряд морфем. К такому мнению склонялись Ж. Вандриес, Е. Курилович и др. исследователи.¹⁷ Не случайно и В.В. Виноградов называл их "агглютинативными префиксами косвенного объекта", а В.М. Жирмунский писал о функциональной близости предлогов и морфем.¹⁸ Эта концепция представляется более удовлетворительной, чем концепции, сводящие предлоги к словам.

Возможность сближения предлогов и приставок кроется не только в их генетической связи, но также и в синтагматической связи, заключающейся в сходстве их функционирования в своих синтагмах. Вслед за Ф. де Соссюром, Ш. Балли, С. Карцевским под синтагмой мы понимаем структурное образование двух единиц, соединенных подчинительной связью, т.е. относящихся друг к другу как определяемое и определяющее.¹⁹ Исходим также из понятий внутренней синтагмы (деривата) и внешней (словосочетания) и изоморфизма отношений, складывающихся между единицами внутри производного слова и внутри словосочетания.²⁰

Применительно к нашему материалу этот изоморфизм можно

- ¹⁷ Ж. Вандриес. Язык. М., 1937, с. 114, 132; Е. Курилович. Проблема классификации падежей. - В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 176-181; Ст. Геродес. Старославянские предлоги. - В кн.: Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963, с. 314.
- ¹⁸ В.В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, с. 677; В.М. Жирмунский. Об аналитических конструкциях. - В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.-Л., 1965, с. 10.
- ¹⁹ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. - В кн.: Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 155-160; Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 114-116; С.О. Карцевский. Повторительный курс русского языка. М.-Л., 1928, с. 24-25.
- ²⁰ С.О. Карцевский. Указ. соч., с. 24. О сходных идеях польских языковедов см.: П.С. Сигалов. Вопросы теории русского исторического словообразования. АИ, Л., с. 12-14. Его же: О соотношении деривата, словосочетания и предложения. - Ученые записки Тартуского гос. ун-та, вып. 442. Семантика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика, I. Тарту, 1978.

упрощенно представить так: приставка, являясь словообразовательной морфемой, соответствующей семантике мотивирующего слова, вносит деривационное значение, изменяя, тем самым частично или полностью значение слова. Приставка при этом является определяющим членом, производящее слово - определяемым. То же происходит и с предлогом. Предлог, без сомнения, имеет значение, "свое лицо", чем отличается хотя бы от других предлогов. Но значение это не равно семантике знаменательных слов.²¹ Предлог участвует в организации, образз о в а н и и предложно-падежной формы, внося свое значение, соответствующее семантике падежа, и изменяя тем самым частично или полностью (ср.: на столе - столе), подобно приставке, значение словосочетания, т.е. и приставка, и предлог являются з н а ч и м ы м и морфемами. В образовании семантики предложно-падежной формы с помощью предлога и в образовании семантики производного слова с помощью приставки есть нечто общее, заключающееся в характере "поведения" приставки и предлога в своих синтагмах и степени участия их значений.

Функции и значения предлогов аналогичны функциям и значениям приставок. Подобная соотносительность семантики и функций предлогов и приставок позволяет говорить и о соотносительности самой природы этих значений. По аналогии со словообразовательным значением приставок, значение предлога можно было бы определить как синтагмообразовательное, ср: н а е х а т ь (на камень) - словообразовательное значение приставки НА - указание на направление действия на поверхность чего-нибудь. (Наехать) н а к а м е н ь - синтагмообразовательное значение предлога НА - указание на направление действия на поверхность чего-нибудь. Общим у приставок и предлогов является то, что они участвуют в организации своих синтагм (деривата и предложно-падежной формы), внося при этом сходные значения. Лишь дефектность предлога как морфемы (при всем сходстве у них все же свои системы) не позволяет выде-

²¹ В зарубежной лингвистике существует точка зрения, которая утверждает равнозначность (в смысле лексических значений) морфем и лексем. На этой точке зрения стоит Л. Ельмслев: "... мы не должны считать, например, что существительное более значимо, чем предлог, или что слово более значимо, чем словообразовательный или словоизменяемый аффикс." - Прологомены к теории языка. - В кн.: Новое в лингвистике, вып. I. М., 1960, с.304.

лять в нем то же словообразовательное значение, что и в приставках. Целесообразнее, однако, синтагмообразовательным значением определять обобщенное значение всякой значимой, но не лексической части синтагмы вообще, а конкретные значения конкретных единиц - словообразовательными значениями (значения деривационных морфем) и комбинационными (значения предлогов). По степени обобщенности синтагмообразовательное значение будет находиться между лексическим значением и грамматическим.

Предлоги и приставки имеют не лексические значения (значения лексем), а значения словообразовательные (префиксы) и комбинационные (предлоги). Можно предположить, что функционирование предлога и семантика, вносимая им, сходны с "поведением" словообразовательной приставки и семантикой, вносимой ею в производное слово, и - говорить о формально-семантическом и функциональном их сходстве (но не тождестве). Тот факт, что предлоги сохраняют свою графическую самостоятельность, позволяет им сохранять и некоторое отличие от приставок. Это отличие и делает предлоги "дефектными" морфемами и мешает выделению в них словообразовательных значений. Этим отличием и в то же время сходством с ними (префиксами) объясняется введение понятия комбинационного значения предлогов, поскольку нет у них ни лексического, ни грамматического (в том смысле, в каком используются эти термины в современном языкознании), ни словообразовательного значения.

До сих пор речь шла о предлогах безотносительно к падежам, однако, говоря о сходстве предлогов и морфем, необходимо помнить о функциональной неразрывности предлогов и падежных окончаний, т.е. морфем словоизменительных, грамматических. "В этом ... единстве падеж представляет общий, а предлог - специфический элемент значения, взятого в целом."²² Управление глагола именем в предложных глагольно-именных словосочетаниях (речь идет только о глагольных конструкциях) осуществляется с помощью предлогов. В русском языке предлог не просто соотносится с падежом - наблюдается строго регламентированная внутренняя связь между падежами и предлогами, они представляют собой единую систему. Так, предлог НА связан с винительным и предложным падежами, ДО - с родительным и т.д. Необходимость изучения семантики предлогов в связи со

22 Ф. Мико. Характер падежной системы в словацком языке. - В кн.: Языкознание в Чехословакии. М., 1978, с. 329.

значениями падежей отмечалась уже В.А. Богородицким.²³ По определению Е.Куриловича, падежная флексия и предлог - сложная морфема, состоящая из двух субморфем, причем предлог - основная субморфема.²⁴

В плане изучения семантической эволюции предлога эта связь имеет важное значение: несомненно, существует определенная закономерность в изменении значений предлога и изменении значений падежа (а значит, и флексии как выразителя этих значений).²⁵ Данная проблема может интересовать нас в связи с изучением семантической эволюции предлогов, повторяющихся, возможно историю развития падежных окончаний от выражения конкретных значений до чисто грамматических (ср.: история так называемых пустых приставок, т.е. приставок в чистовидовой функции).

Опираясь на синтагматическую связь приставок и предлогов, сходство их поведения в своих синтагмах, а также на изоморфизм отношений единиц внутри этих синтагм, отметим еще одно возможное сопоставление. То явление, которое Е. Курилович называет сложной морфемой, проявляет сходство с тем, что в словообразовании принято называть формантом.²⁶ Приставочный дериват определенного словообразовательного типа изоморфен предложно-падежной синтагме, которую в таком случае можно охарактеризовать как комбинационный тип, формантом которого и выступает единство предлога и падежной флексии.

Все сказанное выше (связь приставок и предлогов, следовательно, и их значений, а также неразрывность предлогов и падежей) можно изобразить схематически (см. таблицу на стр. 36). Комментарий к таблице:

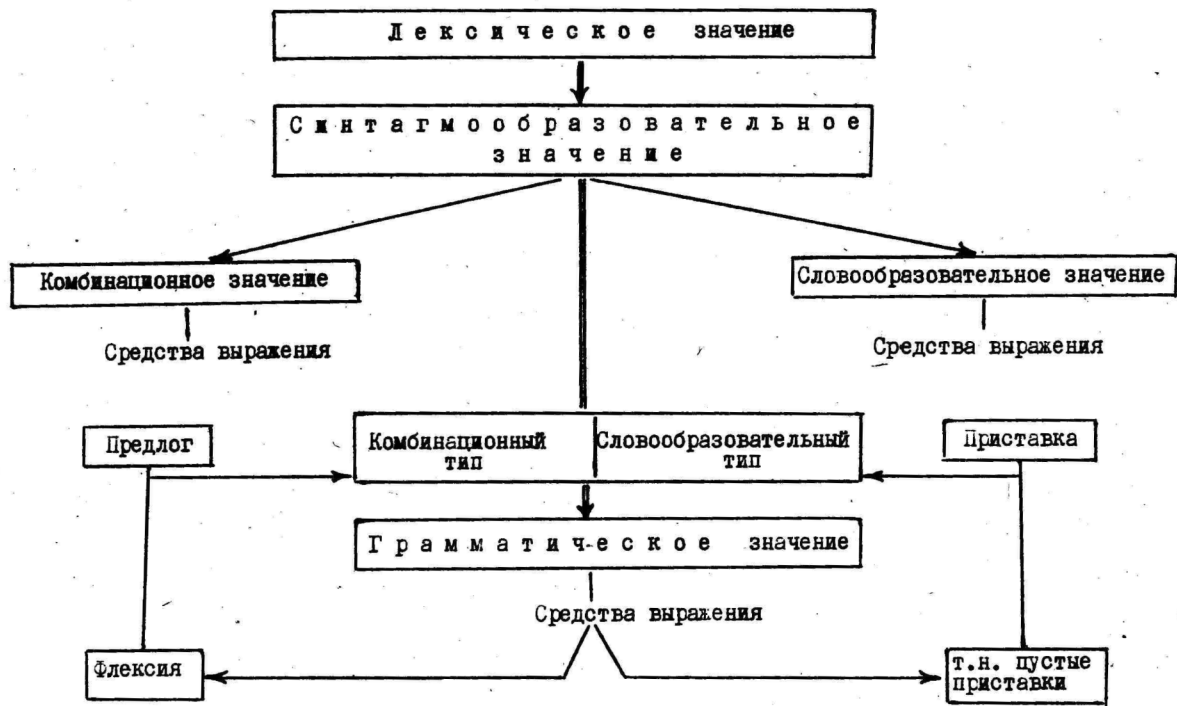
1. Схема отражает генетическую связь приставок и предлогов, следствием которой является генетическая связь и их значений: словообразовательного и комбинационного. Обе еди-

²³ В.А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.-Л., 1935, с. 222.

²⁴ Е. Курилович. Проблема классификации падежей. - В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 176. Об устойчивом сочетании этих двух морфем см.: В.М. Жирмунский. О границах слова - В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.-Л., 1963, с. 26; Ст. Геродес. Старославянские предлоги. - В кн.: Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963, с. 314.

²⁵ А.В. Попов. Синтаксические исследования. Воронеж. 1881.

²⁶ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 39.

ницы ведут свое начало от наречий, а их значения, соответственно, от лексических.

2. Таблица указывает не только на иерархию значений, но и на историческую последовательность грамматикализации языковых единиц. А priori можно предположить, что и флексия как носитель грамматического значения в современном русском языке может восходить к лексеме, т.е. локальное значение могло первоначально выражаться указательными местоимениями (?)²⁷, которые впоследствии развились в словообразовательные суффиксы, а затем - падежные окончания имен. Первый этап выражения значения падежа можно обозначить как контакт двух слов: лексема + лексема (местоимение) → второй этап: лексема + словообразовательная морфема → третий этап: лексема + флексия. Последний этап развития падежного окончания шел по пути все большей его десемантизации от относительно конкретной семантики до чисто грамматических значений. Такой путь развития допускают многие исследователи, например финно-угорских языков относительно части приуральских падежей.²⁸ Не противоречат такому предположению и некоторые кавказские языки.

3. По степени обобщенности синтагмообразовательное значение занимает срединное положение. С точки зрения исторической оно также представляет среднюю ступень на пути грамматикализации приставок и предлогов (между лексемами и чисто грамматическими морфемами). Степень "лексичности" или "грамматичности", т.е. близость приставок и предлогов к тому или иному полюсу, различна. Так, некоторые приставки в русском и других славянских языках могут выступать в чистовидовой функции (так называемые пустые приставки). О случаях полной грамматикализации предлогов в русском языке (как, например,

²⁷ Ср. теорию агглютинации Ф. Боппа в работе: Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого. - В кн.: В.А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. I. Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 212-214. А.В. Десницкая. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М., 1955, с. 38.

²⁸ К.Е. Майтинская. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М., 1979, с. 96.

во французском языке предлогов à и de) говорить трудно, хотя В.В. Виноградовым отмечено несколько примеров такого употребления некоторых предлогов.²⁹

Таким образом, исследование семантики приставок может вестись в плане исследования ее функционирования в деривате и в плане сопоставления ее значений со значениями генетически и синтагматически соответствующего ей предлога. Второй аспект исследования особенно важен, на наш взгляд, при рассмотрении путей и причин семантической эволюции той или иной приставки (параллельно семантической эволюции соответствующего предлога). Как мы попытались показать в нашей статье, при таком подходе необходимо исходить, прежде всего, из связи приставок и предлогов.

²⁹ В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, с. 678, 700-702.

П. С. Сигалов

В предлагаемых заметках будут рассмотрены два вопроса, связанные с образованием и выбором парного по виду глагола: 1) обязательность перфективации глагола несовершенного вида при присоединении приставки; 2) семантические критерии выбора видового коррелята. Эти вопросы неоднократно обсуждались в аспектологической литературе и, как кажется, получили более или менее однозначное решение. Однако в работах последних лет высказываются и иные взгляды, поэтому настоящим представляется обращение к этим важным вопросам видообразования.

I. В XIX веке существовало мнение, что приставка не всегда перфективирует глагол (Ф. Миклошич, Н. П. Некрасов). В качестве доказательства приводились глаголы типа приходить, раздавать, будто бы образованные префиксальным путем. С. О. Карцевский показал, что присоединение приставки всегда превращает глагол несовершенного вида в глагол совершенного вида /I/, однако миф о возможности сохранения глаголом с приставкой несовершенного вида жив до настоящего времени /2/. Между тем существуют несомненные доказательства того, что глаголы типа приходить, раздавать не образованы префиксальным путем. На чешском материале это показал Ф. Копечный /3/. Остановимся на наиболее часто приводимом аргументе: необязательности перфективации при присоединении локальной приставки к разнонаправленному глаголу движения, т. е. ходить (НСВ) + при = приходить (НСВ). На самом деле последовательность глагольного образования здесь иная: от однонаправленных глаголов движения с помощью локальных приставок образуются глаголы совершенного вида с новым лексическим значением (прийти, улететь, отвести, отбежать), от этих глаголов образуются приставочные же глаголы несовершенного вида, которые не отличаются от них семантически и являются членами видовых пар (прийти - приходить, улететь - улетать, отвести - отводить, отбежать - отбегать). Т. е. здесь, с точки зрения словообразовательной, выступает подстановка уже имеющейся, готовой формы вместо вторичной, суффиксальной. Аналогичное явление находим, например, при образовании прилагательных с приставкой без-. При этом чаще всего используется конструкция: пре-

фикс без- + суффикс -н- (безбожный, бессрочный, ср. бесталанный и неталантливый), иногда же в качестве строительного материала (очевидно, при формальных трудностях суффиксации) используется готовое прилагательное, ср. беззастенчивый, безотчетливый (и безотчетный). О правильности именно такого направления производности при образовании глаголов типа приходить говорит, во-первых, общая схема образования приставочных глаголов несовершенного вида (имперфективации), во-вторых, образование глаголов от других глаголов движения, ср. плыть - отплыть - отплывать, ползти - отползти - отползать, тавить - вытащить - вытаскивать. В этом случае совершенно очевидно, что приставочные глаголы несовершенного вида образованы не от глаголов разнонаправленного движения (плавать, а не плывать, ползать, а не ползать, таскать, а не таскивать), а от приставочных глаголов СВ. Этот вывод нужно распространить и на глаголы типа приходить, улетать, отводить, отвозить /4/. К глаголам разнонаправленного движения локальные приставки не присоединяются, они могут оформляться только приставками с количественно-временными значениями. Эта закономерность очень важна для истории глагольного словообразования: глаголы с итеративным значением имеют ограниченные возможности префиксации.

Наличие в старославянском и древнерусском языках загодочных презентных форм имперфективных глаголов II класса типа зѣблеть /5/, ничеть /6/ вынуждало многих исследователей (О. Видеман, А. Мейе, А. Лескин, С. Кульбакин /7/) высказывать предположение о существовании в древнеславянских языках глаголов типа zѣbati, gѣbati, nikati. Из такого предположения иногда делается вывод, что приставочные глаголы типа ro-gѣbati, ponikati и возникли в результате присоединения приставки к соответствующему глаголу на - ati, ср. в последнее время работу Т.С. Ворошиловой /8/. Если бы глаголы типа gѣbati, nikati и существовали (в древнеславянских языках они не отмечены, презентные формы типа gѣbletъ, правильнее объяснять, очевидно, как je-образования глаголов с инфинитивом типа gibti), то они должны были иметь итеративное значение. Действительно, такие итеративы засвидетельствованы в отдельных случаях, ср. рус. зѣбать /9/, сыпаться /10/, но это поздние образования, обязанные своим возникновением формированию группы итеративов на -ѣа-, ср. пол. chadzać, mawiac. Ср. высказывание А. Достала: "... ясно, что большая часть

глаголов типа избавляти никогда не была известна без приставки (мысль о таком идеальном состоянии, когда, например, в праславянскую эпоху существовали бы все итеративы, которые в историческую эпоху известны лишь с приставкой, давно уже относится к эпохе романтизма)" /II/. Если даже предположить, что такие итеративы существовали в праславянском языке, то возможность их префигирования представляется сомнительной, глаголы типа poгыbati, ponikati образовались путем вторичной имперфективации с помощью суффиксов от приставочных глаголов совершенного вида, т.е. gybnoti → poгыbnoti → poгыbati.

Точно так же слова типа выигрывать, захаживать и т.д. являются результатом суффиксации (вторичной имперфективации), а не префиксации итеративных глаголов. Т.е. итеративные глаголы (или, точнее, глаголы с итеративным значением, значением нерегулярно повторяемого, узуального действия и собственно итеративы типа едать, бывать, пивать, хаживать) не префигируются. Это на старославянском материале показал А. Достал /12/, на польском - К. Неттеберг /13/ и М. Куцада /14/. Поэтому не представляются верными объяснения типа "Разбор... в ст.-сл.яз. образовано с помощью темы -ъ и перегласовки от разбирати, являющегося производным с преф. раз- ... от брати - формы многократного вида к брати" /15/.

2. Как известно, среди аспектологов нет единого мнения о роли приставочного образования в формировании видовых пар: одни авторы выделяют грамматические и лексические значения приставок, другие отрицают наличие грамматических приставок. Строго говоря, скептическое отношение к выделению грамматических приставок определяется не столько обязательными семантическими наращениями, сдвигами в дистрибуции и т.д.; что всегда можно продемонстрировать, не в различиях семантического эффекта перфективации и имперфективации (ср. случаи типа ставить - поставить), а в отсутствии каких-либо формальных критериев выбора "грамматической" приставки. Термин "грамматическая" ("пустая") приставка" здесь употребляется в значении "приставка, присоединение которой к глаголу меняет его в лексическом отношении в минимальной степени по сравнению с другими приставочными дериватами". Т.е. это может быть приставка с максимально ослабленным лексическим значением и приставка, собственное лексическое значение которой тождественно обобщенному значению глагола. Еще в начале века шведский славист С. Агрелль обратил внимание на то, что глагол

перфективируется приставкой, близкой ему по значению. М.Ве в работе, посвященной "пустым" приставкам в чешском языке, "пустой" считает такую приставку, собственное абстрагированное значение которой совпадает с значением глагола или достаточно близко к нему /16/. Чешский лингвист И. Польдауф ввел понятие "классифицирующие приставки" (*řadící předpony*): грамматическая приставка выражает абстракцию "общую с семантической чертой действия" /17/. Близки к этому мысли Ф. Копечного: "... мы перфективируем глагол такой приставкой, лексическое значение которой находится в соответствии с данным глаголом; следовательно, приставка содержит более общее понятие, в которое можно включить значение соответствующего глагола. Например, с очень общим объемом приставки *roz-* находится в явном соответствии глагол *dělit*, поэтому есть чисто видовой глагол *rozdělit ...*" /18/. Приведем русские примеры, иллюстрирующие рассматриваемое явление: а) писать, рисовать, чертить, царапать (в значении писать). Глаголы обозначают различные изображения на поверхности, ср. использование предлога на: писать на бумаге, чертить на ватмане. Для образования парного по виду глагола выбирается приставка на-, одно из значений которой: "направить на поверхность чего-нибудь действия, названное мотивирующим глаголом" /19/. Ср. невозможность образования такого видового коррелята от глагола царапать в его прямом значении, а также неологизмы наманикюрировать, нататуировать, наремингтонено (т.е. напечатано на пишущей машинке "ремингтон" - в романе Б. Пильняка "Голый год"); образования такого рода вполне могут быть аналогическими; б) дорожать, пахать. Эти глаголы объединяются общим значением движения вверх, для их перфективации используется приставка вз-, имеющая то же значение, ср. отсутствие такой приставки у антонимичного глагола дешеветь; ср. также возблагодарить бога - поблагодарить друга, ср. также вспотеть, где мотивированность ощущается лишь в сопоставлении с пропотеть; золотить, серебрить, синить, белеть, краснеть, синеть. Глаголы обозначают изменение окраски поверхности предмета. Среди значений приставки по- в грамматиках русского языка обычно не указывается локальное, сохраняемое одноименным предлогом. Но глаголы типа позолотить, покраснеть (и почистить, полить) дают возможность утверждать, что приставка по- сохраняет значение совершения действия по поверхности предмета; г) слепнуть, глохнуть; слепить, глушить. Эти глаголы

объединяются значением утраты восприятия окружающего мира; они перфективируются приставкой о-/об-/, которая имеет значение "действие, названное мотивирующим глаголом, направить вокруг чего-н., т.е. на все стороны чего-н." /20/. Классифицирующая приставка, понятие которой основывается на принципе субсумпции, т.е. семантического "согласования" приставки и глагола, если и не является универсальным средством определения причин выбора глаголом перфективирующей приставки, все же помогает объяснить многие случаи. Широко использовала этот подход в объяснении явления десемантизации приставок в болгарском языке К. Иванова /21/, ряд русских образований удачно объяснил М.А. Шелякин /22/. Критические замечания в адрес этого понятия выдвинул А.В. Исаченко /23/, к нему присоединился польский аспектолог Ц. Перникарский /24/. Замечания сводятся к следующему: 1) если выбор перфективирующей приставки обусловлен "общей" идеей данного глагола, почему один и тот же глагол в различных славянских языках может иметь разные перфективирующие приставки (добавим к этому, что и в одном и том же славянском языке какой-либо - даже однозначный, не говоря уже о многозначных, что подразумевается самой идеей семантического сопряжения, - может иметь несколько "пустых" приставок); 2) само общее значение действия, представленное в данном глаголе, является вторичным, оно выводится из факта сочетания глагола с определенной приставкой: "не семантика глагола определяет выбор приставки, а приставка с ее семантикой способствует именно такому, а не иному толкованию общего значения глагола" /25/.

Как представляется, выбор "грамматической" приставки для перфективации глагола относится к компетенции номинации. Так же, как и для наименования какого-либо предмета выбирается признак, представляющийся носителем языка наиболее существенным, определяющим (что, как известно, делает возможным название одного и того же предмета на основании разных признаков, т.е. в одном и том же предмете различные языковые коллективы могут усматривать различные определяющие признаки), выбор приставки для основной локальной характеристики действия, локального осмысления действия (а именно это было первичным) был, как и название вообще, в какой-то мере субъективным, избирательным, т.е. обуславливался тем, какой локальный характер принимало действие в сознании называющих. И для того, чтобы объяснить причину выбора глаголом опреде-

ленной приставки, необходимо попытаться восстановить первоначальную локальную оценку действия, а это компетенция этимологии и исторического словообразования. Вопрос о выборе приставки в качестве "грамматической" аналогичен вопросу о выборе определяющего признака для названия предмета, хотя между обоими вопросами существуют различия, так как в первом случае амплитуда возможностей менее широка. Кроме того, здесь происходит локальное определение ряда однотипных действий (хотя, может быть, правильнее говорить о префиксации опорного глагола, а остальные случаи рассматривать как аналогичские). Далее, если при названии какого-либо предмета может быть использовано его название в другом языке (т.е. заимствуется название), то при приставочной номинации используется лишь калькирование, например, немецких приставок в чешском языке, латинских приставок - в польском и т.д. Проблема нуждается в словообразовательном и номинационном изучении. Наконец, значительную роль в образованиях такого рода играет аналогия. Аналогичские образования могут сохранять семантическую обусловленность выбора "грамматической" приставки, при семантических сдвигах такая обусловленность может ослабляться. Взаимодействие всех этих причин (относительная субъективность выбора определяющего признака при "чистой" префиксации, возможность калькирования, действие аналогии, выветривание семантики приставки, ее деэтимологизация) и обуславливают трудности определения причин выбора той или иной приставки данным глаголом, появление при данном глаголе нескольких "грамматических" приставок (с возможными семантическими, стилистическими и дистрибуционными нюансами), различие "грамматических" приставок при одном и том же глаголе в разных языках. К этому нужно добавить, что в данном состоянии языка могут существовать ряды глаголов с "пустой" приставкой, не сохранившей в данном ряду следов своей мотивированности и функционирующей только аналогичски, ср. познакомить/ся/, подружить/ся/, пообрататься, поженить/ся/ поссорить/ся/ покумиться, повстречать/ся/. Знание определенных закономерностей префиксального формирования глагола может помочь раскрыть загадку префиксальных глаголов. Эта проблема преимущественно историческая, требующая знания семантического наполнения глагола в период приобретения им данной приставки, семантики данной приставки, конкуренции приставочного глагола в период его появления с другими приставочными дерив-

ватами данного глагола за место видового коррелята. Для отдельных глаголов эта работа выполнена Е.А. Бахмутовой /26/. И не следует, как кажется, бояться упрека в выводимости общего значения глагола из данного приставочного деривата: во-первых, при выведении общего значения помимо значения данного приставочного деривата и глагольного симплекса, должна учитываться и семантика других приставочных дериватов, во-вторых, восстанавливая внутреннюю форму слова исходят из наличных фактов: значения слова, структуры слова.

Общим местом является факт невозможности нахождения универсального коррелята для многозначного глагола, ср. глаголы типа рвать, бить. В этом случае приблизительное видовое соответствие подыскивается к глаголу в каждом данном его значении (к каждой "лексе"), и критерий выбора заключается именно в семантическом сопряжении локального характера приставки и глагола: рвать цветы - сорвать цветы, рвать зуб - вырвать зуб, рвать письмо - разорвать/порвать/ письмо. В глаголе красть могут быть отмечены две, так сказать, манеры исполнения действия: кража отдельного предмета и кража всех вещей (ограбление). В первом случае для обозначения завершения действия избирается приставка у- (украсть, ср. унести, утащить, где приставка у- имеет значение удаления, ср. уйти, убежать), а также приставка с- (скрасть - Даль, ср. в "Ключах Марии" С.А. Есенина: Заря-заряница, Красная девица, В церковь ходила, Ключи обронила, Месяц видел, Солнышко скрало, ср. также синонимы стянуть, спереть, стибрить, слямзить - см. "Очерки бурсь" Н.М. Помяловского), которая имеет значение движения сверху вниз, что совпадает с локальным рисунком кражи. Т.е. здесь возможны две локальные характеристики действия - и обе они используются русским языком. Во втором употреблении (все предметы) используется приставка о-/об-/, обозначающая, что действие направлено вокруг предмета, во все стороны его, ср. обокрасть (и ограбить), этот глагол, не вступающий в первом значении, и не присоединяет приставку у-, ср. также невозможность присоединения приставки о- к глаголам типа тянуть, тибрить. Аналогично обстоит дело и при сопоставлении фактов разных славянских языков. Так, рус. ограбить соответствует чеш. vyrabovat, польск. ograbować, grabować. В чешском глаголе подчеркивается факт извлечения предмета (ср. вынести все вещи, ср. также выкрасть, в польском, помимо совпадающей с русским языком приставки -o-, ис-

пользуется и приставка z-, соответствующая рус. с-. Поэтому замечание А.В. Исаченко "... не семантика глагола определяет выбор приставки, а приставка с ее семантикой способствует именно такому, а не иному толкованию общего значения глагола" /27/ не представляется верным. Разные значения и разные употребления одного и того же глагола могут содержать возможности их различной локальной трактовки. Так обстоит дело даже внутри одного и того же языка, тем больше таких возможностей в разных языках. И подобно тому, как даже в одном и том же языке могут быть выбраны два разных признака называемого предмета, в результате чего появятся два его названия, для "чистой" перфективации глагола могут быть избраны две (а иногда и больше) приставки, подчеркивающие разные локальные определения совершаемого действия. Это же может быть сказано о различном префигировании глаголов в родственных языках.

Причины выбора той или иной приставки (в конечном счете связанные с локальной характеристикой действия) могут быть - с большей или меньшей вероятностью - выяснены и без обращения к истории языка, путем внутренней реконструкции.

Во-первых, возможен синтагматический подход: анализируя семантику глагольного управления (беспредложного и предложного) простого и приставочного глаголов, можно высказать предположение об утраченном в "чистовидовом" корреляте значении приставки. Так, глаголы типа посвататься, подружиться, побрататься управляют сочетаниями к кому-либо, с кем-либо, что делает возможным предположение о наличии у приставки по- в прошлом значения контакта, совместности.

Во-вторых, возможен парадигматический подход: путем подстановки приставочного глагола в парадигматический ряд определяется значение приставки в анализируемом слове. Говоря о трудностях восстановления причин выбора приставки, О.М. Соколов пишет: "При немотивированной координации лексическое значение приставок не дает возможности само по себе уточнить содержание семантического противопоставления между членами оппозиции; приставки выполняют здесь только функцию регистратора семантического противопоставления. Трудно, например, объяснить, какими именно факторами вызвана различная префиксальная валентность в таких случаях: обмереть от неожиданности - умереть от болезни, молоко остыло - река застыла, фрукты созрели - события назрели, обеспокоить молчанием - побеспокоить шумом, лицо постарело - машина устарела ... Здесь

можно лишь фиксировать наличие избирательной префиксальной сочетаемости. Причин избирательности здесь может быть, по-видимому, множество и объяснить координацию здесь можно только через историю языка. Сам факт избирательности синхронно может быть объяснен тем, что та или иная форма слова "не выдумывается" носителем языка, она лишь воспроизводится им как относительно готовая единица. Произвольный выбор приставки здесь невозможен уже потому, что существует языковая норма" /28/. Используя подстановку в парадигматический ряд, рассмотрим примеры, приводимые О.М. Соколовым. Обмереть от неожиданности - умереть от болезни. Членами парадигматического ряда в первом случае будут глаголы оглохнуть, ослепнуть, онеметь, во втором - убить, удавить, удушить, угасить, утопить (ср. простор. угробить, ухлопать, ухайдакать и т.д.). Выбор приставки в первом случае обусловлен ее значением "действие, названное мотивирующим глаголом, направить вокруг чего-н., т.е. на все стороны чего-р." /28/ во втором - значением "уничтожить, израсходовать что-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом" /29/. Фрукты созрели - события надели. Членами парадигматического ряда в первом случае являются, как можно предположить, глаголы типа скленть, спать, скооперировать, сюда же может быть отнесен глагол сделать /30/, членами второго парадигматического ряда являются глаголы типа надвигаться (события надвинулись на город), нависнуть, наступить, набежать. Лицо постарело - машина устарела. Приставка по- в первом случае обозначает действие по поверхности предмета, изменение поверхности предмета, ср. по-синеть, почистить; о значении приставки у- речь шла выше. Трудно, используя этот подход, объяснить случаи молоко остыло - река застыла, обеспокоить молчанием -побеспокоить шумом. Но невозможность универсального использования принципа субсумции для объяснения выбора "грамматической" приставки отнюдь не является доказательством его неправильности и непригодности.

Литература

1. Karcevski, Serge. *Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique.* Prague, 1927, p. 98.
2. Никитевич В.М. Грамматические категории в современном русском языке. М., Учпедгиз, 1963, стр. 127; Андреева-Васина Н.И. Глаголы с приставкой при- в русских народных говорах. АҚД, Л., 1975, стр. 17.

3. Kopečný, Fr. Les fonctions de la prefixations verbale en tcheque moderne. - "Revue des études slaves", Paris, 1956, vol. XXXIII, p. 85.
4. Regnell, Carl Göran. Über den Ursprung des slavischen Verbalaspekten. Lund, 1944, S. 60.
5. И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, М., 1958, II, 1530.
6. Там же, т. II, 450.
7. Wiedemann, O. Beiträge zur altbulgarischen Conjugation. 1886, S. 78; Meillet, A. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Première partie, 1902, pp. 23-24; Leskien, A. Grammatik der altbulgarischen Sprache. Heidelberg, 1919, S. 186; Kulbakine, S. Le vieux slave. Paris, 1929, p. 338.
8. Ворошилова Т.С. К вопросу о генезисе инкоативных глаголов на -нуть. - В кн.: Вопросы грамматики русского языка. Тульский гос. пед. институт. Тула, 1974, стр.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956, т. I. стр. 697.
10. Там же, т. IV, стр. 288.
11. Dostál, A. Studie o vidovém systému v staroslověnině, Praha, 1954, str. 510.
12. Там же, стр. 256.
13. Netteberg, Kristine. Études sur le verbe polonais. Copenhagen, 1953, p. 61.
14. Kusała, M. Rozwój iteratiwów dokonanych w języku polskim. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1966, str. 23-24.
15. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Г.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961, стр. 378.
16. Vey, M. Les préverbes "vides" en tseque moderne. - "Revue des études slaves", t. XXIX, fasc. 1-4, Paris, 1952, p. 82.
17. Poldauf, I. Spojování z předponami při tvoření dokonavých sloves v češtině. - "Slovo a slovesnost", 1954, roc. XIV, 2, Praha, str. 53.
18. Kopečný, Fr. Dvě nové práce o prostě vidových předponách v češtině. - "Slovo a slovesnost", 1956, roc. XVII, s. I, str. 28.
19. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, стр. 261.

20. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, стр. 263.
21. Иванова Калина. Десемантизация на глаголните представки в съвременния български книжовен език. София, 1966.
22. Шелякин М.А. Приставочные способы действия и категория вида в современном русском языке. Докторская диссертация (машинопись). Воронеж, 1972, стр. 263 сл.
23. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, ч. II. Братислава, 1960, стр. 164-165.
24. Piernikarski, Cezar. Tytu orozycji aspektowych czasowni-
ka polskiego na tle slowiańskim. Wrocław-Warszawa-
Kraków, 1969, str. 62.
25. Исаченко А.В., ук. соч., стр. 165.
26. Бахмутова Е.А. Развитие видовой соотносительности в рус-
ском языке. Казань, 1962.
27. Исаченко А.В., ук. соч., стр. 165.
28. Соколов О.М. Вопросы структурно-семантической диверген-
ции в лексике. Докторская диссертация (машинопись).
Томск, 1970, стр. 642.
29. Грамматика современного русского литературного языка. М.,
1970, стр. 263.
30. Там же, стр. 273.

О ВАРИАНТНЫХ ФОРМАХ ВИДА В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

В.В. Мюркхейн

I. До недавнего времени вопросы видовой вариативности лишь частично затрагивались в работах таких исследователей, как О.С. Ахманова, В.В. Виноградов, Н.С. Авилова, Е.А. Бахмутова, А.Н. Тихонов, К.С. Горбачевич и др. Специальные работы, посвященные вариантным формам глагольного вида в современном русском языке, появились в последнее десятилетие нашего века /5-7, 10/.

Исследование вариативности в диалектной речи - явление редкое, и поэтому работы в этой области немногочисленны. К ним следует отнести статью Л.М. Орлова "Семантические варианты в диалектной лексике" /8/, О.А. Черепановой "К оценке вариативности в речи индивида", где содержится попутное описание нескольких вариантных глагольных форм /11/77, 78/ и нек. др. Специальное описание вариантных форм вида в диалектном языке к настоящему времени отсутствует.

Изучение варьирования видовых форм на уровне диалекта имеет не только самостоятельное научное значение, но принесет несомненную пользу и в решении многих вопросов теории вида, теории варьирования грамматических форм вообще и в разговорной речи в частности. В практике разговорной речи обнаруживается немало вариантных языковых единиц, соотносительных как с городским просторечьем, так и с диалектным языком. Функционирование этих единиц в народных говорах отражает живые процессы в развитии языка, не ограниченные рамками литературной нормы. В связи с этим описание и анализ вариантных форм диалектного языка предоставляет исследователям дополнительные возможности еще глубже проникнуть в механизм вариантности на уровне разговорной речи и литературной нормы.

К вариантным формам вида мы относим образования, различающиеся лишь звуковым составом "грамматического элемента" и тождественные в своем грамматическом и семантическом значениях /3/117, 118/. Таким образом, варьирование форм видов осуществляется на базе общности у них грамматических и лексических значений.

Как отмечают исследователи, материальной основой варьи-

рования видовых форм является многообразие морфологических средств, которыми располагает система русского глагола для выражения видовых значений. Это большие группы суффиксов и префиксов, а также дополнительные средства - чередование гласных и согласных, ударение, супплетивизм /7/9/.

2. В настоящей работе ставится цель - выявить и описать варианты форм несовершенного и совершенного вида в диалектной речи, установить наиболее продуктивные морфологические средства в образовании вариантных форм и особенности их функционирования.

Наблюдения проводились на материале русских* говоров, расположенных на территории Эстонской ССР. Языковая система этих говоров сложилась на разнородной генетической основе и развивалась в условиях относительной изоляции и слабого влияния русского языка в целом. Эти причины породили известную консервацию языковых фактов и возникновение инноваций замкнутого ареала /9/4, 22, 23/. Можно полагать, что неоднородность языковой базы обусловила и наличие в говорах многочисленных дублетов и вариантных форм, пронизывающих все ярусы языковой системы.

Фактический материал собирался автором во время диалектологических экспедиций и частных поездок в район обследования. Вариантные формы фиксировались в речи населения одной деревни, подчас в речи одного и того же носителя говора.

3. Анализу подверглась тысяча вариантных форм несовершенного и совершенного вида.

Семантическое тождество вариантных форм и глагольной формы, противопоставленной по виду, устанавливалось из контекста. В одинаковых или близких по содержанию контекстах семантическая идентичность проявлялась особенно наглядно. В некоторых случаях обнаруживалась взаимозаменяемость вариантных форм в речи одного и того же лица.

Видовые варианты зафиксированы 1) в формах инфинитива - идти/идти́ть^I, вязать/вяза́ть, вопеть/вопе́ть, складать/складыва́ть; 2) в личных формах настоящего/будущего времени - связа́ю/связа́жу, купю́/куплю́, хощу́/хоще́шь, нагнёшь/нагибнёшь, коплет/копает, даст/да́тит, укладаем/укладываем, полукáют/получа́ют; 3) в формах прошедшего времени - вяза́ли/вяза́ли, сда́л/сда́стил, целу́л/целова́л; 4) в формах повелительного накло-

^I Весь иллюстративный материал здесь и далее представлен в орфографической форме.

ния - сядь/седи, здынься/поднимись, выйми/вынь. Обнаруживаются и трехчленные вариантные ряды, например - могёт/может/могит.

Вариантные формы редко прослеживаются по всей парадигме того или иного глагола, чаще они представлены лишь в отдельных его формах.

Рассмотрим фактический материал по вариантным формам несовершенного и совершенного вида в означенных говорах.

4. Вариантные формы несовершенного вида образуются в основном при помощи такого грамматического средства, как суффиксация. Наблюдаются следующие типа параллельных образований.

1) Наиболее многочисленную группу вариантных видовых форм составляют образования с суффиксами -а- (-я-) и -ыва- (-ива-) конкретно-процессного значения. Например: укрутить-укручать/укручивать 'наряжать' (надо елку укручать; невесту перед венцом подружки укручали/укручивали); уложить-укладать/укладывать (дровы укладала/укладывала в костер 'поленницу'); разложить-раскладать/раскладывать (брикеты по полу расклапали; сети на берегу сушить расклапали/раскладывали); положить-докладать/докладывать 'добавлять' (приходилось землю лопатой докладывать; ты в печку дровы будешь докладать?); огинуть-огинать/огинывать 'сгибать, придавать ч.-либо округлую форму (этаки доски огинывали и делали лодки; он доски для лады огинает); выкинуть-выкидать/выкидывать (нельзя вечером мусор выкидать вон; придется эту рыбу выкидывать); утиснуть-утискают/утискаивают 'помещать ч.-либо с нажимом, с трудом' (что они тут утискают? ты сначала посоли, а потом утискаивай); подложить-подкладать/подкладывать (на торфу я работал, так под ножик подкладал торф; вот таким манером все лето и подкладываешь); нарезать-нарезать/нарезывать (портянки на ноги изо льна нарезывали; я вон сидела да лук нарезала и не видела курят).

Одновидовые вариантные формы сватать/сватывать (помню, как мою сестру сватали; пришли сваты и когда сватывали - выпивали); пахать/спахивать 'выметать пол, сметать пыль' (пол раньше пахали веником; пыль с больших листов щеткой спахивали).

Суффиксы -ыва- (-ива-) и -а- (-я-) дают в современном русском языке наибольшее число вариантных видовых образований /6/86/, несмотря на то, что четких различий между ними нет.

Как варианты формы несовершенного вида они употреблялись уже в языке XIX в. /4/313/.

Вариантные образования с другим соотношением суффиксов менее продуктивны. Наблюдаются различия в структуре вариантных форм, вызванные чередованием, изменением элементов основы, перемещением ударения. Варианты могут быть как парными, так и непарными по виду. По соотношению суффиксов можно выделить следующие типы:

-и/-ива-(-ива-): гостить/гостивать (вот сын гостивать приехал с Кавказу; девочка гостила сына); пройти-проходить/прохаживать 'выздоровливать, заживать' (у девочки нога болела - теперь прохаживает; проходит моя болесь); перенести-переносить/перенаживать, вариационная форма перенаживать 'перемещать какую-либо вещь с места на место' (зимой надо варенье перенаживать в засек; вчера картошку переносили в подпол; придется дрова перенаживать);

-л/-а-л-: куплется/купается (воробей куплется к теплу; в него воды наливают и ребенка головой куплют; я в озере не купаясь); коплют/копают (а ты тут и копли; она в огороде коплет/копает);

-и/-а-: скачить/скакать (скачить будет с дерева на дерево; он скакать любит на варбасах 'на пальцах'); провести/проводить/провождать время (только время провождает); стелить/стлать (лен стелили/стлали по полю); двигались/двигались (наша дивизия двигалась по всему фронту, и мы двигались до са-мых Барановичей).

Интересны образования типа осталяться/оставаться, противопоставленные по виду глаголу остаться, досталять/доставать - достать. Формы с д в основе наблюдаются лишь в традиционном слое говоров. Происхождение их не совсем ясно. Можно предположить, что они возникли под влиянием глагола оставлять как результат обобщения основ в однокоренных словах с последующей утратой согласной основы в.

Тенденция к обобщению основ в диалектном языке - явление распространенное. Как результат этой тенденции можно отметить такие варианты образования: целуть/целовать, (в пьеске надо было целовать невесту, ему целуть - а он не может); кладели/клали (балки в избы мужик с сыном кладели ... а эту печку наш деревенский клат); гудеть/гудеть (так в избы-то все и гудело; на чердаку что-то гудит). Помимо этого, можно отметить и другие варианты формы, возникшие в ре-

зультате изменения словообразующих элементов основы; цапать/цепляться (рыбка сегодня что-то не цапалась 'не клевала'; ничего на крючок не цепляется); дражат/дразнят (ребята дражат/дразнят собаку; его так у нас в деревне дражат); шепелят/шепелят 'говорит не чисто'; блеснёт/блестёт; волочили/волоклись (платья у нас по полу волоклись; так и волочили подолы-то по зени). В некоторых случаях видовые параллели обусловлены стремлением глаголов изменяться по двум типам спряжения. Эта особенность в ряде случаев охватывает значительную часть парадигмы: рулюю/рулю, рулюешь/рулюшь, рулюет/рулит ... рулюют/рулят, рулюй/рули, - иногда же проявляется лишь в отдельных формах: плещит/плескаёт; глядят/глядят, глядёл/глядёл; платья/плотят.

Значительную группу вариантов форм несовершенного вида составляют первичные и вторичные имперфективы, противопоставленные форме совершенного вида приставочного глагола в тех случаях, когда приставка не изменяет (или изменяет минимально) лексическое значение глагола. Например: тушить - потушить и потушить-потушать 'гасить' (туши/потуши свет; лампочку постоянно вечером потушаем); зорить - разорить и разорить - разрять 'ломать', (печи нам пришлы зорили; печи были руськи, я таку прошлый год разорила; разорили старые-то печи - плиты клали); копить - скопить и скопить - скоплять (копила неделю яички, скопила десяток; у кого сады - скопляли яголки и варили варенье); работать - обработать и обработать - обрабатывать землю, поля (землю работали тогда на лошадях; взяли хутор и землю обрабатывать начали); творить - сворить и сворить - сворять услугу, знакомство (котора девушка понравится, той услугу сворили; на супретках своряли/сворили знакомства, которой сворил услугу, ту идешь провозать); орать - проорать и проорать - проорывать картошку 'окучивать картофель' (сосед проорал мне картошку; он орит/проорывает всем соседям, которые постарше).

Параллельно с формой куплять употребительная форма покупать. Обе коррелируют с формой совершенного вида купить (сети раньше не купляли - сами вязли; покупают вино и тут же пьют; тогда хлеб сами сеяли и купляли тоже; платье с Ряпины купила). "Живучесть" формы куплять возможно объясняется поддержкой причастной формы "куплено". Такого рода несогласуемые причастия являются стержневым элементом структур типа "у меня вода принесено", "в них дом куплено" и под. Эти

структуры хорошо известны в обследуемых говорах и являются их отличительной чертой /9/21/.

Имперфективы тягать/вытягать коррелируют с формой совершенного вида вытягать лишь в узком лексическом значении 'терebить лен' (лен тягали руками; по гектару вытягать приходилось; вытягали это поле ...). В единичных случаях эти глаголы употребляются в значении 'выбирать овощи'. Глагол вытягать может выступать в качестве варианта к глаголу тянуть в значении 'выбирать сети, вытаскивать что-либо из воды'. В этом случае эти глаголы коррелируют с формой совершенного вида вытянуть (через два дня вытянули яю с воды; я сидела на гребках 'на веслах', а мужик вытягал сетку; им нужно этак запас с воды тянуть). Спорадически в соответствии с тянуть употребляется тягать в значении 'выбирать сети из воды'.

Вариантные глаголы звать/называть, непротивопоставленные по виду, функционируют в наших говорах с совершенно адекватным значением 'называться' (ср.: загородка для свиней в хлеву ределькой зовём; это место около дома мы зовём мурок на шу баню мы называем финской; оселок это мы называем точильный камень).

Незначительную группу глагольных вариантов несовершенного вида составляют супплетивные образования. Например: говорить/рассказывать в значении 'говорить' (люди стали рассказывать мне, зачем ты себя убиваешь; что ни е люди говорят); убивать/колоть 'колоть скот' (нож, которым борова убивают; клепик это нож, им овцу, борова колют); вздымать/поднимать что-либо вверх (вздымуют рыбу в ладьи; пропсы надо было поднимать вверх на баржу). В единичных случаях варианты пары составляют однокоренные образования с различными приставками одного лексического значения, ср.: разговаривать/поговаривать (сидите тут и поговаривайте о чем-нибудь; что они там разговаривают?); скавывать/закавывать (на ночь лошадей скавивали; чтобы их закавывать специальные замки были); упевать/опевать невесту перед венцом.

5. Вариантные формы совершенного вида в обследуемых говорах создаются преимущественно параллельным использованием префиксов, совпадающих в своем лексическом значении. Далеко не все из них противопоставлены по виду. Рассмотрим ряд таких образований со следующим соотношением префиксов: раз-/за-: разгнетить/загнетить печь, плитку 'растопить' (зимой печь разгнетить гораз дров много надо; возьми дучинки,

загнети плиту);

за-/по-: повеселеть/завеселеть (ребята сразу завеселели; как вздрынулась с постели, так и повеселела); залететь/полететь (дождь залетел/полетел 'пошел');

за-/о-: обижать/забижать (Иру петух забижал, а Эви никто не мог обидеть, она сама всех забижала);

вс-(вз-)/по-: вздумать/подумать (дай мне вздумать, никак не припомню; подумает и скажет так празно 'свободно'); вспомнить/попомнить (не помню ничего, детушки, мне надо попомнить; как это по-русски, никак не вспомню);

по-/о-: посудить/осудить (посудили его на крест; осудили их и в Сибирь послали);

на-/у-: написано/уписано (в газете-то все написано, как уписано - так и будет);

вы-/у-: вытереть/утереть (вытри/утри лицо, на вот утиральник; дай утру со стола. В этой паре вариант утереть явно соотносится со словом утиральник 'полотенце' и видимо сохраняется при его поддержке.

пере-/из-: (из-) перемениться - перемениться/измениться (погода переменится - дождь будет; ветер изменится, зайдет с того берега);

от-/про-: отлежать/пролежать (отлежал в кровати четыре года; считай год пролежала в кровати);

под-/при-: подстать/пристать (грипп подстал; пристала какая-то хворь);

за-/при-: (при-) затаркивать - затор(к)нуть-притор(к)нуть (у кого длинные волосы были, куколь завивали и шпильки притаркивали; раньше три гребеночки заторнут в голову; гребеночки круглые, в головы приторкнуты были);

с-/о-: грабить-сграбить/ограбить 'ворошить, сгрести сено' (они сено грабят у дороги; у них сено быши не ограблено); сгребай сено-то в кучку); кончатся - скончиться/окончиться (война кончилась, мы и приехали обратно; окончилась эта война и я пришел домой)

за-/про-: мокнуть - замокнуть/промокнуть (и что ты мокнешь под дождем, вся уж замокла; промокла насквозь под таким дождем);

за-/на-: зачаться/начаться (война зачалась/началась; кино скоро начнется);

со-/вы-: сосватать/высватать (приехала его рода 'родня' и высватала меня; когда сестра была уж сосватана, пришел ее прежний кавелер).

В вариантных приставочных образованиях иногда наблюдается и различие в структуре основы, напр. согнуть/изгибнуть (доски изгибнут и делают с них лодки; сначала согнут, потом вместе связывают).

Параллельные образования с приставками с-/ис- следует отнести к фонетическим вариантам, ср. спечь/испечь, спужаться/испужаться, сполнилось/исполнилось, справить/исправить, 'починить, отремонтировать' и др.

Некоторые вариантные формы образуют суффиксы -е-/-ну-, -ој-/-ј-, -и-/-а-, -и-/-ну-. Например: отвертеться/отвернуться - отвиртываться от работы (парень всегда мог отвертеться от работы; девушкам не так-то просто было отвернуться от работы - дома проверили); распорю/распорю, распори/распори; попроститься/попрощаться; ослепить/ослепнуть (папина мама ничего не видела, она еще молода ослепила; зимой много вышивала, чуть не ослепнула).

Группу вариантных форм совершенного вида составляют супплетивные образования: скласть/положить (склали свои пожитки и уехали на хутор к знакомым эстонцам; положили все свое добро в кучу и уехали с нашей деревни; изловить/поймать (младший брат хотел бежать, а его на озере-то и изловили: обоих поймали недалеко от берега); вздннуться/подняться (поясница так болит и вздннуться трудно / три года не мог с постели подняться); сойтить/сходить (не могу сойтить на озеро за ракушками для курят / надо в баню сходить, сегодня суббота); вйму/выну; вйми/вынь.

Фактический материал обнаруживает, что двувидовые глаголы в значении совершенного вида часто употребляются с префиксами. Например: родить-спородить (и кто тебя спородил молотца); арестовать - заарестовать; жениться - ожениться/пожениться (старший брат поженился и отделился; сын осенью оженился). Вариант ожениться имеет вариационную форму ужениться, возникшую в результате фонетической закономерности диалектной речи - мены начального о на у /9/10, II/. Как известно, подобные явления свидетельствуют о стремлении системы освободиться от функциональной перегруженности каких-либо ее элементов, от омоформ. В данном случае устраняется видовая избыточность двувидовых глаголов путем появления префиксальных образований совершенного вида.

6. Анализ фактического материала показывает следующие отношения между вариантными формами вида в диалектной речи:

общелитературная форма - диалект (оку́чивать/окуча́ть), общелитературная форма - просторечье (класть/ложить), просторечье - диалект (ложить/складать), просторечье - просторечье (затёркнуть/притёркнуть), диалект - диалект (сги́нать/сги́бывать). Некоторые вариантные пары характерны для русского языка как в целом (стелить/стлать). Наличие в диалектной речи вариантных форм различных сфер общения свидетельствует не только о известном дуализме в современных говорах (диалектный язык/общелитературная речь), но и о столкновении разнодиалектных речевых потоков на территории позднего заселения, а также традиционных и современных диалектных слов.

Значительная часть диалектных вариантных форм соотносится с аналогичными образованиями городского просторечья, которое и в наши дни во многом пополняется за счет диалектной речи.

Среди вариантных форм видов мы не можем выделить стилистически маркированных. Параллельные заимствования из литературного языка употребляются в стилистически равных контекстах с местными речениями. Предпочтение может им отдаваться в зависимости от ситуации общения или адресата речи, напр. при разговоре с городским человеком. Дальнейшее исследование варьирования на уровне диалекта, в условиях непосредственного общения, поможет выявить факторы, обуславливающие выбор варианта в речи говорящего, а также решить вопрос о причинном или спонтанном характере возникновения вариантов.

Литература

1. Горбачевич К.С. Вариантность слова как лексико-грамматический феномен. - ВЯ, 1975, № 1.
2. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.
3. Граудина Л.К. Варианты слов и варианты форм. - В сб.: Актуальные проблемы русского словообразования. I. Материалы республ. научн. конференции. (12-15 сентября 1972 г.), Самарканд, 1972.
4. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.

5. Емельянова С.А. Смысловая и видовая соотносительность форм падать - пасть - упасть (упадать) в современном русском языке. - В сб.: Русское словообразование. Труды Самаркандского ун-та им. А. Навои. Новая серия, вып. 209, Самарканд, 1972.
6. Емельянова С.А. Вариантные формы видов в русском языке. - РЯШ, 1974, № 2.
7. Емельянова С.А. Вариантные формы видов в современном русском языке. Автореферат канд. диссертации, Ташкент, 1974.
8. Орлов Л.М. Семантические варианты в диалектной системе. - Научные доклады высшей школы, 1969, № 6.
9. Мюркхейн В.В. Фонетико - фонологическое и морфологическое описание русского старожильского говора Мехикоорма Эстонской ССР. Автореферат канд. диссертации. М., 1971.
10. Снопкова С.И. Вариантные образования несовершенного вида в их соотношении с классами глагола и семантикой глагольного вида. Автореферат канд. диссертации, М., 1974.
- II. Черепанова О.А. К оценке вариативности в речи индивида. - В сб.: Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах, Петрозаводск, 1976.

О СОСТОЯНИИ АКЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ XII-XIII ВЕКОВ

С.И. Баженова

Акциональные значения (результативность, начинательность, и др.) расцениваются исследователями как понятийные, концептуальные категории (1). Эти значения находят в различных языках выражение через посредство единиц разных уровней языковой системы. Как известно, славянские языки имеют регулярные словообразовательные средства выражения акциональных значений: приставки, суффиксы, конфиксы. В лингвистической литературе (2-4) отмечалось словообразовательное выражение акциональных значений в немецком, латинском и литовском языках. Однако высказывается мнение (5) о постоянной контекстуальной поддержке значений результативности, начинательности и финитивности у приставок в названных языках, что и отличает их от славянских способов глагольного действия (далее - СпД). В данной статье СпД понимается как словообразовательный тип (совокупность словообразовательных типов) с самостоятельным акциональным значением.

Вопрос о происхождении ряда СпД в русском языке исследовался П.С. Сигаловым (6). На основе фактов, приведенных П.С. Сигаловым, можно предположить, что в истории славянских языков были моменты, когда акциональные значения передавались преимущественно несловообразовательными средствами (что наблюдается в современных угро-финских языках) или когда акциональные значения приставок были контекстуально обусловлены. Данные о подобном состоянии акциональной системы в истории славянских языков полезны и в типологическом плане. Основная же ценность акциональной истории славянских языков состоит в возможности с опорой на них воссоздать картину становления глагольного вида, выяснить соотношение лексического и грамматического в функционально-семантической категории аспектуальности.

В рамках настоящей статьи рассматривается материал "Успенского сборника XII-XIII вв." (М., 1971) (далее - Усп.сб., с.) с целью проследить степень сформированности ряда основных СпД, связанных в современном русском языке с совершенным видом. По мере необходимости использовались "Материалы для

словаря древнерусского языка" И.И. Срезневского (далее - Ср., т., с.), а также данные современных русских говоров.

1. Из акциональных значений, связанных с СВ, наиболее последовательное словообразовательное выражение (приставочным способом) имеет в Усп. сб. р е з у л ь т а т и в н о с т ь. Диапазон приставок, передающих значение результативности, весьма широк. Представляется, что по мере развития акциональной системы список результативных приставок сокращался. Так, по данным И.А. Воробьевой (7), в древнерусском языке широко использовалась в результативном значении приставка ВЪ (что отмечено нами и в Усп. сб.), уступившая в современном русском языке место другим приставкам. В Усп. сб. в результативной функции выступает и приставка ВЪЗ-, встречающаяся в этой роли только в современных говорах, например: возделать (сделать), возлегчить (облегчить), воспользовать (использовать) (8).

Разнообразный список результативных приставок в Усп. сб. - наследие праславянского состояния, когда, как считается (5), и возникло приставочное оформление результативности. Акциональное значение результативности у приставок явилось следствием сочетания основы глагола движения с локальной приставкой, уточняющей пространственный предел действия (5). На наш взгляд, возможность выражения в дальнейшем результата действия заключала в себе любая локальная приставка, отсюда и широта диапазона средств выражения результативности. В Усп. сб. результативные приставки сохраняют по-прежнему пространственные значения, аналогичные отмечаемым Н.И. Самохваловой (9) для Лаврентьевской летописи.

При большом количестве приставочных выразителей результативности в Усп. сб. наблюдается довольно свободная вариантность результативных приставок в аналогичных контекстах в сочетании с одной и той же основой, например:

1. оутамъ от него нъ от ба нѣсть потаено ничто же
Усп. сб., с.
2. и всякая пагуба да не наидеть на ны
Усп. сб., с.57
да не придет на ны нога гърдыня и роука
грѣшница не погубить насъ
Усп. сб., с.57
3. и жадаше тамо походити и поклонити ся имъ
Усп. сб., с.75

и сподоби мя съх^од^ити въ ст^ая твоя мѣста и съ
радостью поклонити ся имъ

Усп. сб., с. 75

Подобная вариантность могла иметь место лишь при полной контекстуальной независимости и обязательности результативного значения у бывших локальных приставок. Особо показателен в этом отношении пример 2., где и основы, и приставки сохраняют, наряду с результативным, пространственное значение. В то же время примеры свидетельствуют об относительной новизне приставочного выражения результативности, поскольку конкретные результативные приставки в Усп. сб. еще не связаны с определенными основами, как это наблюдается в современном русском языке.

Заметим, что приставочное выражение результативности не является в Усп. сб. единственной возможностью. Мы имеем в виду многочисленные случаи типа:

въставъ вечерь и и д е въ храмъ ть и затворивъ дѣври
о себе

Усп. сб., с. 91

изведи ми старьче с^на моего да си в и ж ю и не
трьплю бо жива быти аще не в и ж ю его

Усп. сб., с. 82

В исследовательской литературе приведенные случаи объяснялись с аспектуальной точки зрения. А. Достал (10) предполагал здесь двувидовость, А.А. Потебня (11) и Р.Ружичка (12) - видовую неохарактеризованность. Но учитывая словообразовательные возможности основ приведенного типа, т.е. наличие у них производных с приставками в словаре И.И. Срезневского, эти примеры можно трактовать не в аспектуальном, а в акциональном плане. Думается, что значение результативности действия передается здесь на уровне контекста и поддерживается приставочными формами других глаголов. Однако, как отмечалось, выражение этого акционального по сути значения регулярнее, чем значений других СпД, что часто приводит исследователей к аспектуальной характеристике результативных глаголов.

II. В Усп. сб. результативные приставки в сочетании с неопределенными основами создают значение начала действия. Закономерен вопрос, являются ли образующиеся таким путем глаголы еще в Усп. сб. разновидностью результативного СпД, т.е. закономерным продуктом сочетания любой результативной при-

ставки с неопредельной основой в начинательном контексте (как это предполагается для праславянского языка), или же регулярно выражающим себя начинательным СпД (в нашем понимании).

Начинательный СпД исследовался рядом советских и зарубежных ученых в синхронном и диахронном аспекте (13, 14, 15, 16). Считается, что в современном русском языке начинательный СпД оформляется продуктивными приставками ПО-, ЗА- и непродуктивной -ВОЗ-. В работах Л.П. Демиденко выражено мнение, что состав морфологических средств выражения начинательности со времени древнерусского языка не изменился. По Л.П. Демиденко, разница между современной и древнерусской начинательностью состоит: 1) в том, что "морфологические способы выражения начинательности в древнерусском языке были развиты очень слабо" (16), 2) в отношении приставок ЗА-, ПО-, ВОЗ- к продуктивности типа. В целом соглашаясь с этими выводами, мы считаем, что в Усп. сб. список приставок для выражения начинательного значения все же шире, чем в современном русском языке (разумеется, речь идет о продуктивных средствах).

а) Приставка ВЪЗ- в сочетании с эволютивными основами создает в Усп. сб. эффект начала действия:

възненавидѣмъ же всяку неправду Усп. сб., с. 92

научихъ и тебе единого ба и га възлюбити Усп. сб., с. 74

и яко оузърѣ я сты и въздрадовался Усп. сб., с. 66

и си оуслышав блаженни възопи

плачьмъ горькимъ Усп. сб., с. 51

Заметим, что продуктивность префикса ВЪЗ- в начинательных глаголах коррелирует с его продуктивностью в результивной функции. Эта же закономерность наблюдается и в современных русских говорах, где сохранилась продуктивность приставки ВЪЗ-.

б) Неопредельную словообразовательную базу имеют начинательные глаголы с приставкой ОУ-:

а они оузърѣвъше и омрачаахоу ся и гребяхоу ся къ нему Усп. сб., с. 51

и се оувѣдѣвъ стѣполкъ пославъ два варяга и прободоста и мечьмъ в срѣдце Усп. сб., с. 50

оубоите ся рекъшааго усты апльскы

Усп. сб., с. 52

в) Приставка ПРО-, в редких случаях выступающая в начинательном значении в глаголах современного русского языка, но

имеющая широкое распространение в современном болгарском языке (17); продуктивна в начинательных глаголах древнерусского языка:

праведникъ бо рече яко и фуникъ съ процвѣтеть и яко и
кедръ иже въ ливане оумножитъся Усп. сб., с. 68.

Словарь И.И. Срезневского подтверждает продуктивность приставки ПРО- в начинательных глаголах древнерусского языка. Словообразовательной базой и в этом случае являлись эволютивные (непредельные) основы.

г) К непредельным основам в довольно редких случаях присоединяется приставка ЗА-. Их производные, учитывая широкий контекст, можно трактовать как начинательные глаголы, например:

и яко единъ въступи томъ часѣ огонь ишьдѣ отъ гроба и
зажже нозѣ его Усп. сб., с. 60

и зача отъ нея сего стѣплъка оканьнааго Усп. сб., с. 43

В словаре И.И. Срезневского отмечается также небольшое количество начинательных глаголов с приставкой ЗА-, что свидетельствует о более поздней продуктивности этого словообразовательного типа.

д) Широко представлены начинательные глаголы с приставкой ПО-, большей частью производные предельных основ - глаголов движения и перемещения:

и вънезапу жена соухороукая побѣже къ олтарю трепещуци
и трясоуци роукою Усп. сб., с. 65

Рассмотренные факты ведут к двум предположениям, которые в дальнейшем должны быть проверены на более широком материале. Первое состоит в том, что в современном русском языке количество продуктивных словообразовательных средств, оформляющих начинательные глаголы, меньше, чем в древнерусском языке. Это может быть объяснено недифференцированностью приставочных средств выражения результативности и начинательности в праславянском языке. Это предположение подтверждают данные современного болгарского языка (17), который уже дал ценный материал по истории глагольного вида и времени (18). Однако автор, чьими данными мы пользуемся, основываясь на сравнении современного русского и современного болгарского языков, предполагает, что в болгарском языке количество средств для выражения начинательности расширялось, что было связано с возникновением новых оттенков начинательности. Данные древнерусского языка и предположение о происхождении на-

чинательного СпД из результативного свидетельствуют, напротив, о том, что диапазон начинательных приставок должен был сужаться по мере формирования собственно начинательного СпД, если понимать СпД как словообразовательные типы с независимым от контекста акциональным значением. Большую роль в этом отборе сыграла, по всей вероятности, "живучесть" локальных значений приставок, предрасположенных к выражению начинательности.

Второе предположение основывается на рассмотренных примерах, где значение начинательности легко истолковывается как контекстный эффект, результат взаимодействия либо определенной основы и результативной приставки, либо основы движения и локально-результативной приставки, указывающей направление движения от первоначального предела. В правильности такого истолкования убеждает значительное преобладание в тексте Усп. сб. лексических средств выражения начинательности, в число которых входят три основные группы:

а) фазовые глаголы:

и начаша пѣти оутрнюю въ обоемъ црквию Усп. сб., с. 70
и искочи ишагъра въ оторопѣ и нача
глати стояще окроугъ его чьто стоите
зьярще Усп. сб., с. 48

б) обстоятельства времени:

и от того дне больши ими начать любити Усп. сб., с. 95
и оттолѣ цвѣтяше и множаше ся мѣсто то
правдника млтвою Усп. сб., с. 88

в) глаголы с корневым выражением значения "начало нового состояния":

по сихъ леже съпати и бяше сънь въ мнозѣ
мысли и въ печали Усп. сб., с. 47
и ста на месте иде же бѣ оубиень стѣи
борись Усп. сб., с. 54

Общий вывод по разделу II сводится к следующему. Начинательное значение не является обязательным и не зависящим от контекста свойством приставок в Усп. сб. Начинательный способ действия находится в рассматриваемый период в стадии формирования.

III. Замечено, что любым способом выраженный конец действия значительно реже представлен в текстах, чем начало действия (19). Эта закономерность, не нашедшая пока экстралингвистического объяснения, характеризует и Усп. сб., что за-

трудняет обобщение на основе одного текста. Поэтому в этой части необходимо было в максимальной степени привлечь данные словарей.

Известно, что в современном русском языке поле "конец действия, процесса" обслуживается двумя словообразовательными типами: комплетивным СпД (допеть песню) и финитивным СпД (последний здесь не рассматривается). Комплетивный СпД в XII-XIII вв. не представлен (20); в словаре И.И.Срезневского дан один, довольно поздний пример 1388 г.:

тым въсомъ што почали давати у луцку а додали
есми у соцаѣ

Ср., I, 669

Ситуативная необходимость в выражении комплетивного значения удовлетворяется обстоятельственными распространителями результативного глагола:

сего ради раздрушитъ тя богъ
до конца

Усп. сб., с. 53

В то же время находим в словаре И.И.Срезневского две основные группы глаголов, омонимичных комплетивным глаголам:

а) первичные приставочные глаголы, мотивированные основами движения:

таче дошьдышо ему монастыря
и повелѣ на возѣ допровадити и до
монастыря его

Усп. сб., с. 99

Усп. сб., с. 98

б) вторичные приставочные глаголы, мотивированные (статальными и эволютивными) основами:

чего достоимы сде?
чего хочете достдѣти?
чего ихъ додержати? хотимъ слѣпити и

Ср. I, 716

Ср. I, 717

Ср. I, 689

Две хронологически связанные группы образований с приставкой ДО- (20) объединяет значение результативности. В первой группе результативное значение представлено как конечная точка движения, во второй - как конечный момент действия. При сравнении глаголов двух названных групп с глаголами комплетивного СпД выявляется большая сложность комплетивного значения. Как отмечено П.С.Сигаловым (20), сущность комплетивного значения понимается исследователями по-разному. Наше понимание значения комплетивного СпД основано на точке зрения С.Агрелля, впервые выделившего данный СпД. С.Агрелль отмечает, что в комплетивных глаголах "... подчеркивается вторая половина действия" (21). На наш взгляд, комплетивные глаголы, помимо семы результативности, включают сему протя-

женности во времени, процессуальности. Этот факт является аргументом в пользу развития комплетивного СпД на базе результативного. Конкретный механизм становления комплетивного СпД к XVIII веку описан в аспектологической литературе (20).

Рассмотренный фрагмент акциональной системы древнерусского языка XII-XIII вв. имеет "ступенчатое" строение, т.е. состоит из разной степени сформированных СпД. Результативность - единственное акциональное значение в рассматриваемый период, которое выражает себя СпД (см. выше в данной статье). Начинательный СпД находим в становлении. Начинательные значения приставок, которые впоследствии будут регулярно оформлять начинательный СпД, в Усп. сб. не являются свободными - независимыми от влияния контекста (и в смысле неопределенных основ). Комплетивное значение выражено в Усп. сб. исключительно лексическими средствами. При этом существуют словообразовательные типы, омонимичные комплетивному СпД. Именно последний момент служит отличием этого участка акциональной системы древнерусского языка от ситуации в современных угрофинских языках, где передача акциональных значений, чаще всего, осуществляется на лексическом уровне.

Рассмотренные факты свидетельствуют также о генетической связи начинательного и комплетивного СпД с результативным СпД, сформировавшимся, очевидно, уже в праславянский период (5,20). Возникает необходимость изучить соотношение результативного СпД с глагольным видом в древнерусском языке, а также влияния результативного СпД на формирование остальных СпД совершенного вида.

Л и т е р а т у р а

1. Фондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. - М., Наука, 1978, с. 72.
2. A. Schleicher. Das futurum im Deutschen und Slavischen. - Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, IV.
3. Jan Safarewicz. O wyrażaniu dokonaności i niedokonaności w języku łacińskim. "Eos", I, 1940-1946, zeszyt 1, 2 (1947).

4. Leonardas, Dambriunas. Verbal Aspects in Lithuanian, LP, 7, 1959.
5. Кукушкина О.В. Формирование категории вида и видо-временной системы русского языка. АКД, МГУ, 1979.
6. Сигалов П.С. Вопросы теории русского исторического словообразования. АДД, Л., 1977.
7. Воробьева И.А. К вопросу о развитии глагольной префиксации в русском языке. АКД. Томск, 1956.
8. Павленко П.И. Семантико-стилистические особенности слов с приставкой ВОЗ- в русских народных говорах. - В кн.: Диалектная лексика. 1977. Л., 1979.
9. Самохвалова Е.И. Функции глагольных приставок в Лаврентьевской летописи. АКД, 1953.
10. A. Dostál. Studie o vidovem systemu v staroslověnštině. Praha, 1954.
11. Потехин А.А. Из записок по русской грамматике, т. IV, вып. 2, М., 1977.
12. Rudolf Ruzicka. Der Verbalaspekt in der Altrussischen Nestorchronik. - Akademie-Verlag, Berlin, 1957.
13. Тихонов А.Н. Способы выражения начинательного значения в современном русском языке.-В кн.: Труды Узбекского государственного университета. Новая серия, вып. 95. 1959.
14. Шелякин М.А. Функции и словообразовательные связи начинательных приставок в русском языке. - В кн.: Лексико-грамматические проблемы русского языка. Новосибирск, 1969.
15. Крекич И. Семантическое влияние внутренних и внешних факторов на лексическое и грамматическое значение начинательных глаголов с приставками ЗА- и ПО-.В кн.: Материалы и сообщения по славяноведению. - Acta Universitatis Szegediensis de Attila Iozsef nominatae. - Szeged, 1977.
16. Демиденко Л.П. Способы выражения начала глагольного действия в русском языке. В кн.: Ученые записки ЛПИИ. Вопросы языкознания, т. 248, 1963.
17. Соколов О.М. К характеристике способов глагольного действия в русском языке (на материале русского и болгарского языков). - В кн.: Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.

18. Маслов Ю.С. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида. - В кн.: Славянское языкознание. У Международного съезда славистов. М., 1963.
19. Аскоченская В.Ф. Выражение возникновения, продолжения и прекращения действия в конструкциях с независимым инфинитивом. - В кн.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1979.
20. Сигалов И.С. История глагольного комплетивного способа действия в русском языке. - В кн.: Труды по русской и славянской филологии. Серия лингвистическая. XXV, уч. зап. ТГУ, вып. 375. Тарту, 1975.
21. Агрелль С. О способах действия польского языка. - В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.

ОТРАЖЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ ПРИСТАВОЧНЫХ СПОСОБОВ
ДЕЙСТВИЯ В РУССКО-ЭСТОНСКИХ СЛОВАРЯХ

А.И. Пихлак

Одной из характерных черт русского языка является наличие в его словарном составе большого количества приставочных образований, особенно приставочных глаголов. Приставочные глаголы можно разбить на три группы: глаголы, в которых приставка является чистовидовой, т.е. изменяет только вид глагола, не затрагивая его лексической семантики (делать-сделать); глаголы, в которых приставка является лексической, т.е. изменяет его лексическую семантику (спать-проспать поезд); и глаголы, в которых приставка создает приставочный способ действия, т.е. изменяет акциональное значение глагола, варьируя его лексическое значение (спать-поспать немного). Последний тип глаголов наиболее трудно переводим на неславянские языки.

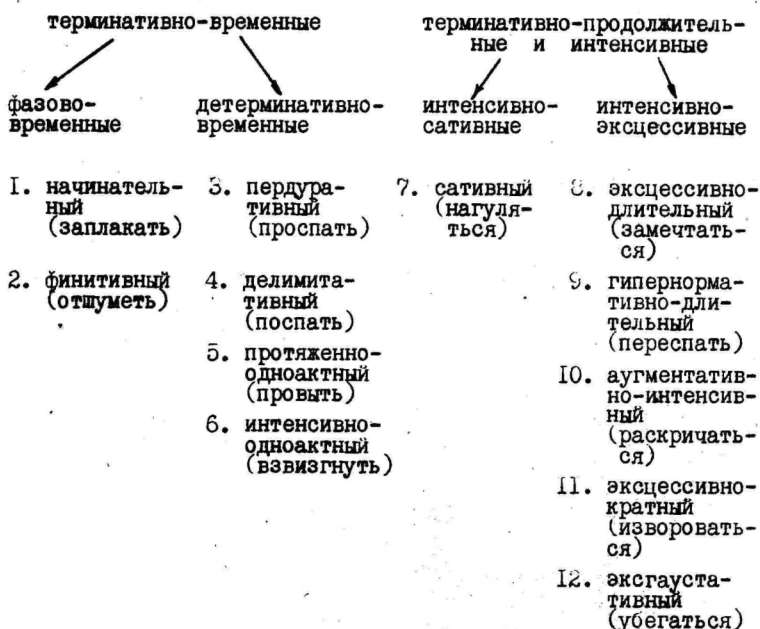
Способы действия характеризуются общими особенностями лексических значений отдельных групп глаголов, выражающими тип протекания и распределения действий по отношению к пределу их осуществления во времени. Морфемно невыраженные способы действия (статальный - "сидеть", общерезультативный - "давать") показывают общность аспектуальности самих действий "по природе"; морфемно выраженные, уже упомянутые приставочные способы действия, модифицирующие характер аспектуальности действий, показывают общность аспектуальности не самих действий, а характера их проявления и распределения во времени - они, не создавая глаголов с новым предметно-понятийным содержанием, указывают только на аспектуальность характера проявления и распределения во времени (плакать-заплакать, ломать-переломать все стулья, кричать-раскричаться). Поскольку аспектуальные способы действия первого типа непосредственно связаны с предметно-понятийными признаками глагола, выводятся из них, перевод на другие языки глаголов этих способов действия специфических трудностей не вызывает - они универсальны. По-иному обстоит дело с глаголами морфемно выраженных способов действия: в силу своеобразного сочетания приставок с исходными глаголами образуются значения, трудно переводимые на неславянские языки. Однако, хотя они и моди-

фиксируют лексическое значение, приставочные способы действия представляют собой все же полуграмматическое явление, так же как, например, деепричастия (ср. "диктовал, стуча кулаком по столу" и "пристукивал кулаком по столу и диктовал"). Поэтому их, возможно, целесообразно приводить в качестве отдельных словарных статей-объем словаря увеличится в противном случае непомерно и вряд ли оправданно. Например, только на одной странице РЭС Арумаа (Русско-эстонский словарь, составили П. Арумаа, В. Правдин и Й.В. Вески, Таллин, 1975) приведено 7 глаголов начинательного способа действия (застегать, застирать, застонать, застрогать, застроить, застрочить, застрелять), которые все переводятся по единой модели: исходный глагол + "начинать". Вполне можно ограничиться приведением в словарной статье соответствующей приставки краткой характеристики того или иного способа действия, образуемого при помощи этой приставки, вместе с примерной моделью его перевода. Такая модель служила бы для переводчика исходным материалом при переводе, который он применял бы согласно конкретному контексту.

Ниже рассмотрим приставочные способы действия с точки зрения их семантического содержания, основываясь на работе: М.А. Шелякин, Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке, АДД, Л., 1972, и с точки зрения возможностей перевода, используя РЭС Арумаа и ЭРС Тамма (И. Тамм, Эстонско-русский словарь, Таллин, 1974), а также привлекая материал из переводов русской художественной литературы (было просмотрено три произведения - Ю. Бондарев, Берег, М., 1976 (перевод Х. Луйк - J. Bondarev, Kal-las, Tln., 1977). Бакланов, Друзья, М., 1976 (перевод В. Кримм - G. Baklanov, Sõbrad, Tln., 1977), Д. Трифонов, Студенты, М., 1956 (перевод К. Киви J. Trifonov, Üliõpilased, Tln., 1953). Критерием отнесения приставочных образований к разряду приставочных способов действия будем считать, в основном, тот факт, что приставочные способы действия являются как бы своеобразными акционально-аспектуальными парадигмами для исходных глаголов; формально это обнаруживается в том, что они не изменяют функционально-синтаксических свойств производящих глаголов и диагностируются особой адвербиальной валентностью (сидеть-засидеться надолго).

Приставочные способы действия распадаются на три группы:
А. Приставочные способы действия, образованные от непре-

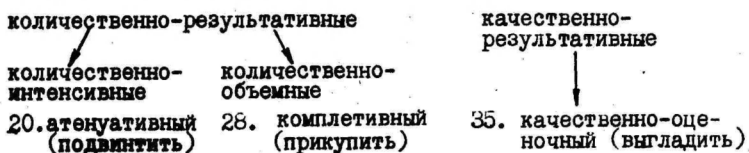
дельных глаголов и являющиеся преимущественно одновидовыми совершенного вида (т.н. терминативные способы действия):

Б. Приставочные способы действия, образованные от предельных глаголов и являющиеся одновидовыми несовершенного вида (итеративные способы действия)

14. прерывисто-смягчительный (постукивать)
15. процессно-смягчительный (насвистывать)
16. процессно-комитативный (прикрикивать)
17. процессно-длительный (разгуливать)
18. осложненно-интенсивный (вызванивать)
19. дистрибутивно-взаимный (переругиваться)

С. Приставочные способы действия, образованные от предельных глаголов и выступающие преимущественно в обоих видах (результативные и проспективные способы действия)

21. тотальный
(изрубить)	29. финальный
(допить)	36. осложненно-
характеризую-
щий (выписать)
22. длительно-усили-
тельный
(дозвониться)	30. финально-
комплетивный
(дочитать ве-
чером)	37. реформативно-
повторительный
(переписать
сочинение)
23. интенсивно-уси-
лительный
(выпросить)	31. недостаточно-
нормативный
(недожарить)	38. репродуктивно-
повторительный
(перейзбрать
вновь)
24. интенсивно-квали-
фикативный
(начистить)	32. частично-воз-
действующий
(запилить доску)	
25. аугментативно-
квалификативный
(разукрасить)	33. кумулятивный
(наколоть)	
26. эксцессивно-раз-
мерный
(переперчить)	34. дистрибутивно-
суммарный
(переломать)	
27. эксцессивно-воз-
действующий
(застирать)		
39. проспективный
(заготовить дрова
на зиму)		

I. Начинательный - непредельное действие исходного глагола проявляется по отношению к начальному моменту его осуществления во времени (осуществление достигается в процессе возникновения явления и остается в силе как непредельное действие в продолжение данного речевого отрезка: "сидел молча, вдруг заплакал и плачет теперь не переставая"). Формальным показателем этого способа действия являются приставки за-, воз- с ее модификациями, по-. РЭС Арумаа отмечает их способность образовывать глаголы, выражающие начало действия: "играть-заиграть *mängima hakkama*, плакать-заплакать *nutma hakkama*, ехать-поехать *sõitma hakkama*, лететь-полететь *lendama hakkama*, возжаждать *janunema hakkama*, задремать *tukkuama v. suikuma jääma*, заискриться *sätendama lõõma*, возроптать *nurinat tõstma*, возрыдать *nuuksuma ruhkema*, побежать *jookkama pistma*. Типовым переводом оказывается сочетание смыслового глагола с глаголом приступа к действию его или трансформ., напр., "возроптать" *nurisema hakkama* (начинать роптать) или *nurinat tõstma* (поднять ропот). Перевод этого способа действия в принципе несложен, поскольку в русском языке существуют парафразы начинательного способа действия

типа "возроптать=поднять ропот, начинать роптать", ср. "... девушки зашевелились" (Бондарев) - "näitsikud läksid elevile", "вы заинтриговали не только меня" (Бондарев) - "te pole mitte üksnes minu, vaid kõgu kuulajaskonna rõnneville ajanud" однако несмотря на это, переводчики иногда игнорируют показ начинательности, ср. "Кисель", - отозвался Самсонов, завозившись за спиной" (Бондарев) - "liigahtades tema selja taga" ("liigahtama" означает "шевелиться время от времени", с оттенком ослабленности, а не "зашевелиться"), "езде потянулись ... засломились по салону ... дымки сигарет" (Бондарев) - "kõikjal kerkis lae alla ja jäi seal kihtidena hõljuma" ("kihtidena hõljuma jääma" означает "остаться парить слоями", а не "заслоиться"). Начинательность можно передать также сочетанием глагола и наречия мгновенности действия, ср. "Тут Михалева застучала вилкой по графину" (Бакланов) - "Siinkohal koputas Mihhaljova vastu karahvini" где эстонский перевод русского текста является пословным, но начинательность все же передана, т.к. siinkohal (тут, в этот момент, в это время, тогда) заставляет осмысливать неопределенное действие глагола koputama (стучать) начинательным; в русском же языке сочетание "тут ... стучала" воспринимается как неправильное, поскольку в русском языке глагол не только приобретает видовое значение от контекста, как в эстонском языке, но и оформляется морфологически как глагол определенного вида (ср. неправильно "избрать вновь", но правильно "переизбрать вновь", также "спать лишь час", но "поспать лишь час", "спать целый час", но "проспать целый час" - в эстонском языке для выражения соответствующих значений достаточно сочетание бесприставочного глагола с соответствующими наречиями, являющимися по сути дела компонентами значений русских приставочных способов действий: taas valima, vaid tunni magama, terve tunni magama).

2. Финитивный - неопределенное действие исходного глагола проявляется по отношению к конечному моменту его осуществления во времени (т.е. неопределенное действие кончается в силу каких-то внешних причин, "истекает", напр. "в те дни вокруг этого вопроса гремели споры, но они к счастью быстро отгремели, поскольку повод к ним иссяк"). Этот способ действия образуется при помощи приставки ot-. РЭС Арумаа отмечает у этой приставки способность образовывать глаголы со значением заканчивания действия (отгулять jalutamise v. pummeldamise

lõpetama, otuhtütsia õppimise lõpetama, otzavtrahtakata einestamise lõpetama, otkipetä keemast lakkama.) Однако это определение не отражает сущности финитивного способа действия: тут выражается не заканчивание действия (т.е. целенаправленный процесс), а истечение, прекращение действия; в примерах статьи от-, правда, встречается один случай финитивного способа действия (откипеть keemast lakkama т.е. перестать кипеть), но другие означают "кончат заниматься чем-л." и являются по сути дела парными глаголами (otgostit'ya/otgostit'ya, otuhtütsia/otuhütütsia, otguul'ya/otguul'ya). Очевидно некоторые из них могут выступать и в финитивном способе действия (отуhtütsia - перестать учиться, otguul'ya - перестать гулять, otgostit'ya - перестать гостить). Типовым переводом финитивного способа действия является сочетание глагола с глаголом финитивности, ср. РЭС Арумаа: otshumetä kohisemast lakkama. "Гревели споры-слава богу, давно отгревели" (Трифонов) - "nende ümber on keenud vaidlused - tänu jumalale, et nad ammugi on ära keenud" (ära keema значит "вскипеть", т.е. просто завершенность действия предельного глагола "кипеть" (vesi keeb - вода кипит), а не конечный момент объективного времени протекания непредельного действия; правилен был бы перевод keemast lakkama, где keema подразумевался бы непредельным глаголом (vaidlus keeb - спор кипит).

3. Пердуративный - непредельное действие исходного глагола проявляется по отношению к длительно-ограничительному моменту объективного времени (непредельное действие проявляется ограниченным во времени и длительным: "прожил всю жизнь в одном городе", "просидел весь день у друга", "отсидел десять дней на гауптвахте"). Приставками, образующими этот способ действия, являются про-, от-, пере-. РЭС Арумаа говорит в словарной статье про-, что она выражает действие, осуществляющееся в продолжение определенного отрезка времени, приводя примеры "просидеть всю ночь terve öö läbi istuma", прогулять два часа kaks tundi jalutama, однако это определение не говорит ничего о длительности отрезка времени - переводы пердуративных глаголов в РЭС Арумаа оказываются по этой причине в основном неадекватными, ср. "просудить teatud aeg kohtus käima, protsessima, прореветь teatud aeg rõõkimas v. nutmas, пробуждать teatud aeg äratama, отдежурить teatud aeg valvekorda pidama, переночевать ööd olema v. veetma, перезимовать ületalve elama; тем же страдают некоторые пе-

реводы из литературы, ср. "Десять суток отсидишь" (Бондарев) - "Kümme päeva istud arestis". Пердуративные приставки дублируются в русском языке часто контекстом, который указывает на ограниченность и длительность отрезка времени, тогда буквальный перевод передает значение пердуративности, ср. "До утра проревела, но все же не пошла мужа искать" (Бакланов) - "nutnud hommikuni, aga ei olnud siiski meest taga otsima läinud" (на длительность указывает "все же"), "Даже прожив две недели отпуска в деревне..." (Бакланов) - "iseegi pärast kaht maal puhatud nädalat" (на длительность указывает "даже"); в словаре же длительность и ограниченность временного отрезка можно передать лишь введением в текст перевода соответствующих показателей адвербиальной валентности пердуративного способа действия: "простоял" означает "простоял какой-то отрезок времени, оцениваемый как длительный", напр. "простоял целый час", а в эстонском *seisma teatud pikka aega*.

4. Делимитативный - неопределенное действие исходного глагола проявляется по отношению к недлительному моменту объективного времени (действие проявляется ограниченным во времени и недлительным: "постоял немного и купил, походил лишь пять минут и остановился"). Этот способ действия образуется при помощи приставок по-, вз- и ее модификаций и при-. РЭС Арумаа говорит в статье по-, что эта приставка образует глаголы, выражающие недолгое продолжение действия, приводя примеры "гулять-погулять *veidi jalutama*, читать-почитать *veidi lugema*, поспать *teatud aeg v. pisut magama*, поддержать *pisut hoidma*, помахать *paar korda lehvitama e. vehkima*", ср. также "вадремнуть *pisut tukkuma*, прилечь *lühikeseks ajaks pikali heitma, veidi puhkama*". Переводом является следовательно сочетание смыслового глагола с наречием недлительности. Однако представляется, что адекватный перевод этого способа действия должен, так же как перевод пердуративного способа действия, учитывать показатели его полной адвербиальной валентности - таким образом, "поспать" означает не только "поспать немного", но "поспать определенное время, оцениваемое как недлительное", напр. "поспать лишь час". "Немного" является лишь частным случаем адвербиальной валентности делимитативного способа действия, также как "долго" является частным случаем пердуративного способа действия. Без введения в текст перевода указателя на оценку от-

резка времени как недлительного переводы "постоял час и купил" и "простоял час и купил" будут одинаковы - *seisis tunni ja ostis*. Из-за неясного представления значения делящего способа действия в фактическом материале часто встречаются случаи неправильного перевода даже при указании русским контекстом на недлительность ограниченного отрезка времени, ср. "Козельский с полчаса еще поговорил со студентами" (Трифонов) - "*gääkis üliõpilastega veel pool tundi*", где "с полчаса" переведен как "полчаса" (*pool tundi*) хотя "с полчаса" значит "каких-нибудь полчаса", т.е. выражает оценку времени как недлительного; "она и в руках подержала и на ногу поглядела, но опять не решилась" (Бакланов) - "*ta keerutas neid käes ja proovis jalga ka*": правильно было бы *keerutas neid veidi käes*, с введением показателя недлительности *veidi* (немного), как сделано в следующем примере: "... посидим где-нибудь" (Бондарев) - "*istume kuski veidi*".

5. Протяженно-одноактный - непределное действие исходного глагола проявляется по отношению к протяженно-одноактному моменту объективного времени (непределное действие представлено осуществляющимся в один прием, но как протяженное во времени): "волк провыл тягуче один раз", "из операционной прозвучал протяжный стон". Этот способ действия объясняется в основном на основе глаголов звучания и света, благодаря дискретной (многоактной) природе действия этих глаголов. Приставкой, образующей этот способ действия, является про-. РЭС Арумаа не отмечает у про- данной функции, в переводе же соответствующих глаголов отмечает только значение пердуративного способа действия, также присущего им: "провыть *teatud aeg ulgama*, пролепетать *teatud aeg lalitsema*, лällу-тата, просверкать *teatav aeg sähvima*, прогнусавить *teatud aeg läbi nina v. inisedes kõnelema, inama*" или как парные глаголов (звучать/прозвучать). При переводе таких глаголов следует сделать наглядным семантическую валентность протяженно-одноактного способа действия: валентность на протяженность и валентность на одноактность объективного времени, напр. "прокричать (протяжно один раз) *karjuda venitades üks kord* или *karjatada venitades* (так как с данным глаголом сочетается суффикс *-ata-* со значением одноактности). Переводы, не отражающие соответствующих семантических валентностей, следует считать неправильными, ср. "Дверь легонько толкнули, она медленно приотворилась, проскрипела" (Бондарев)-

"Uka läks kergest tõukest aegamisi, käigial paokile" (т.е. "дверь приотворилась медленно, скрипя").

6. Интенсивно-одноактный - неопределенное действие исходного глагола проявляется по отношению к интенсивно-одноактному его осуществлению во времени. Этот способ действия малопродуктивен и свойствен специальной лексике (в основном глаголы произведения звука) и образуется при помощи приставки *вз-* (и ее модификации) и суффикса *-ну-*; приставка при этом сообщает значение интенсивности, суффикс - признак одноактности. РЭС Арумаа указывает в словарной статье указанной приставки на его способность выражать интенсивность (вскричать (*valjusti*) *karjatama*), однако не говорит ничего о сочетании этой приставки с *-ну-*. В реальных переводах соответствующих глаголов словарь передает в лучшем случае только одноактность, оставляя без внимания интенсивность, ср. "воскликнуть *hüüatama*, вскрикнуть *hüüatama, karjatama*, взвизгнуть *kiuna(h)tama, vinga(h)tama*, вскрикнуть *grääksatama* (одноактность выражается суффиксом *-ata-*). То, что словарь пренебрегает показом интенсивности при переводе глаголов этого способа действия демонстрируется самим методом подачи материала: беспрефиксные и префиксные глаголы переводятся одинаково (взвизгнуть *kiuna(h)tama, vinga(h)tama*, визгнуть *vinga(h)tama, kiuna(h)tama, piuksatama*); иногда вместо перевода префиксального образования читатель отсылается к беспрефиксному слову (вскрикивать *нуть** крикнуть; крикнуть* крикать; *grääksatama, ühe korra rõgisema*; крикать *нуть** *grääksuma* (утка); *kilgatsema; rõgisema*). Иногда одноактность приписывается, кроме производного, также производящему глаголу ("вскричать" и "вскрикнуть" переведены одинаково *karjatama, kiljatama, jorata* как одноактные, без перевода признака интенсивности, наличествующей в обоих глаголах). Адекватный перевод глаголов этого способа действия можно осуществить путем перевода семантической валентности приставки и суффикса: "взвизгнуть (пронзительно один раз)" *kiuna(h)tama läbilõikavalt*; если же эстонский глагол не допускает показа одноактности морфологически, надо перевести лексически также семантическую валентность суффикса *-ну-* "один раз" (ср. РЭС Арумаа "крикнуть *grääksatama, ühe korra rõgisema*).

7. Сативный - неопределенное действие исходного глагола проявляется по отношению к насыщенности осуществления его во

времени (непредельное действие продолжается до насыщения им субъекта: "с утра пошли гулять и вернулись после обеда, когда нагулялись и намерзлись"). Этот способ действия образуется приставкой на- и частицей -ся; РЭС Арумаа отмечает в статье на - данное значение, приводя примеры "гулять-нагуляться küllalt jalutama, кушать-накушаться küllalt e. täis sööma, читать-начитаться küllalt e. isu täis lugema. Типовым переводом сативного способа действия (как видно из приведенных примеров) является сочетание глагола со словом, выражающим семантическую валентность сативного способа действия на "насыщение" - küllalt (вдоволь): "наплакаться küllalt nutma, наговориться küllalt kõnelema, нахлестаться küllalt larpi-ma, набаловаться küllalt vallatusi tegema. "В войну я с ними наговорился - сыт на всю жизнь" (Бондарев) - "sõja ajal sai sakslastega küllalt räägitud - тем не менее показ сативности в эстонском переводе подчас игнорируется: "... нагулявшись с Аней по морозу ..." (Бакланов) - "... koos Anja-ga rakase käest jalutamast tulid" (т.е. вернулись с Аней с мороза с прогулки).

8. Экссессивно-длительный - непредельное действие исходного глагола проявляется по отношению к исчерпывающей длительности его осуществления во времени ("жена предупредила мужа, чтобы тот опять не засиделся в гостях до утра:). При трактовке этого способа действия следует подчеркнуть, что длительность тут является не слишком большой, а именно исчерпывающей, за которой она становится гипернормативной: "засиделся слишком долго". РЭС Арумаа не приписывает за- и частице -ся способности образовать экссессивно-длительный способ действия, отмечая, что за- выражает обычно увлечение действием или погружений в действие (väljendab tegevusest innustumist või sellesse süvenemist)

и приводит примеры "играть-заиграться mängusse süvenema, задуматься mõttesse süvenema", т.е. примеры, где за- в сочетании с -ся функционирует в качестве лексической приставки. Непредельные глаголы с приставкой за- и частицей -ся имеют часто рядом с полуграмматическим значением способа действия также лексическое значение увлеченности или погружения. РЭС Арумаа приводит в таком случае эти значения через точку с запятой: "зачитываться kauaks lugema jääma, lugemisest innustuma, заиграться mänguhoogu sattuma; kauaks mängima jääma" (т.е. считает их равноправными значениями одного и

того же глагола). Регулярный перевод данного способа действия отражает его адвербиальную валентность "исчерпывающе долго" (засидеться надолго): "засидеться kauaks istuma jääma, заспать kauaks magama jääma. В фактическом материале такие стандартные переводы часто заменяются однословными эквивалентами, выражающими довольно точно смысл русского слова: "... но не засиживаться" (Бакланов) - "... aga jorutama ei jää", "с воротником закопаешься" (Трифонов) - kraega on jädamist".

9. Гипернормативно-длительный - неопредельное действие исходного глагола проявляется по отношению к выходящей за рамки нормы длительности его осуществления во времени ("обычно поспит днем лишь два часа, а сегодня переспал и проснулся с головной болью"). Формальным показателем этого способа действия является приставка пере-; РЭС Арумаа не упоминает у этой приставки данной функции, но в переводах соответствующих глаголов наблюдается регулярно буквальный перевод приставки и беспрефиксного глагола: "переспать liiga kaua magama, перегреться liiga e. üle kuumenema, перекупаться liiga kaua kümblema, переработать üle aja töötama. Легкость перевода объясняется тем, что пере- имеет самостоятельное лексическое значение, которое не сочетается со значением беспрефиксного глагола, а "плюсуется" к нему (пере=liiga, üle-aru РЭС Арумаа).

10. Аугментативно-интенсивный - неопредельное действие исходного глагола проявляется по отношению к исчерпывающему развитию интенсивности его осуществления во времени ("всегда был надменным, а тут уж совсем (очень) разважничался"). Этот способ действия образуется приставкой раз- и частицей -ся. РЭС Арумаа указывает в статье раз- лишь его значение в качестве лексической приставки, образующей глагол с новым понятием содержанием: "väljendab ... hoogusattumist ... tegevusest innustumist" (выражает вхождение в разгар и увлечение действием), т.е. в таком же значении как приставка за- (см. "эксцессивно-длительный способ действия"), приводя пример "размечтаться unistusest innustuma, unistusse süvenema, расплясаться tantsuhoogu sattuma. Однако в переводах соответствующих глаголов встречается также выделение аугментативно-интенсивного способа действия - способом перевода служит тогда перевод семантической валентности данного способа действия: "разволноваться väga rahutuks minema, разо-

вратъся valetamises liiale minema e. mõõtu kaotama, раз-
нервничаться ülinärviliseks muutuma. Перевод этого способа
действия не представляет особых трудностей, надо лишь пом-
нить, что развитие интенсивности является исчерпывающим
(разнервничаться очень), но не эксцессивным, гипернорматив-
ным. Ср. еще: "... но она так разнервничалась, что у нее про-
пал аппетит" (Трифонов) - "... närvitises sedavõrd..."

II. Эксцессивно-кратный - неопредельное действие исходно-
го глагола проявляется по отношению к чрезмерности его крат-
ного осуществления во времени - выражает отрицательно оцени-
ваемую крайнюю степень кратного проявления качества, харак-
терного для субъекта ("школьник совсем извертелся, чтобы при-
влечь внимание учителя"). Этот способ действия образуется
приставкой из- и частицей -ся. Толкование РЭС Арумаа значе-
нии глаголов, образуемых из- и -ся, подходит только к лекси-
ческой приставке из-: "moodustab verbe, mis väljendavad mõ-
ne omaduse või iseloomujoone omandamist suurel ulatuses ...
või vastupidi ... mõne omaduse kaotamist (выражает при-
обретение качества или черты характера в большом масштабе...
или напротив, утрату какого-нибудь качества): "изолгаться va-
letažaks või luiskažaks muutuma (т.е. превратиться в лгу-
на), исписаться end tühjaks kirjutama (т.е. писать, пока не
о чем больше писать - "до пустоты писать"). Перевод эксцес-
сивно-кратного способа действия значительно труднее перевода
образований с лексической приставкой из-: видимо, это один
из наиболее трудно переводимых способов действия вообще. В
переводе должна быть отражена семантическая валентность это-
го способа действия на отрицательно оцениваемую крайнюю сте-
пень проявления кратности ("изолгаться вконец, совсем"). Как
передать значение валентного показателя "вконец" lõplikult
учитывая еще, что оно не конкретно: неизвестно, в чем именно
заканчивается этот отрицательный результат. Буквальный пере-
вод не годится, т.к. он ни о чем не говорит без слов соот-
ветствующей семантики. Тут трудно предложить какую-нибудь
модель, т.к. эта крайняя степень при каждом глаголе особен-
ная, ср. в РЭС Арумаа "изолгаться end valedega sisse mässima
v. valedega sisse kukkuma" (букв. запутаться во лжи или
попасться во лжи), изнервничаться purunärviliseks muutuma

(стать совершенно нервным), изразвратничаться *täiesti üle-käte minema*, (совсем из рук выйти), извороваться *varglema hakkama*, (начинать постоянно воровать). В реальном контексте этот способ действия так же трудно переводим и часто не отражается, ср. "Сеченов совершенно терял себя. Весь извертится, чтобы хоть краешком попасть в объектив" (Бакланов) - "ta keerles nagu sütel..." (*nagu sütel keerlema* - крутиться как на угольях).

12. Экстагустативный - неопределенное действие исходного глагола проявляется по отношению к крайней границе его длительности и интенсивности осуществления во времени при значении невозможности продолжения действия субъектом. Формальным признаком этого способа действия являются у- и частица -ся. В словарной статье у- РЭС Арумаа не говорится о таком значении образований с у-; в переводах же соответствующих глаголов наблюдается регулярно передача семантической валентности этого способа действия показателем "изнеможение, исчерпанность", ср. "убегаться *jooksmast väsima, end väsinuks jooksmata* упрыгаться *hüpates ära väsima, end väsinuks hüppama*.

13. Финально-отрицательный - неопределенное действие исходного глагола проявляется по отношению к отрицательному результату чрезмерной длительности и интенсивности его осуществления во времени (результат имеет значение каких-то непредвиденных отрицательных состояний: догулялся до того, что провалился на экзамене; добежался до болезни; дочитался до головокружения). Приставкой, образующей этот способ действия, является до- в сочетании с -ся РЭС Арумаа отмечает в статье до-, что при помощи этой приставки образуются глаголы, выражающие продолжение действия до определенного, обычно плохого, результата: писать-дописаться, прыгать-допрыгаться, спать-доспать. Типовой перевод представляет сочетание глагола со словами, выражающими определенный отрицательный результат: добежаться *halva tagajärjeni jooksmata; end haigeks jooksmata*, дочитать *halva tagajärjeni lugema, dospatya teatud tagajärjeni magama*, довертеться *end mõnda halba olukorda keermutama*. Этот перевод адекватен, поскольку отражает семантическую валентность русского глагола (дочитать до плохого результата).

14. Прерывисто-смягчительный - неопределенное действие исходного глагола проявляется неограниченно-прерывистым, пов-

торящимся время от времени, ослабленным. Он образуется приставкой по- и итеративным суффиксом -ива/нва-. РЭС Арумаа отмечает, что по- выражает небольшую длительность и встречается с итеративным суффиксом -ива/нва-, приводя примеры "почитать-почитывать vahetevahel lugema, погулять-погуливать aeg-ajalt jalutama, что конечно далеко не отражает сущность прерывисто-смягчительного способа действия, имеющего в своем содержании три компонента: неограниченную прерывистость (погуливать понемногу), ослабленность (погуливать понемногу - валентный показатель "понемногу" охватывает как прерывистость, так и ослабленность), повторяемость время от времени (погуливать время от времени). Адекватный перевод на эстонский язык должен отразить эти три компонента: погуливать - jalutama vahetevahel vähehaaval. Некоторые глаголы эстонского языка позволяют показ прерывисто-смягчительности и повторяемости суффиксами -skle- и -tle-, напр. из РЭС Арумаа: покусывать puresklema, полеживать lamasklema, постукивать koputlema. Как правило, в указанном словаре указанные компоненты данного способа действия отражаются неполно, иногда они даются альтернативными соответствиями "или/или" вместо того чтобы подать их вместе, как компоненты целого - ср. поваживать (ребят в кино) - aeg-ajalt viima, покуривать pisut e. vähehaaval suitsetama, помахивать aeg-ajalt v. vähehaaval lehvitama (время от времени или понемногу ...), постукивать aeg-ajalt koputama v. koputlema, посвистывать tasa v. aeg-ajalt vilistama, побаловывать vahel natuke helilitama, поглатывать aeg-ajalt v. aegamööda neelama. В переводах текстов значение этого способа действия часто игнорируется, ср. "... лежишь на диване, покуриваешь и пожинаешь лавры" (Бондарев) - "vedeled diivanil, suits hambus, ja ja lõikad loorbereid" (suits hambus - папироса в зубах), "... взглянул на ... человека, покуривающего сигарку" (Бондарев) - "... kes sigaretti suitsetas" (т.е. кто курил сигарету), "Ленюшкин сидел с Кузовлевой, покусывая дужку очков" (Бакланов) - "ja näris prillisanga" (närima "грызть", в то время как существует närisklema - покусывать), "Вадим посматривал на Лену" (Трифонов) - "Vadim vaatas aeg-ajalt Leena poole" (т.е. смотрел время от времени).

15. Процессно-смягчительный - неопределенное действие исходного глагола проявляется неограниченно-длительным, повторяющимся время от времени, ослабленным ("в радио спели зна-

кому песню ... Иван пошел в другую комнату, напевая время от времени тихо отрывок из услышанного"). Формальным показателем этого способа действия является на- вместе с суффиксом -ива/ыва-. РЭС Арумаа не упоминает в связи с на- о данном значении. Адекватный перевод глаголов процессно-смягчительного способа действия возможен только переводом валентных показателей этого способа действия, отражающих компоненты его значения: "напевать тихо" (ослабленность), "напевать время от времени" (повторяемость), "напевать мелодию" (неограниченная длительность - этот компонент выражается обязательным наличием объекта, осмысливаемого как неограниченно-длительное совершение - "мелодия, песня ...", напр. "накрапывал дождь"): таким образом - "напевать (мелодию тихо время от времени)" aeg ajalt vaikselt meloodiat ühisema". Соответствия РЭС Арумаа к глаголам процессно-смягчительного способа действия как правило неполны, в них игнорируется повторяемость действия, а неограниченная длительность и ослабленность подаются как различные значения через точку с запятой, ср. "насвистывать (mõnda viisi) vilistama; omaette vilistama, напевать viisi laulma; omaette laulma, ühisema, наигрывать ette mängima, нашептывать kõrva sosistama (kellegi kohta halba) (повторяемость не показывается кстати также в ССРЛЯ (Словарь современного русского литературного языка в 17-и томах): "наигрывать" - исполнять что-либо (на музыкальном инструменте) тихо и небрежно. РЭС Арумаа представляет глаголы процессно-смягчительного способа действия часто парными, а не одновидовыми, поскольку не выделяет данного способа действия, ср. "нашептывать-нашептать, наигрывать-наигрывать, напевать-напеть".

16. Процессно-комитативный - непределённое действие исходного глагола проявляется неограниченно-длительным, сопровождающим другое действие, повторяющимся время от времени, ослабленным. Приставками, образующими этот способ действия, являются при- и под-. РЭС Арумаа не упоминает о таком значении у образований с этими приставками и переводит их соответственно неполно: "приговаривать juurde lausuma v. kordama üksikuid sõnu (saateks mõnele tegevusele), подпевать järele v. kaasa laulma, saateks laulma, подвывать vastu ulguma (переданы комитативность и длительность, поскольку сопровождаются может только длительное действие; не переданы ослабленность и повторяемость). В переводах глаголов "при-

крикивать, притопывать, прискакивать, припрыгивать, присвистывать, приклебывать, причмокивать" даже комитативность, самая специфическая черта данного способа действия, не отражена. В фактическом материале также отражается в лучшем случае лишь комитативность, ср. "Гранатуров ... мыча невнятный мотивчик, притопывая ногой ..." (Бондарев) - "... mingit arusaamatut viisikatkendit ühiselises ning jalaga takti löües" комитативность выражается словом *takt-takt*); "Женщина-киоскер раздавала газеты и монотонно приговаривала: "Вам "Радио-программу"" (Трифонов) - "... lausus sinna juurde monotoonsel". Адекватный перевод представляется возможным лишь переводом семантических валентностей процессно-комитативного способа действия: валентности на комитативность и длительность (притопывала, сопровождая другое действие, припевала оркестру ...), валентности на повторяемость (притопывала время от времени), валентности на ослабленность (притопывала негромко): "приговаривать (негромко время от времени к другому действию) - rääkima vaikselts aeg-ajalt juurde teisele tegevusele.

17. Процессно-длительный - непредельное действие исходного глагола проявляется неограниченно распространяющимся в разных направлениях с оттенком неторопливости совершения. Приставкой, образующей этот способ действия, является раз- в сочетании с суффиксом -ива/ива-; РЭС Арумаа не приписывает ей данного значения. Адекватный перевод процессно-длительного способа действия возможен только путем перевода его семантической валентности, т.е. валентности на показатели а) неограниченной длительности, б) распространения в разных направлениях, в) неторопливости: "разгуливать (долгое время неторопливо в разных направлениях) *jalutama kiirustamata rikkaka aega eri suundades*. Хотя в словаре встречаются и в общем правильные переводы ("рассуоливать *pikalt-laialt seletama v. räjatama; venitama, keerutama (kõne kohta)* совокупность всего ряда дает правильное представление о значении русского глагола), основная масса переводов игнорирует тот или другой компонент значения процессно-длительного способа действия: "распевать *millegi joomisega aega veetma; pikakambõda jooma*; распевать (*palju v. sageli*) *laulma; laulu lõbritama; leelutama*, расхаживать *ringi jalutama; edasi-tagasi sammuma v. kõndima*, разгуливать *jalutlema*, размахивать *vehkima* раскуривать (дан парным глаголом со значением начи-

вательности). В фактическом материале это значение также передается не полно, ср. "Ведь ответственному исполнителю приходится все время разъезжать" (Трифонов) - "Tuleb ju vastutaval töötajal kogu aeg ringi sõita" (т.е. ездить в разных направлениях, по разным местам), "По белой глади озера разгуливала ворона" (Трифонов) - "... kõndis vares" (т.е. гуляла ворона).

18. Осложненно-интенсивный - неопределенное действие исходного глагола проявляется как неограниченное, усиленное, кратко-повторяющееся. Он образуется приставкой вы- в сочетании с суффиксом -ива/ыва-. РЭС Арумаа не выделяет значение этого способа действия в словарной статье вы-, а в переводах соответствующих глаголов его не передает, ср. "выговаривать välja rääkima, hääldama, вызванивать helistama; kellalugu helistama, (helistades) kutsuma, выкликать/nimepidi hüüdma v. välja kutsuma, вызвывать (нет в словаре). В переводе глагола "вырисовывать (буквы) "hoolega joonistama, vedama" передана усилительность hoolega - усердно). Поскольку РЭС Арумаа не выделяет у этих глаголов осложненно-интенсивного значения он использует глаголы обоих видов. В фактическом материале этот способ действия встречается редко: "Голоса албанцев сразу стихают - они старательно выговаривают русские слова" (Трифонов) - "nad hääldavad hoolikalt ja pikkaööda", перевод правилен, т.к. он буквально передает развернутый русский контекст "выговаривать тщательно слова". Типовым адекватным переводом является перевод такого русского развернутого контекста, отражающего семантическую валентность осложненно-интенсивного способа действия на усиленность, кратную повторяемость и неограниченность. Валентность на кратную повторяемость и неограниченность выражается обязательным наличием объекта, осмысливаемого как неограниченно-кратное совершение - "буквы, знаки и т.д.), валентность на усиленность - соответствующим наречием. Например: "выкрикивать (громко слова)" - ср. ССРЛЯ: "громко, отрывисто или крикливо петь, декламировать, читать что-л. и т.п."; "вырисовывать (тщательно знаки)" - ср. ССРЛЯ: "писать медленно, старательно изображая каждую букву, цифру".

19. Дистрибутивно-взаимный - неопределенное действие исходного глагола проявляется неограниченно-повторяющимся, происходящим между несколькими объектами. Формальным показателем этого способа действия является приставка пере- в сочетании

с -ива/ива- и частицей -ся (перемигиваться). РЭС Арумаа указывает, что сочетание пере- и -ся выражает взаимность действия: "перебрасываться teineteisele viskama, переглядываться teineteisele vaatama. Словарь переводит соответствующие глаголы, отражая взаимность словами типа vastastikku, teineteise (что соответствует семантической валентности дистрибутивно-взаимного способа действия: "перемигиваться друг с другом"), и игнорирует неограниченную повторяемость, если ее нельзя по языковым причинам отразить суффиксами -le-, -tse-. ср. "переглядываться vastamisi hüüdma, hüüdlema, huiklema, переглядываться pilke vahetama, teineteist silmitsema, перебраниваться vastastikku sõnlema, teineteisega näiklema, переговариваться arutama, läbi rääkima, teineteisega, переругиваться (нет в словаре). Неограниченная повторяемость может быть, однако, отражена переводом валентного показателя "время от времени". В фактическом материале дистрибутивная взаимность отражается не всегда, ср. "грелись на солнышке, переговариваясь" (Бондарев) - "rihusid juttu" (juttu rihuma - разговаривать), "Видите ли, я не люблю соревнований, участники которых перемигиваются с судейской коллегией" (Трифонов) - "mille osavõtjad kohtunike kolleegiumile silma pilgutavad" (в переводе нет значения взаимности).

20. Атенуативный - предельное действие исходного глагола проявляется с оттенком неполноты, ослабленности достижения количественного результата. Неполнота количественного результата означает, что результат не распространяется на все состояние объекта/субъекта, а лишь на часть его, напр. "одежда подсохла = одежда высохла несколько, но не совсем", "овоци подгнили = сгнили частично". Приставками, образующими этот способ действия, являются при-, под-, над-, по-. РЭС Арумаа приписывает атенуативное значение под-, над-, по-: "над- выражает иногда прерывание действия: надломить pooleldi murdma, надрезать realt v. pooleldi lõikama; под- выражает частичное совершение действия: гнить-подгнить (mitte täielikult) mädanema, забыть-подзабыть osalt unustama, по- присоединяется также к приставочным глаголам и придает их значениям оттенки "в известной степени, тут и там, несколько, частично": выдергивать-повыдергивать siin ja seal v. teataval määral välja kiskuma, рассказать-порассказать veidi e. osalt jutustama. Типовым переводом глаголов этого способа действия является сочетание глагола со словами, выража-

щими количественный результат: подвинтить *kõvemini kinni kruvima*, подморозить *pisut külmetama*, приспускать *pisut alla laskma*, - переводы соответствуют русскому развернутому по семантической валентности на неполный количественный результат контексту ("подморозить немного - *pisut külmetama*). Возможны лексические соответствия, в которых атенуативность выражается суффиксами *-st-, -t-* ср. надбить (вазу) *mõrasta-ma*, притупить (нож) *nõristama*, приоткрыть (дверь) *raotama*, привстать *kergitama*. В фактическом материале встречаются как отражение значения данного способа действия, так и игнорирование его: "Старик продавец, привстав из-за кип газет, спросил скрипуче ..." (Бондарев) - "... *tõusis ajalehevir-nade taga püsti*" (*püsti tõusma* значит "вставать", но не "привставать"), "... однако тут же, смеясь, приподнялась" (Бондарев) - "... *ent tõusis samas paerdes istukile*" (*istukile tõusma* - значит "подняться из лежачего положения в сидячее положение"), "... и вот подморозило, подсушило асфальт" (Бакланов) - "*siis läks pisut külmemaks, asfalt tõmbus kuivaks*".

21. Тотальный - предельное действие исходного глагола проявляется с оттенком исчерпывающего охвата действием всего предмета (результат распространяется на все состояние объекта/субъекта: "в пьяном виде изрубил всю мебель"). Тотальный способ действия образуется приставками *из-, вы-, у-*. РЭС Арума упоминает о наличии только у *из-* способности образовывать этот способ действия: "из- выражает распространение действия во всем охвате: изъездить *risti ja rõiki läbi sõit-ma*, исписывать *täis kirjutama*. Типовым переводом можно считать сочетание глагола со словами, выражающими полноту охвата действия, ср. изрубить (на куски) *riruks raiuma*, истюкать (до тупости) *nõriks tonkima*, издробить *peeneks muren-dama*, увешаться (охотник дичью) *end täis riputama*, вымарать *üle v. ära määrima*, вымасливать *üleni võiga määrima*, изранить *haavu täis lõsma*, устлать *üleni täis laotama*; * *üleni katma*, изглодать (*siit-sealt v. üleni*) *üle närima*, (т.е. перевод раскрывает семантическую валентность русского приставочного глагола). В фактическом материале этот способ действия встречается редко: "... по израненному асфальту..." (Бондарев) - "*üle lõhutud asfaldi*" (перевод нефигуративный, означает просто "по разрушенному асфальту"). "... измазанные пороховой гарью ..." (Бондарев) - "... *püssirohusuitsust tah-mased*" (т.е. закоптелые).

22. Длительно-усилительный - предельное действие исходного глагола проявляется с оттенком интенсивного доведения длительного действия до результата (поскольку глагол является предельным, результат не непредвиденный, как в финально-следственном (отрицательном) способе действия, а именно тот, к которому субъект целенаправленно стремился: "стоял за дверью и звонил, пока наконец не дозвонился и дверь не открыли"). Этот способ действия образуется приставкой до- в сочетании с частицей -ся. РЭС Арумаа отмечает в статье до-, что она выражает продолжение действия до определенного результата. Адекватный перевод глаголов длительно-усилительного способа действия в принципе несложен, поскольку в русском языке существуют параллельные парафразы, которые подвергаются легко переводу - как и сделано в РЭС Арумаа, ср. достучаться (= стучать до получения ответа) *vastuse saamiseni koputama*, дозваться (= звать до получения ответа) *hüüdma v. kutsuma vastuse saamiseni*, докликаться (= кликать до получения ответа) *hüüdma (kuni) vastuse saamiseni*, дозвониться *helistades vastust v. sisselaskmist saama*, додуматься *mõtlemisega mil-lenegi jõudma*. В таких парафразах выражается как идея длительности, так и интенсивности ("не переставать делать что-то, пока желаемый результат не достигнут"). В фактическом материале этот способ действия встречается редко "... потеряют интерес-не достучишься потом" (Бакланов) - "*kaotavad huvi - siis koputa kuipalju tahad, ei avata enam*" (т.е. стучи потом сколько хочешь, больше не откроют). В указанных парафразах отражается семантическая валентность длительно-усилительного способа действия на результат, достигаемый длительно-усилительным действием.

23. Интенсивно-усилительный - предельное действие исходного глагола проявляется с оттенком интенсивного доведения действия до результата. Этот способ действия образуется при помощи приставки вы-, имеющей значений интенсивной усиленности. РЭС Арумаа такого значения у вы- не отмечает, однако перевод соответствующих глаголов осуществляет регулярно сочетанием префиксального слова *välja* с глаголом: "выпросить *välja küsima v. paluma v. tingima*, выканючивать *välja mangu-ma, painama*, выхлопотать *välja muretsema, hankima (sekeldustega)*".

Поскольку *välja* является буквальным переводом русского вы-, сочетание *välja* + предельный глагол" можно назвать

морфологически выраженным интенсивно-усилительным способом действия на эстонском языке (так же, как сочетание *liiga* + неопределенный глагол" можно назвать морфологически выраженным гиперномативно-длительным способом действия - см. выше п.9).

24. Интенсивно-квалификативный - предельное действие исходного глагола проявляется с оттенком количественного накопления качественной результативности - "напоить, надрать" (сложение результатов отдельных актов действия дает суммарный качественный результат). Этот способ действия образуется приставкой *na-*; РЭС Арумаа не отмечает такого значения у этой приставки. Типовым переводом глаголов интенсивно-квалификативного способа действия является сочетание глагола со словами, выражающими качество результата: "начистить *hästi puhaastama, läikima lõõma*, наглядить *siledaks triikima*, насолить *hästi soolaseks soolama*, напиться *janu kustutama*, наесться *end täis sõõma*. В этих переводах раскрывается семантическая валентность русских глаголов (начистить хорошо, до блеска). "... прыганье солнца по его длинному стволу, так начищенному за эти дни соляркой, будто к смотру готовились" (Бондарев) - "... *mis puhkuseräevil naftaga nii haljaks oli küüritud*" (т.е. был начищен до блеска), "... в начищенных утром на вокзале блестящих сапогах..." (Трифонов) - "*hommikul vaksalis läikima viksitud säärikutes...*".

25. Аугментативно-квалификативный - предельное действие исходного глагола проявляется с оттенком усиленно-качественного достижения качественного результата: "фасады домов богато разукрашивались к празднику" РЭС Арумаа не дает в статье раз-данного значения; словарные переводы глаголов аугментативно-квалификативного способа действия представляют собой сочетание глагола со словами, показывающими высокую степень качества действия, ср. "разукрасить *uhkesti kaunistama e. ehtima*, разрисовать *joonistega lalalt kaunistama*, размалевать *jämedalt maalima, maalerdama*, разодевать (*keleleegi*) *parimad rõivad selga panema*, разубираться *end ilusasti ehtima v. rõivastama*, растолстеть *väga raksuks minema, lihuma*. "Тут ярчайше пестрели на всех углах грубо разрисованные вывески баров" (Бондарев) - "*siin nägi igal tänavanurgal maitsetuid karjuvkiredaid baarisilte*". "Смотри-те, как наша мать разукрасилась сегодня" (Бакланов) - "*Vaadake, kui ilusaks meie ema end täna on ehtinud*". Такой перевод отражает семантическую валентность русского приставочно-

го глагола (ср. разукрасить богато).

26. Экссессивно-размерный - предельное действие исходного глагола проявляется с оттенком излишества размеров результата действия (т.е. отдельных актов действия слишком много). Этот способ действия образуется приставкой пере-. РЭС Арумаа называет экссессивно-размерное значение приставки пере- значением *tegevuse ülearune intensiivistumine* (излишняя интенсивность действия): пересолить *liigselt soolama* - в действительности это не излишняя интенсивность, а излишнее количество актов действия (излишний размер действия): пересолить *üle soolama*, пересаливать *üle rasvama*, *liiga rasvastama* е. *rasvaseks tegema*, переперчить *liiga pipardama*, перебелить *ülepleegitamisega ära rikkuma*, перегорчить *liiga kibedaks tegema*, *üle pipardama*, переадминистрировать *ülearu administreerima* е. *haldama*. Типовым переводом является сочетание глагола со словами типа *üle*, *liiga* (сверх, слишком) - переводным соответствием приставки пере-. Формально этот способ действия совпадает с гипернормативно-длительным (ср. переспать - пересолить), перевод также формально совпадает (*liiga magama* - *liiga soolama*), однако в первом случае имеется в виду *liiga kaua* (слишком долго по времени), а во втором случае *liiga palju* (слишком много по количеству).

27. Экссессивно-воздействующий - предельное действие исходного глагола проявляется с оттенком излишнего качественно-результативного воздействия на субъект/объект ("задержать детей вечными понуканиями"). Он образуется при помощи приставки за-. РЭС Арумаа не указывает у за- такого значения. Экссессивное воздействие удастся в переводах иногда передать сочетанием глагола с префиксальным словом *ära*, выражающим завершенность (замучить *ära piinama*). Обычно же этот способ действия переводится сочетанием глагола со словами, выражающими качество, которое субъект/объект приобретает в результате излишнего воздействия: замучить *surnuks piinama*, забить (детей) *vaeseomaks pekama*, задержать (детей) *alatieste tõmbamistega*, *alatieste noomitustega rikkuma*, заездить *õiduga ära kurnama*, залечивать (halva) *arstimiseга piinama* в. *surnama*, застирывать (рубашку) *pestes kulutama*, зачитывать *puruks lugema*. "Вера Фаддеевна чувствовала себя очень плохо, вконец замученная" (Трифонов) - "... olles täielikult ära piinatud". "... иначе замучаем переводом господина Самсонова" (Бондарев) - "muidu teeme härra Samsonovile tõlkimi-

sega tüli" (в последнем случае перевод неадекватен, т.к. tüli tegema значит "беспокоить"). Типовой перевод глаголов данного способа действия в РЭС Арумаа отражает семантическую валентность русских глаголов (ср. зачитать до дыр).

28. Комплетивный - предельное действие исходного глагола проявляется с оттенком частично-объемного воздействия (причем субъект/объект уже ранее подвергался такому объемному воздействию: "налил в стакан вина, подумал и подлил еще"). Приставками, образующими этот способ действия, являются под-, до-, при-, над-. В РЭС Арумаа комплетивное значение придается только под-: "под- выражает прибавление - лить-подлить juurde valama, сыпать-подсыпать juurde puistama, работать-подработать juurde töötama, juurde teenima. Типовым переводом этого способа действия является сочетание глагола со словами, выражающими объемное прибавление: juurde, lisaks, pikemaks, ср. прикупить (белья) juurde ostma, принанимать juurde palkama, juurde üürima, приписать juurde kirjutama, поддевать (lisaks) juurde tuulama, подлить juurde valama, подгружать (lisaks) juurde laadima, подкачивать juurde pum- rama, довешивать juurde kaaluma, догружать juurde laadima, доливать juurde kallama, надвивать (плеть) pikemaks punuma e. otsa punuma, подсушить (груш) (нет в словаре). Такой перевод отражает семантическую валентность русских комплетивных глаголов. (ср. подлить еще).

29. Финальный - неопредельное действие исходного глагола проявляется с оттенком завершения его конечной фазы. Формальный признак этого способа действия до-. РЭС Арумаа отмечает у этой приставки данное значение ("выражает доведение действия до конца"). Этот способ действия обладает семантической валентностью на невозможность осуществления действия дальше из-за достижения внешнего предела: "допить до дна, дописать до конца". Переводы на эстонский язык в РЭС Арумаа отражают это валентное свойство финального способа действия, ср. догнать täielikult mädanema, допить lõruni v. rõhjana jooma, дописывать lõruni kirjutama, досыхать päriselt ära kuivama, довинчивать lõruni keegama, доигрывать lõruni mängima; "иные, даже не докурив на солнцепеке ...: (Бондарев) - "ei jõudnud vilkatki lõruni tõmmata", "довести только" (Бакланов) - "Ainult kohale viia".

30. Финально-комплетивный - предельное действие исходного глагола проявляется с оттенком завершения его частичной

конечной фазы. Этот способ действия рассматривает действие как комплетивное по отношению к финальному: часть конечной фазы выполнена, оставшаяся часть доделывается позже ("не успели докурить, после докурим"). РЭС Арумаа не выделяет в словарной статье до- специально финально-комплетивного способа действия, однако по переводам глаголов с приставкой до- наблюдается выделение данного значения - иногда рядом с финальным значением через точку с запятой: "доедать *sõõmist lõpetama; lõpuni sõõma*, доживать *lõpuni elama; ülejääki läbi elama*, дописывать *lõpuni kirjutama; (письмо)kirja lõpetama*, иногда через запятую: "дописывать *lõpuni maalima, maalimist lõpetama*, иногда через "или": "дожигать *lõpuni v. lõprosa põletama*. Если финальное значение может иногда, в зависимости от контекста, осмысливаться как в русском, так и в эстонском языке как финально-комплетивное (ср. долить... сразу/остаток вечером; *jooma lõpuni ... kõik kohe/ jääki õhtul*) то финально-комплетивный способ действия выражается в эстонском языке партиципом объекта, что недвусмысленно указывает на конечную часть объекта, ср. "доедать *sõõmist lõpetama*, доужинать *õhtusõõki lõpetama*, догружать *laadimist lõpetama*, догуливать *jalutamist v. suvitamist lõpetama*, дозимовать *talvitamist lõpetama*, дописать *kirja lõpetama*. Иногда в переводе на конечную часть указывается лексически: "дополучить *lõprosa saama*, дожигать *lõprosa põletama*. Такой перевод отражает семантическую валентность финально-комплетивного способа действия на показателя завершения частичной конечной фазы действия, ср. "доедать конечную часть ужина до конца". "И, уже видимым усилием заставляя себя остыть ... договорил почти охлажденно ..." (Бондарев) - *osa viha ohjeldades lõpetas ta juba rahulikult ...*, "... поспешно доканчивал какой-то аттракцион" (Трифонов) - "... *Lõpetas rutuga mingit atraktsiooni...*"; также примеры, где данный способ действия не отражен: "Сядь, Никитин, - взвел брови Гранатуров и, дочитав записку, вложил ее обратно..." (Бондарев - "... *luges kirja läbi*" (т.е. прочел письмо), "езде досасывались взлетные карамельки" (Бондарев) - "*kõikjal lut-siti karameellikorvekke*" (т.е. сосали конфеты), "солдаты высыпали из дому, дожевывая галеты" (Бондарев) - "*lõikesid kuitvikuid...*" (т.е. жуя галеты), "доедем под землей, черт с тобой" (Бондарев) - "*no sõidame siis metrooga...*" (т.е. поедем на метро).

31. Недостаточно-нормативный - предельное действие исходного глагола проявляется с оттенком недостаточной нормативности объемно-результативного воздействия. Этот способ действия образуется приставкой недо-, о которой РЭС Арумаа говорит, что она выражает прерывание действия. Перевод в словаре соответствующих глаголов осуществляется сочетанием "глагол + слова, выражающие ненормативное состояние объекта, ср. "недожарить *praadima mitte täiesti küpseks*, недовертывать *mitte täiesti kinni keerama*, недоварить *mitte ära v. küpseks keetma*, недокармливать *mitte küllalt toitma* (приводится и лексическое соответствие *alatoitma*), недовешивать *vähem kaaluma*. "Что ты, Сырец, и вправду как недоваренный всегда" (Трифонов) - "sa oled tõesti alati just kui pooltootges kartul" (т.е. как полусырая картошка). Данный способ действия представляет собой фактически осмысливаемый недостаточно нормативным финальный способ действия: объемно-результативное воздействие было недостаточным, чтобы достигнуть результата: "довернул гайку/недовернул гайку, дожарили мясо/недожарили мясо, докормил ребенка/недокормил ребенка". Данный в РЭС Арумаа типовой перевод является поэтому также недостаточно нормативным осмысливаемым переводом финального способа действия, отражает его семантическую валентность, ср. "дожарить *küpseks praadima*, недожарить *mitte täiesti küpseks praadima* (недостаточная нормативность выражается в переводе словами *mitte täiesti* "не совсем").

32. Частичный - предельное действие исходного глагола проявляется с оттенком воздействия только на часть объекта (затесать столб, застирать пятно на рубашке). Этот способ действия малопродуктивен и свойствен специальной лексике. Его формальным признаком является за-; РЭС Арумаа не приписывает ей способности образовывать глаголы с данным значением. Адекватный перевод частичного способа действия осуществляется переводом семантической валентности за-, как и делается в РЭС Арумаа: "затесать *kitsamaks v. teravamaks tahuma* (затесать уже или острее), застрагивать *teravaks hõveldada* (застрагивать острее), застудить (больное место) (*veel enam*) *ära külmetama*, застирать (пятно) (*osaliselt pestes*) *välja pesema*.

33. Кумулятивный - предельное действие исходного глагола проявляется с оттенком охвата действием всех или нескольких объектов. Формальным показателем этого способа действия яв-

ляется на-. РЭС Арумаа не выделяет кумулятивного значения у этой приставки, но отмечает, что она соответствует эстонским словам *kokku* (вместе), *hulgaviisi* (помногу), и приводит примеры *kokku sõitma* (наехало много гостей), наловить *kinni v. kokku v. hulgaviisi rüüdma*. Типовым словарным переводом этого способа действия является сочетание глагола со словами, выражающими охват действием многих объектов (т.е. перевод отражает семантическую валентность на кумулятивность: "наваливать много лесу"): "настроить (домов) *palju ehitama*, напечь *teatavat hulka küpseta*, набивать (дичь) *hulka maha kōmutama*, наваливать (лесу) *hulganisti raiama*, накатывать (шариков из глины) *veeretamisega teatavat hulka valmistama*, наворoshить (сена) *kaarutades teatava hulga hunnikusse ajama*, нагрызть *teatavat hulka nārīma*. "Не знаю даже, что наговорила" (Бакланов) - "Ei tea isegi, mis kokku rääkisin", "Нахоронился я их сотнями" (Бондарев) - "Ma olen neid sadade kaupa maha matnud". Часто это значение в переводах не отражается: "Ох, какую ересь и чепуху я вам наговорила" (Бондарев) - "Oh mis lolli juttu ma teile ajan" (т.е. какие глупости я говорю), "Поэтому наговорила вам много глупых слов" - "Sellepärast ma räägingi teile aina rumalusi" (т.е. все глупости говорю), "Напеку я вам оладьев на завтрак" (Бакланов) - "Teen teile hommikuks pannkooke" (т.е. приготовлю оладьев).

34. Дистрибутивно-суммарный - предельное действие исходного глагола проявляется с оттенком расчлененности воздействия и постепенного, поочередного достижения результата. Он образуется при помощи приставок *раз-*, *по-*, *пере-* и имеет определенную связь с кумулятивным способом действия (возможность образовать глаголы дистрибутивно-суммарного способа действия из кумулятивных: "нагнать (собак) - понагнать (собак) отовсюду". РЭС Арумаа отмечает в связи с *по-* и *пере-*, что "*по-* выражает направление действия на многие объекты: ломать-поломать (все игрушки), есть-поесть (все), прятаться-попрятаться *peitama (paljude kohta)*; *пере-* выражает направление действия на несколько предметов по очереди: перечитывать *läbi lugema* (все книги), пересмотреть *läbi vaatama* (три фильма). "В словарных переводах указывается, как правило, регулярно множество объектов, более нерегулярно же постепенное, поочередное достижение результата (однако от последнего зависит и оттенок расчлененности воздействия): ср.

попрятаться end ära peitma hulganisti, побивать puruks peksma v. lööma (kõiki v. teatavat hulka, пораскидать vähehaaval laiali pilduma, перебеситься hulgaliselt raevuma, перебранить (kõiki, paljusid) läbi sõimama, перебривать (paljudel e. kõigil üksteise järel) habet ajama, перевешивать üles riputama e. panema (kõiki järjest). перегрнзаться kõikidega järjest tülli sattuma, переарестовать üksteise järel vahistama, рассовать (mitmele poole) laiali pistma e. torpima, раздарить (все книги) (mitmele poole) ära kinkima, разворовывать (дрова) vargsi laiali kandma, повывести vähehaaval välja viima, поглотить üksteise järele neelama.

В переводах также часто игнорируется "постепенное, поочередное достижение результата": "Покорил Запад, пошибал все с ног своей "Дорогой" (Бондарев) - "rabasid kõik jalust maha oma Teega (т.е. шиб все с ног), "... но где бургеры, ... попрятались все" (Бондарев) - "on nad peidus" (т.е. спрятались), "Аня рассовала их по постелям" (Бакланов) - "Anja torpis ... lapsed vooditesse" (т.е. засунула детей в кровати). Адекватный перевод должен отразить семантическую валентность данного способа действия как на расчлененность, так и на поочередное, постепенное достижение результата.

35. Качественно-оценочный - предельное действие исходного глагола проявляется с оттенком качественно-оценочной результативности. Этот способ действия образуется при помощи приставок вы-, от-, про-. РЭС Арумаа не приписывает этим приставкам качественно-оценочного значения, однако в переводах соответствующих глаголов отражает их семантическую валентность на оценку качества (напр. выстирать чисто): "выгладить siledaks triikima, вымыть puhtaks pesema, выучить kätte õppima, выстирать puhtaks pesema, отлакировать (hoolestasti) lakeerima, отмываться puhtaks v. välja pesema, отстирываться puhtaks pesema, отглаживаться triikides siledaks minema, отъедаться end täis v. rammusaks sõbma, пропотеть (одежда) läbini higiseks saama, пропревать (läbi, rehaks) hauduma, "Целые сутки ... солдаты отмывались, очищались, отглаживались, отъедались" (Бондарев) - "terve päeva... pesid ja puhastasid sõdurid ennast, pesid ja triikisid pesu, sõid kõhu kõvasti täis".

36. Осложненно-характеризующий - предельное действие исходного глагола проявляется с оттенком усиленной, кратнопотряхающейся результативности ("мальчик сидел за столом и вы-

писывал старательно буквы, каждую в отдельности"). РЭС Арумаа не приписывает приставке *vy-* в сочетании с *-iva/-iva-*, формальному показателю этого способа действия, данного значения. Его адекватный перевод возможен путем перевода семантической валентности на усиленность (выписывать старательно) и кратную повторяемость, причем последняя выражается объектом, для исполнения которого требуется кратная повторяемость (выписывать буквы одну за другой). Усиленность может быть еще подчеркнута буквальным переводом *vy-* (*välja*) (как в переводе интенсивно-усилительного способа действия - см. п.23). Таким образом: "выписывать (усердно буквы одну за другой)" "kirjutama hoolega välja tähti üksteise järel. В соответствующих переводах РЭС Арумаа выражена как правило только усиленность: "выписывать (буквы) hoolega välja maalima, выговаривать (звуки) välja rääkima, hääldama, выстукивать (дробь зубами) välja koputama. В фактическом материале переводы также часто неадекватны: "... однако эти вопросительные Nicht? Nicht? выговаривал жаргонной скороговоркой" (Бондарев) - "kuid puistas samas oma argooliku ... nii parinal sekka" (puistama - сыпать), "Немка звонко выстукивала дробь зубами" (Бондарев) - "Sakslanna hambad plagisesis kuuldavalt (plagisema - стучать).

37. Реформативно-повторительный - предельное действие исходного глагола проявляется с оттенком повторения с целью изменения качества первичного результата (написал статью, а потом переписал ее с учетом замечаний руководителя). Для этого способа действия показательна семантическая сочетаемость с наречиями "заново, наново, по-новому" (переставить стаканы по-новому, перепрятать письмо заново); менее показательна сочетаемость с "опять, снова". Формальным показателем реформативно-повторительного способа действия является пере-, об этой приставке РЭС Арумаа отмечает лишь, что она выражает повторение действия, не уточняя, каков характер повторения: реформативный (т.е. с оттенком изменения первичного результата) или репродуктивный, (т.е. с оттенком повторения первичного результата). Однако, просматривая переводы глагольных образований на пере-, мы обнаруживаем, что в подавляющем большинстве глаголы со значением реформативной повторительности переводятся при помощи передачи семантической валентности этого способа действия: наречий *uesti, ümber* (в значении "заново, по-новому"). Ср. перезахоронить *üंबर matma*

(teisale), перебирать (президента) uuesti valima, передать (экзамен) uuesti sooritama, перегруппировать uuesti grupeerima, перезаключить (договор) lepingut uendama (т.е. обновить договор; можно было также lepingut uuesti sõlmima), переварить uuesti keetma, перевязать (чулок) uuesti kuduma, перевалить (шерсть) uuesti vanutama, перепрятать uuesti v. teisale peitma, переснимать uuesti fotostama v. pildistama, пересмаживать uuesti tõrvama, переизбрать ümber valima, перетапливать ümber e. uuesti sulatama, переставлять ümber paigutama e. asetama, переписать (сочинение) ümber kirjutama, перепечатать (текст) ümber trükkima, перевооружить (ümber e. uuesti relvastama, перестраивать ümber ehitama, перестраивать (батальон) uuesti v. ümber rivistama". "И этот экзамен пересдам" (Трифонов) - "Teen selle eksami uuesti" "... вы лучше-ка перепишите своей рукой "Катюшу" (Бакланов) - "Kirjutage parem "Katjusa" oma käega ümber" "Хочу отдать нашей машинистке перепечатать" (Трифонов) - "Tahan anda meie masinakirjutajale ümber lüüa".

38. Репродуктивно-повторительный - предельное действие исходного глагола проявляется с оттенком повторения без изменения первичного результата ("он был председателем, и на общем собрании его переизбрали"). Для него показательна сочетаемость с наречиями "опять, снова", а типовой перевод на эстонский язык осуществляется при помощи перевода этой валентности наречиями taas, edasi, иногда также uuesti, поскольку это наречие может иметь значение репродуктивности: Ta valiti uuesti esimeheks=valiti taas. Хотя ЭРС Тамма приписывает наречию uuesti в качестве основного значения значение репродуктивности, а в качестве вторичного - значение реформативности - ср. uuesti снова, вновь; (otsast peale) заново; jälle (опять); uuesti jälle сызнова - фактический материал показывает, что при помощи uuesti переводится подавляющее большинство глаголов реформативно-повторительного способа действия (ср. выше примеры к этому способу действия), а глаголы репродуктивно-повторительного способа действия - при помощи taas, edasi (ниже приводятся все глаголы на пере- из ЭРС Арумаа, переводы которых даются этим способом). Поскольку ЭРС Арумаа не разграничивает репродуктивную и реформативную повторительность, в переводах глаголов, допускающих осмысление как репродуктивными, так и реформативными даются оба варианта в качестве альтернатив, ср. "переспраши-

вать taas e. uuesti küsima, переиздать uuesti e. taaskirjastama, переключить uuesti e. taasmärgistama, перевооружаться, ümber e. uuesti e. taasrelvastama. В некоторых же случаях оба значения даются через точку с запятой как различные значения - явное указание признания автором существования двух дистинктивно различных способов действия, ср. "перестраховывать uuesti e. ümber kindlustama; edasi kindlustama". Глаголы, имеющие значение только репродуктивной повторительности, переведены в словаре соответствующим образом: "перепродавать edasi müüma, пережевывать (жвачку) taas nä-luma, перезакладывать edasi e. taaspannima, пересвидетельствовать taas üle vaatama, пересевать taas külvama, перестраховывать edasi kindlustama. "И он требовательно переспросил" (Бондарев) - "... ta usutles rangelt" (usutilema - "выпытывать", а не "переспрашивать").

39. Проспективный - предельное действие исходного глагола проявляется с оттенком предвосхищения на линии времени (т.е. делать что-то, имея в виду использование в будущем - "заготовить"). Приставками этого способа действия являются за- и пред-. РЭС Арумаа им проспективного значения не приписывает. В переводах в сочетании с глаголом встречаются в основном два наречия ette (наперед) и varuks (про запас) - т.е. содержание семантической валентности приставок за- (заготовить про запас) и пред- (предвидеть наперед). Ср. в словаре: "заготовить (дров на зиму) - varuks muretsema, авансировать avansina ette makama, запродать ette müüma, закупить üles v. sisse ostma, предусмотреть ette nägema, предвидеть ette nägema, предсказать ette kuulutama. Эти переводы отражают таким образом семантическую валентность проспективного способа действия.

Приведенный материал показывает убедительно, что многочисленные ошибки РЭС Арумаа и переводчиков обусловлены незнанием семантической структуры русских приставочных способов действия; для их адекватного перевода следует обязательно учитывать их семантическую валентность (перевод диагностирующей их адвербиальной валентности (типа "проспать целый час") или раскрытие обозначаемой ими ситуации (типа "заговорить = начинать говорить"). Поэтому изучение отражения в эстонском языке значений русских приставочных способов действия приобретает важное значение для обучения эстонцев русскому языку.

ТИПОЛОГИЯ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ КАК СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ
(на материале русского и литовского языков)

Э.А. Галнайтите

Как в русском, так и в литовском языке выделяется довольно большая группа бесприставочных глаголов, которые выражают понудительность, причинность или каузативность действия. Это глаголы типа растить - auginti, бедить - baltinti, обозначающие активное динамическое действие субъекта, которое обуславливает, вызывает другое действие, представляющее собой самопроизвольный процесс (ср. растить и расти, auginti и augti) или состояние (ср. садить и сидеть, sodinti и sédėti). Глаголы указанного типа обладают общим (интегральным) семантическим признаком каузации: делать так, чтобы возникло и совершалось другое действие; побуждать, заставлять кого-либо (что-либо) выполнять определенное действие (ср. растить - auginti - "делать так, чтобы кто-то рос или что-то росло"; пить - girdyti - "делать так, чтобы кто-то пил" и т.п.). По этой причине глаголы с данным семантическим признаком всегда входят в оппозицию с глаголами того же корня, но обозначающими каузированное действие (ср.: Девочка растит цветок; цветок растет - Mergaitė augina gėlę; gėlė auga).

Думается, что такие глаголы русского и литовского языков можно объединить в один - каузативный - способ действия, так как они обладают общим акциональным значением, которое почти всегда выражается определенными суффиксами, а также характеризуются некоторыми структурно-морфологическими признаками и особенностями функционирования.

Более ярко и последовательно каузативные глаголы выделяются в литовском языке. Дело в том, что значение понудительного, каузативного действия, как правило, в литовском языке выражается эксплицитно, т.е. с помощью (почти) специальных суффиксов -in-ti -y-ti (и их вариантов -din-ti, -dy-ti) и чередования гласных в корне. Видимо, поэтому каузативные глаголы - как особая группа по значению - анализируются уже в грамматике Й. Яблонскиса /1/. В настоящее время они рассматриваются как особый способ глагольного действия /2/.

Соответствующие по значению глаголы русского языка обычно не выделяются отдельно. Это объясняется, видимо, тем, что

они не имеют особых морфемных показателей каузативности. Лишь в последнее время изучению каузативных глаголов русского языка уделяется больше внимания /3/. Однако интерпретация этих глаголов в русском языкознании до сих пор не имеет единого решения. Само же понятие каузативности, на наш взгляд, трактуется довольно широко: зачастую в это понятие включаются различные способы выражения понудительного, причинного значения, т.е. выражение каузативности как с помощью определенных морфем (ср. пойть, сушить), так и с помощью модальных глаголов (ср. разрешил или запретил курить; приказал, просил, велел сесть) /4/. Например, такое широкое понимание каузативности позволяет В.В. Ничману усматривать каузативы и среди глаголов говорения, так как они обуславливают собой "другой процесс, а именно: процесс, направленный на удовлетворение желания говорящего" (ср.: Мать уговорила сына остаться → Сын остался). /5/.

Каузативные глаголы русского и литовского языков прежде всего сопоставляются в двух аспектах: 1) в плане содержания, т.е. учитывается общее акциональное значение, а также структурно-морфологические особенности этих глаголов, зависящие от характера значения; 2) в плане выражения, т.е. выявляются языковые средства, с помощью которых выражается значение каузативности. Кроме того, при типологическом анализе каузативных глаголов как способа действия (СД) учитывались и другие особенности СД, указанные в работах Д.С. Маслова, А.В. Бондарко, М.А. Шелякина и др., а именно: соотносительность каузативов с другими СД, их взаимодействие с категорией вида, словообразовательная валентность, а также особенности функционирования в языке.

Наблюдения над глаголами со значением каузативности показывают, что данное значение в обоих языках чаще всего выражается морфологически, т.е. с помощью различных языковых средств. К каузативам относится также ряд глаголов с непроемной основой, у которых это значение эксплицитно не выражено (ср. гнуть - lenkti, греть, жечь). Однако сопоставление каузативов такого типа с глаголами, означающими самопроизвольное действие, позволяет установить, что в литовском языке (в отличие от русского) в таких случаях происходит чередование гласных в корне (ср. lenkti - linkti - "гнуть -

гнуться", laužti - lūžti - "ломать - ломаться").

Причинный или каузативный характер совершения действия, выражаемого глаголами данного СД, хорошо раскрыл Й. Яблонскис. Каузативными глаголами, по его мнению, мы подчеркиваем, что являемся причиной другого - самопроизвольного - действия и прилагаем все усилия, чтобы это другое действие совершилось. Следовательно, субъект (живое существо) своим действием не только вызывает другое действие, но и принимает активное участие в его выполнении. В связи с этим каузативы, в противоположность глаголам самопроизвольного действия, Й. Яблонскис называл *verba causativa activa* /6/. Такое понимание специфики акционального значения каузативных глаголов, в свою очередь, позволяет определить характерные особенности этих глаголов, обусловленные именно их семантикой.

Каузативы и русского, и литовского языка, будучи глаголами активного действия, являются переходными. Субъектом такого действия, как правило, бывает человек или вообще живое существо (за исключением случаев метафоризации, напр., Ветер гнул деревья - vėjas lenkė medžius). Кроме того, каузативные глаголы выражают действие, направленное к какой-либо цели, к какому-либо пределу, и поэтому являются предельными. Понудительный же характер протекания действия делает обязательным наличие в языке своеобразных соотносительных оппозиций, состоящих из каузативного глагола и непереходного глагола, выражающего действие другого лица или предмета. Например, глаголы растить - auginti, гноить - pūdyti, чернить - juodinti соотносительны с глаголами расти - augti, чернеть - juodėti, обозначающими каузированное, как уже отмечалось, самопроизвольное действие. Только некоторые каузативы (ср. кормить - valgydinti, поить - girdyti) соотносятся с глаголами, которые могут быть как переходные, так и непереходные (ср. есть - valgyti, пить - gerti). Например: Он поит лашадь водой - jis girdo arklių vandenių и Лошадь пьет воду - arklių geria vandenių).

Таким образом, соотносительность с однокорневыми глаголами является обязательной и характерной чертой глаголов каузативного СД в обоих сопоставляемых языках, непосредственно вытекающей из их семантики. Иначе говоря, если глагол выражает каузацию, воздействие, то рядом, как правило, должен находиться глагол, означающий каузированное действие - следствие, являющееся как бы продолжением каузативного действия,

но отличающегося от него способом или характером протекания (ср. глаголы гасить и гаснуть, gesinti и gesti; белить и белеть, baltinti и baltėti, где второй член оппозиции обозначает инхоативное действие /7/, напр.: Туристы гасят костер - Turistai gesina laužą и Костер гаснет - Laužas gasta. По мнению Ю.С. Степанова, парные оппозиции типа "простой глагол действия или состояния (каузативный или фактитивный глагол того же корня)" являются "преобладающими противопоставлениями в глагольной лексике современного литовского языка" /8/.

Следует также отметить, что некоторые каузативы литовского языка соотносятся с теми же глаголами в другом значении (ср. глагол degti в предложениях Aš degu žvakę - "я зажигаю свечу", žvakė dega - "свеча горит"), а некоторые каузативы русского языка - с разнокорневыми непереходными глаголами (ср. будить и просыпаться, кормить и есть). Несмотря на эти незначительные отклонения, упомянутая соотносительность, на наш взгляд, может служить критерием для определения границ данного способа глагольного действия.

Говоря о словообразовательной структуре каузативных глаголов, следует указать, что большинство из них имеет производную основу. По характеру мотивирующей основы и по типу соотношения их с глаголами, обозначающими каузированное действие, все каузативы русского и литовского языков можно разбить на две группы. Первую - основную - группу составляют д е в е р б а т и в н ы е глаголы, вторую - д е н о м и н а т и в н ы е глаголы.

Наиболее ярко каузативное значение выражается д е в е р б а т и в н ы м и глаголами. В литовском языке глаголы с данным акциональным значением характеризуются формантами -in-ti, -ų-ti и соотносятся, как правило, с однокорневыми первичными непереходными глаголами, которые, в свою очередь, выступают в качестве мотивирующей основы. Направленность словообразовательной мотивации следующая: augti auginti /расти - растить/. Такие суффиксальные каузативы довольно часто не имеют прямых лексических соответствий в русском языке. Поэтому при переводе их на русский язык каузативное значение передается описательным путем /9/. Например, alkinti/alkti/ - "заставлять голодать/голодать/", aušinti/aušti/ - "делать холодным, охлаждать", lėkdinti/lėkti/ - "заставлять лететь", sigdyti/migti/ - "делать так,

чтобы кто-то засыпал" и др.

Следует заметить, что образование суффиксальных каузативов в литовском языке нередко сопровождается чередованием в корне (ср. klupdyti/klauptis/ - "заставлять становиться на колени", rikdyti/rėkti/ - "заставлять орать"), а также метатонией (ср. pūdyti/pūkti/ - "гневить/гневаться"), varginti/vargti/ - "мучить, утомлять".

Часть неизменяемых каузативных глаголов литовского языка отличаются от соотносительных глаголов, обозначающих каузированное действие, лишь чередованием гласных в корне, напр., landinti/listi/ - "заставлять лезть", traukti/trūkti/ - "рвать", versti/virsti/ - "валить" и т.п. Интересно отметить, что некоторые из первичных каузативов могут соотноситься и с однокорневыми постфиксальными глаголами. По этой причине они составляют оппозиции двух типов. Например, наряду с оппозицией lenkti/linkti имеется lenkti/lenktis - "гнуть/гнутьсЯ", sodinti/sėsti и sodinti/sėstis/ - "садить/сесть". Иногда наличие этих двух параллельных оппозиций зависит от одушевленности/неодушевленности субъекта второго действия: если субъектом действия является человек, то обычно употребляется постфиксальный глагол (ср. medziu sakos linksta - "ветви деревьев гнутся, но žmogus lenkiasi - "человек нагибается").

Все рассмотренные первичные, а также суффиксальные глаголы в словарях литовского языка снабжаются соответствующей пометой, указывающей на их принадлежность к группе каузативных глаголов. В одномтомном толковом словаре современного литовского языка /IO/ таких глаголов имеется /выше/ 300.

Девербативные каузативные глаголы русского языка (более 70) в целом характеризуются формантом -и- (ср. поить, растить, топить, тушить). Направленность словообразовательной мотивации та же, как и в литовском языке: расти → растить. Однако их соотносительность с глаголами того же корня представлена двумя типами. Некоторые каузативы, как и в литовском языке, соотносятся с непереходными однокорневыми глаголами, напр., гасить/гаснуть/ - gesinti/gesti/, гноить/гнить/ - pūdyti/pūti, мочить/мокнуть/ - merkti/mirkti/, тушить/тухнуть/ - gesinti/gesti и др. При этом в основах глаголов иногда также наблюдается чередование согласных и гласных.

Большая часть каузативных глаголов с формантом -и- соот-

носится с однокорневыми постфиксальными образованиями. Каузативный глагол в таких случаях является мотивирующей базой по отношению к глаголу, обозначающему каузированное действие, напр., женить/жениться/ - *vesdinti/vesti/*, клонить/клониться/ - *lenkti/linkti, lenktis/*, сердить/сердиться/ - *pykdvti/pyukti/* и т.п. Такого же типа соотношение характерно и для первичных (без форманта -и-) каузативных глаголов русского языка, ср. гнуть/гнутьсЯ/ - *lenkti/linkti, lenktis/*, злить/злиться/ - *pykdvti/pyukti/*, сыпать/сыпаться/ - *berti/birti/* и др.

Подвляющее большинство д е н о м и н а т и в н ы х глаголов каузативного СД имеет одинаковую словообразовательную структуру в обоих сопоставляемых языках: в русском языке они характеризуются суффиксом -и- (более 70); в литовском - суффиксом -in-ti (около 250). В обоих языках они являются переходными и предельными глаголами.

Акциональное значение каузативности более четко проявляется у отадективных глаголов типа белить - *baltinti*, кривить - *kreivinti*, темнить - *tamsinti*. Эти суффиксальные образования обычно имеют словообразовательное значение "наделять признаком, названным мотивирующим прилагательным" /II/ или "постепенно делать таким, что выражено прилагательным" /I2/. Каузативы такого типа в обоих языках соотносительны с инхоативными глаголами (с формантом -e-, -e-ti), мотивированными теми же основами прилагательных, напр., веселить/веселеть/ - *linkaminti/linkamėti/*, темнить/темнеть/ - *tamsinti/tamsėti/*. Иначе говоря, каузативные глаголы означают "наделение объекта действия каким-либо признаком, а инхоативные - самостоятельное приобретение признака субъектом действия" /I3/.

Как своей словообразовательной структурой, так и типом соотношения от указанных каузативов отличаются глаголы русского языка, образованные от основ иноязычного происхождения (около 30). Они характеризуются суффиксом -ова- (и его вариантами) и соотносятся с постфиксальными глаголами того же корня, напр., активизировать/активизироваться/, интенсифицировать/интенсифицироваться/. В литовском языке, напротив, модель образования и соотношения та же, напр., *aktyvinti/aktyvéti/*, *intensyvinti/intensyvėti/*.

Менее ярко значение каузативности у глаголов, образованных от имен существительных. Дело в том, что дериваты приоб-

ретают дополнительные семантические оттенки, зависящие от значения мотивирующей основы. Эти оттенки в какой-то мере затушевывают акциональное значение каузативности. Например, десубстантивные каузативы типа пролетаризировать - proleta-rinti, германизировать - vokieinti, имеют оттенок "превращать в кого-нибудь"; страшить - baiminti - "вызвать определенное чувство" и т.п. Несмотря на это, в целом они выражают понудительное, каузативное действие и соотносятся с однокорневыми глаголами инхоативного или статального СД /I4/. В отличие от русского языка для литовских каузативов данного образования характерен основной тип соотношения, ср. vokieinti /vokieinti/. Русские десубстантивные каузативы соотносятся только с постфиксальными глаголами того же корня. Например, бесить/беситься/, пенить/пениться/, полонизировать/полонизироваться/. Заметим, что некоторые каузативные глаголы литовского языка тоже соотносятся с постфиксальными образованиями. Чаще всего это наблюдается в тех случаях, когда субъектом каузативного действия может быть человек или живое существо; напр., baiminti/baimintis/ - страшить/страшиться/, gėdinti/gėdintis - стыдить/стыдиться/.

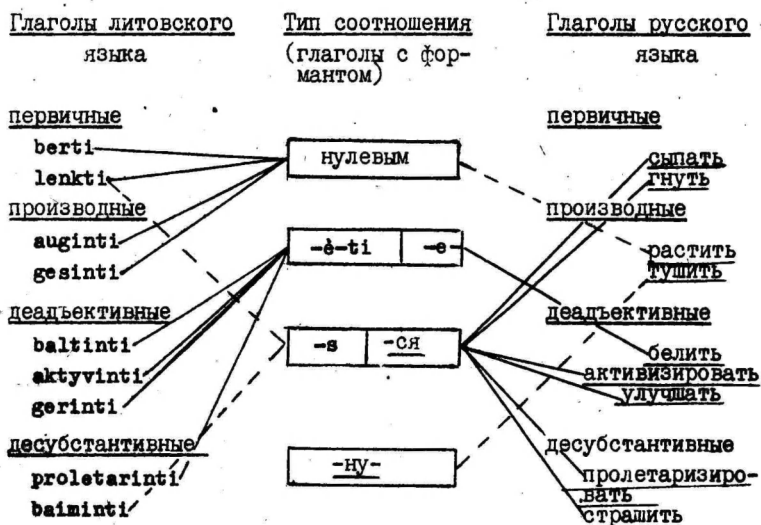
Аналогично ведут себя и каузативы, образованные от иноязычных основ, ср. демократизировать/демократизироваться/ - demokratinti/demokratėti/, кристаллизировать/кристаллизироваться/ - kristalinti/kristalizuotis/. Однако мотивирующая основа глаголов данной группы в отдельных случаях может и не совпадать: в литовском языке они чаще всего мотивируются именами существительными, в русском - основами существительных и прилагательных.

Каузативный суффикс -in-ti в литовском языке очень продуктивен: он сочетается почти с любой именной основой. Словообразовательная валентность русского суффикса -и- сравнительно ограничена. Поэтому в отличие от литовского некоторые deadъективные каузативные глаголы русского языка образуются префиксально-суффиксальным путем. В литовском языке им соответствуют суффиксальные дериваты. Это глаголы типа улучшать - gerinti, углублять - gilinti, расширять - platinti.

Глаголы данного типа соотносятся с постфиксальными образованиями того же корня, ср. ухудшать/ухудшаться/, удлинять/удлинаться/. Но они отличаются от суффиксальных каузативов тем, что всегда являются парными с точки зрения категории вида, ср. расширять - расширить, сужать - сузить.

Таким образом, как девербативные, так и деноминативные каузативные глаголы в обоих сопоставляемых языках соотносительны с однокорневыми (редко - с разнокорневыми) глаголами, выражающими самопроизвольное действие или состояние другого (одушевленного или неодушевленного) субъекта. В литовском языке эта соотносительность носит более последовательный, системный характер и представлена тремя типами. В русском языке наблюдаются четыре типа оппозиционных соотношений (не считая единичных, нерегулярных соотношений с глаголами другого корня). Регулярность отдельных типов соотношений в сопоставляемых языках неодинакова. Например, соотносительность каузативов с постфиксальными глаголами в русском языке является доминирующей; в литовском же она характерна лишь для некоторых деноминативных и первичных каузативных глаголов (причем постфиксальный глагол чаще всего означает действие человека). И, наоборот, соотносительность каузативов с первичными глаголами очень продуктивна в литовском языке; в русском же она представлена единичными глаголами (ср. растить и расти).

Система оппозиционных соотношений каузативных глаголов может быть представлена следующим образом (непродуктивное соотношение обозначается пунктиром):

Особенностью глаголов каузативного СД является и определенная словообразовательная валентность. В обоих сопоставляемых языках каузативные глаголы довольно часто сочетаются с приставками вы-, на-, по-, с-, о- в русском и соответствующими приставками iš-, pa-, pri-, su-, už- в литовском языке, имеющими значения законченности или результативности с различными оттенками. Например, вырастить - išauginti, напильить - prialkinti, согнуть - sulenkti, погасить - užgesinti и т.п. Указанная сочетаемость объясняется семантикой каузативов: они выражают предельное действие, направленное к достижению определенного результата, что и подчеркивается значением соответствующих приставок. Некоторые глаголы с приставкой по- относятся к общерезультативному способу действия /15/ (ср. побелить, погасить, потушить).

Часть деадъективных глаголов вступает в связь с приставками вы- и iš-, имеющими значение интенсивности. Такие приставочные глаголы выражают тщательность, интенсивность совершения каузативного действия (ср. выбелить - išbaltinti, выжелтить - išgeltoninti). Многие deverбативные и деноминативные глаголы в соединении с приставкой по- в русском и приставкой pa- в литовском выражают неполноту совершения действия (ср. погнуть - palenkti, побелить - pabaltinti) или действие, ограниченное временными пределами (ср. победить - pabaltinti позеленить - что-либо некоторое время).

Подавляющее большинство каузативных глаголов русского языка и все каузативы литовского языка являются одновидовыми глаголами несовершенного вида. Парными в основном являются глаголы типа удлинять - удлинить. Некоторые каузативные глаголы русского языка, образованные от иноязычных основ (типа активизировать, стабилизировать) являются двувидовыми. Выступая со значением совершенного вида, они выражают законченность, результативность каузативного действия.

Таким образом, каузативных глаголов, характеризующихся указанными особенностями, в литовском языке больше (около 580), чем в русском (около 200). Этот вывод делается на основе данных однотомных словарей русского и литовского языков.

В литовском языкознании к каузативным глаголам по традиции относится группа глаголов с суффиксом -din-ti типа audinti - "заботиться, чтобы кто-то ткал; поручать ткать", statydinti - "заботиться, чтобы кто-то строил". Это так на-

зываются неактивные каузативные или куративные глаголы /16/, которые не имеют прямых лексических соответствий в русском языке.

В отличие от каузативных глаголов они мотивируются только переходными глаголами, выражающими активное действие человека (ср. austi - ткать и austinti, kalti - ковать и kaldinti). Куративные глаголы обозначают неактивное действие по той причине, что субъект действия лишь проявляет заботу о том, чтобы данное действие кем-то выполнялось, поощряет кого-то, но сам активного участия в выполнении этого действия не принимает. Не случайно И. Яблонскис называл их *verba causativa passiva* /17/.

С семантической точки зрения к куративам можно отнести те глаголы русского языка, которые развивают два разных значения, напр., шить пальто (самому) и шить пальто (в ателье). Это те случаи, которые А.В. Филиппов относит к лексико-семантическому способу словообразования /18/. Так как побудительное, куративное значение глаголов в русском языке морфемно не выражено, то в отличие от литовского реализация этого значения возможна лишь в определенном контексте.

Куративные глаголы литовского языка (около 50) в словарях имеют соответствующую помету и, как и каузативные, соотносятся с однокорневыми первичными глаголами, выступающими в качестве мотивирующей основы. Поэтому они означают действие, выражающее озабоченность, заботу субъекта о том, чтобы кем-то выполнялось действие, названное мотивирующей основой, напр., dirbdinti/dirbti - "делать, изготавливать", keldinti/kelti - "поднимать, будить". Оттенок куративности, или озабоченности в русском языке можно передать лишь описательным путем (ср.: kirsdinti miška - "заботиться, чтобы кто-то рубил лес" или "поручать, чтобы рубили лес").

Производные куративные глаголы, как и соотносительные с ними непродуцированные, являются переходными и предельными. Поэтому они часто сочетаются с приставками pa-, iš-, su-, выражающими различные оттенки результативности и законченности действия. Эти особенности характерны, как уже отмечалось, и для каузативов.

Несмотря на указанные общие признаки, куративные глаголы отличаются от каузативных как в плане выражения, так и в плане содержания. Куративные глаголы характеризуются специфическим формантом -din-ti. Кроме того, они обладают особым

побудительным оттенком: куративы выражают заботу субъекта о выполнении действия, а не понудительность, причинность действия. При этом действие, выражаемое куративными глаголами, нередко совершается для того лица (субъекта), которое заботится о его выполнении. Видимо, по этой причине многие куративы сочетаются с возвратной частицей (постфиксом) -в и имеют значение "совершать действие в интересах субъекта". Например, *siūdintis palta* - "(заказать в ателье) шить себе пальто", *dirbdintis spinta* - "заказать себе шкаф".

Однако указанные отличительные признаки, думается, не могут послужить основой для того, чтобы не включать куративные глаголы в состав глаголов каузативного способа действия.

Все словообразовательные и семантические особенности каузативных глаголов русского и литовского языков представлены в следующей таблице /19/.

Глаголы типа	Суффиксы					Семантические признаки			
	нулевой	-и-	-ова-	-in-ti	-din-ti	каузатив- ность	-неделять признаком	превращать в кого-ли- бо	куратив- ность
первичные:									
сыпать <i>berti</i>	+					+			
девербативные									
растить <i>auginti</i>		+		+		+			
<i>siūdinti</i> (шить себе)	(+)				+				(+)
деадъективные:									
белить <i>baltinti</i>		+		+		(+)	+		
активизировать <i>aktyvinti</i>			+	+		(+)	+		
десубстантивные:									
страшить <i>baiminti</i>		+		+		+	(+)		
полонизировать <i>lenkinti</i>		+		+		(+)		+	

Как видим, каузативные глаголы русского и литовского языков обладают целым рядом общих типологических признаков как в плане содержания, так и в плане выражения. Если каузативные глаголы рассматривать как один из способов глагольного действия, то каузативный СД следовало бы отнести к группе непоследовательно характеризованных способов действия /20/, так как акциональное значение каузативности у производных глаголов данного СД является компонентом лексического значения глаголов: морфемно оно не выражено.

Кроме общих семантических, структурно-морфологических признаков, а также одинакового взаимодействия с категорией вида, можно указать и некоторые особенности функционирования глаголов каузативного СД, характерные для глаголов как русского, так и литовского языков.

Будучи глаголами переходными и предельными, каузативы чаще всего употребляются в конструкциях с винительным объекта, причем субъектом действия, как правило, является человек (или вообще живое существо). Например: Дырявил немец мне машину и сверху и с боков ... (М. Шолохов, Судьба человека); ... где под музыку лягушек я растил себя поэтом. (С. Есенин); Jau-
noji Grigienė, ... valgydino piemenį ... (V. Krėve, Žemaitukas/ - "молодая Григене ... кормила пастуха"; Mane svaigino žemė ... (A. Venclova) - "меня пьянила земля" и т.п. Иногда активный деятель в контексте не называется, ср.: Она сосла-
лась на нездоровье, чтобы ее не тревожили. (К. Паустовский, Разливы рек).

Реже каузативные глаголы встречаются в контекстах, где винительный объекта формально отсутствует. Однако переход действия на объект в принципе сохраняется. В таких случаях предложение обычно бывает односоставным: действие выполняется неназванным и неопределенным активным деятелем. Такое употребление каузативов более характерно для русского языка; ср.: И кормили везде, как есть, одинаково ... (М. Шолохов, Судьба человека).

Как в русском, так и литовском языке каузативные глаголы редко употребляются со словами, уточняющими способ совершения действия. Например, они сочетаются с наречиями, выражающими степень интенсивности совершения каузативного действия: Больно она его (сына) нежит ... (К. Федин, Костер); Da-
biau didino tą įspūdį Kubanės stepės ... (A. Vienuolis, Susitikimai Kaukaze) - "Еще больше увеличивала это впечатление

кубанская степь", а также с другими наречиями, ср.: Rytais žalna jau baltino tvoras ... (J. Baltušis. Parduotos vasaros) - "По утрам заморозки уже белили заборы" и т.п.

Таким образом, анализ каузативных глаголов показывает, что они имеют ряд общих типологических признаков как в плане содержания, так и в плане выражения и функционирования.

Л и т е р а т у р а

1. J a b l o n s k i s J. Rinktiniai raštai. I. Vilnius, 1957, p. 288.
2. Lietuvių kalbos gramatika. II, Vilnius, 1971, p. 25.
3. См. М о и с е е в А.И. Типы каузативных глаголов в современном русском языке. - Вопросы грамматики русского языка. Л., 1971; Ф и л и п п о в А.В.К вопросу о каузативных и некаузативных глаголах. - РЯШ, 1978, № 1. В связи с этим интересно заметить, что в монографии "Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив" (Л., 1969) каузативные глаголы славянских и балтийских языков не анализируются.
4. Ср. М о и с е е в А.И. Указ. соч., с. 115; Ф и л и п п о в А.В. Указ. соч., с. 92. Кроме того, вряд ли правомерно к каузативным, хотя и "особого типа с менее ярким обозначением воздействия", относить глаголы типа не спится, не работается (с. 91).
5. Н и ч м а н В.В. Глаголы говорения в сочетании с прямой речью. - Научные труды, вып. 109. Проблемы русской лексикологии. Новосибирск, 1974, с. 56. Аналогичные конструкции рассматриваются авторами упомянутой монографии "Типология каузативных конструкций".
6. J a b l o n s k i s J. Op. cit., p. 289. Активность субъекта каузативов указывается и в русской аспектологии (ср. Моисеев А.И. Указ. соч., с. 115).
7. Учитывая сказанное, к каузативам мы не относим глаголы, входящие в оппозиционные отношения типа продать - купить (ср. Моисеев А.И. Указ. соч., с. 115), сесть - прожиться, лавать - брать, вести - следовать, влиять - поддаваться влиянию (ср. Филиппов А.В. Указ. соч., с. 90).

8. С т е п а н о в Ю.С. Славянский глагольный вид и балтийская диатеза (проблема общего генезиса и реконструкции). - Славянское языкознание. VIII международный съезд славистов. М., 1978, с. 335.
9. В дальнейшем после каузатива в скобках дается глагол, от которого каузатив образован и с которым он соотносится; рядом дается соответствие в русском (или литовском) языке. Если литовский глагол не имеет прямого соответствия в русском языке, то перевод глаголов дается в кавчках; русский глагол в таких случаях на литовский язык не переводится.
10. *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*. Vilnius, 1972. Глаголы русского языка анализируются на основе данных словаря С.И. Ожегова.
11. Грамматика современного русского литературного языка. АН СССР, М., 1970, с. 232.
12. *Gramatika*, II, p. 264; *O t r e b s k i J. Gramatyka języka litewskiego*. II. Warszawa, 1965, s. 367; *J a k a i t i e n e E. Veiksmažodžių daryba (Priesagų vediniai)*. Vilnius, 1973, p. 21.
13. У л у х а н о в И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977, с. 51.
14. Десубстантивные глаголы типа зодотить - auksinti, серебрить - sidabrinti с оттенком "покрывать названным предметом" к каузативным глаголам нами не относятся, так как они не имеют соотносительных глаголов, выражающих самопроизвольное действие. К каузативам не относятся и некоторые "соотносительные" глаголы литовского языка типа anglinti - "мазать, покрывать углем" (и anglėti - "превращаться в уголь") из-за отсутствия причинной связи между ними.
15. См. Б о н д а р к о А.В., Б у л а н и н Л.Л. Русский глагол. Л., 1967, с. 23.
16. *J a b l o n s k i s J. Op. cit.*, 289 p.; *Gramatika*, II, p. 25; *O t r e b s k i J. Gramatyka ...*, s. 411-412.
17. *J a b l o n s k i s J. Op. cit.*, p. 289
18. Ф и л и п п о в А.В. Указ. соч., с. 91. Ср. также другие примеры, приведенные автором: постричься/постричь себя/ - постричься (сделать так, чтобы пост-

ригли в парикмахерской) и т.п. Однако оппозиционные члены такого типа вряд ли правомерно рассматривать в одном ряду с соотносительностью, характерной для каузативных глаголов.

19. Знак (+) указывает на то, что данный признак малохарактерен для глаголов русского или литовского языка.

20. М а с л о в Ю.С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. - Вопросы общего языкознания. Изд-во ЛГУ, 1965, с. 71-72; Б о н д а р к о А.В., Б у л а н и н Л.Л. Указ. соч., с.13-14. Если же придерживаться точки зрения Н.С. Авиловой, Г.Г. Кухтенковой и др., то выделение каузативного СД вообще является спорным. Например, в статье Нго Зоан Дай подчеркивается, что способы действия - "это не просто характер действия, выраженного глаголом, а характер его протекания и "способное" значение - не просто словообразовательное значение, а внутривербальное словообразовательное значение" (Нго Зоан Дай. Есть ли в русском языке нехарактеризованные способы глагольного действия? - Филологические науки. 1979, № I, с. 76).

ГЛАГОЛЫ ПЕРЕДАЧИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(Принципы структурно-семантического описания)

В.П. Абрамов

Одно из основных положений современной лексикологии - системность лексики, плодотворно развиваемое в отечественной и зарубежной лингвистике, требует не только всестороннего развития, но и одновременно конкретизации на основе "сплошного" семантического анализа значительных пластов словаря современного русского языка.

Системность лексики находит яркое проявление в закономерных, регулярно повторяющихся отношениях ее единиц. Одно из убедительных свидетельств тому - плодотворная попытка интерпретировать лексику с точки зрения теории семантического поля (подробный обзор по теории системности поля см. в /15/). За последнее время появилось немало работ, в которых предлагаются различные интерпретации более или менее значительных "фрагментов" языковых единиц (см. например, /3-14/).

Существенное место в лексико-семантической системе занимают глаголы передачи, их описанию посвящен ряд работ /3, 6, 13, 14/. Однако эти глаголы рассматриваются преимущественно в структурно-синтаксическом аспекте, а их основательная семантическая интерпретация как членов семантического класса обычно не дается. Не определяется на основе системного анализа смысл каждой лексической единицы в пределах данного класса путем последовательного включения единицы в класс и подкласс, с указанием ее синтаксических, конверсных и антонимических отношений с однородными единицами. Исследователи глаголов передачи ограничиваются, таким образом, лишь вскрытием общих семантико-синтаксических закономерностей глаголов, не давая подробной характеристики каждой из единиц в ее противопоставлении другими единицам того же класса. Иными словами, такие исследования, хотя и намечают контуры класса глаголов передачи, но тем не менее не дают его полной семантической интерпретации как упорядоченного множества лексических единиц.

В предлагаемой статье предпринята попытка изложить некоторые принципы описания глаголов передачи прежде всего как лексико-семантического класса единиц, обладающих общими, а

также внутри подклассов - специфическими (структурными) свойствами.

+ . +

Семантическое поле глаголов передачи, понимаемое как упорядоченное множество, группируется вокруг семемы,¹ представленной глаголами передать, дать в их основном словарном значении: передать "отдать, вручить кому-либо, отдать, уступить что-либо свое в полное распоряжение другому" (БАС, т.9, столб. 546); дать - "вручать кому что-либо; передавать из рук в руки" (БАС, т. 3, столб. 517).

Эти глаголы служат известным идентификатором,² на основе которого выделяются не только семантические подклассы глаголов, но и входящие в них единицы с более сложной семантической структурой и стилистической характеристикой.

Основываясь на предварительном анализе глаголов передачи и существующих словарных дефинициях, можно определить значение глагола /пере/дать³ следующим образом: "каузировать кого-нибудь начинать иметь что-либо". X передает У-ку Z - "X каузирует У-ка начинать иметь Z". Брат передает яблоко сестре.

Ситуацию передачи, ее структурную формулу, отражающую существенные отношения актантов, можно представить в следующем виде:

$$N_1, V \text{ пер. } N_4, N_3,$$

где N_1 - субъект передачи (агенс),
 V - глагол передачи,
 N_4 - объект передачи (пациенс),
 N_3 - адресат передачи.

(Цифрами указаны падежи: 1 - им. пад., 2 - род. пад., 3 - дат. пад., 4 - вин. пад.). N_1 и N_3 - обозначают обычно лицо (группу лиц), учреждение, неодушевленный предмет, абст-

¹ Семема понимается в работе как элементарная единица содержательного уровня языка. См. по этому вопросу (17; стр. 29-52).

² О понятии идентификации см. в /2/.

³ Глаголы дать и передать содержат семему передачи в ее наиболее полном и чистом виде и могут обозначаться сокращенно как /пере/дать.

рактные понятия. Например, человек, магазин, завод, мир и N_4 - пациент, содержание передачи. Это важнейший структурный компонент формулы,⁴ в значительной степени определяющий собой сам круг и разновидности глаголов передачи, понимаемых различными авторами по-разному, с той или иной степенью широты.

Компонент структурной формулы, обозначающий содержание передачи, выступает как аргумент, по которому задается значение различных глаголов (понимаемых как функция), включаемых на этой основе в круг глаголов передачи:

- (1) X передает Y-ку значит: предмет передачи Z переходит от X к Y-ку. Брат передает яблоко сестре (N_4 - "неспециализированный", "немаркированный" предмет);
- (2) X продает Y-ку значит, некоторый товар переходит за деньги Y-ку. Он продал книгу за 6 рублей своему знакомому (N_4 - "специализированный" предмет, товар);
- (3) X арендует Z у Y-ка значит: лицо X за определенное вознаграждение приобретает во временное пользование у Y-ка предмет недвижимой собственности. Мы арендовали у колхоза дом за 200 рублей в год. (N_4 - "специализированный" предмет аренды);
- (4) X сообщает Z Y-ку значит: лицо X каузирует другое лицо знать некоторый факт Z; некоторое сообщение Z переходит по какому-либо каналу связи от X-а к Y-ку (N_4 - "специализированный" предмет, сообщение). Командование сообщило эту новость полярникам по радио.

Таким образом, четко заданное содержание N_4 позволяет последовательно определить круг лексических единиц, относимых к глаголам передачи и вскрыть их структурно-семантическую типологию:

$$\sqrt{\text{пер.}} = F \text{ "a" } / \text{b} /$$

где F - знак функции, "a" - общее, "неспециализированное" значение "/пере/давать", b - переменная, аргумент:
 b_1 - товар, b_2 - предмет аренды, b_3 - содержание сообщения и т.п.

+ +
+

⁴ О конкретизации формулы применительно к подклассам, т.е. ее вариантах см. ниже.

В специальных работах, посвященных структурно-семантическому описанию глаголов, обозначающих передачу, состав и характер лексических единиц, подводимых под это определение, оказывается различным и часто не совсем определенным. Поэтому одна из основных задач исследования - определить прежде всего сам круг указанных глаголов, его "центр" и "периферию", указать на смежные лексические единицы (поля), которые при известных условиях могут выражать идею передачи в своих вторичных семантических функциях, понимаемых в том смысле, который вкладывает в них Е. Курилович /13/.

Среди глаголов, обозначающих передачу, выделяется прежде всего "центр" семантического поля - глаголы передать и дать в их основном, первичном значении. Передать - "беря в руки, вручать, отдавать, подавать какой-либо предмет кому-либо" (БАС, т. 3, столб. 546); "Написав пропуск, прокурор передал записку Нехлюдову". (Л.Н. Толстой, Воскресение).

Дать - "вручать кому что-либо; передавать из рук в руки" (БАС, т. 3, столб. 517). "Один дал ему деревянную ложку, другой придвинул размоченный сухарь". (К.Э. Станюкович, Максимка). Форма глагола придвинул, несмотря на то, что этот глагол не является глаголом передачи, реализует здесь вторичную семантическую функцию, свойственную глаголам передачи; обе глагольные формы выступают здесь в виде контекстуальных синонимов.

В различных контекстуальных условиях эти глаголы могут иметь и другие, более отдаленные от центра значения, которые являются основными для глаголов, доминантой подклассов класса рассматриваемых глаголов; например, в контекстах передать сообщение = сообщить, передать в дар = подарить, передать по радио = сообщить и т.п.

Анализ глаголов с семей "передача" дает возможность выделить около 800 глагольных единиц, подразделяемых в структурно-семантическом плане на ряд семантических разновидностей (подклассов). Такие подклассы должны быть описаны по возможности всесторонне, в разных аспектах, с указанием органической связи их парадигматических и синтагматических характеристик. Этому требованию в наибольшей степени отвечает функциональное структурно-семантическое описание. Функциональный принцип описания языка является одним из важнейших, но он еще недостаточно разработан. Он в наибольшей степени отвечает и требованиям описания языка в целях его преподава-

ния, особенно как неродного и иностранного.

Функциональная интерпретация языка предполагает такое лингвистическое описание, которое синтезирует факты различных языковых уровней в целостную единицу (с формальной, синтаксической и лексико-семантическими характеристиками). В качестве рабочей единицы описания, способной синтезировать элементы разных уровней, в работе принимается лексико-семантический вариант слова (ЛСВ), понимаемый как единство формы и элементарного значения. ЛСВ как единица описания рассматривается во взаимно обусловленных синтагматических и парадигматических рядах. Такая ее "закрепленность" позволяет вскрыть системные связи лексических единиц на горизонтальной и вертикальной "осях" и установить их взаимозависимость.

В синтагматическом плане ЛСВ как единица описания рассматривается в составе модели в аспекте синтаксическом (установление актантов и их синтаксических связей и отношений) и лексико-семантическом (определение семантических классов единиц, прежде всего глаголов передачи и имен, обозначений содержания передачи). Устанавливается определенное соответствие между "формулой употребления" (синтаксис) и определенными, объединенными общим значением классами единиц (семантика). Различия между классами слов (ЛСВ) находят выражение во внешних, формальных различиях их употребления, что делает возможным и продуктивным структурно-семантическое описание.

В парадигматическом аспекте указанные лексические единицы (ЛСВ - глаголы передачи) противопоставляются по определенным дифференциальным признакам как семантические подклассы (обозначение процесса передачи, обозначение продажи-купли, обозначение передачи информации и т.п.), а внутри подклассов (подмножеств) как члены подкласса (единицы подмножеств).⁵

Остановимся теперь на общей характеристике глаголов передачи и принципов их выделения и классификации. Прежде всего необходимо разграничить четко в самой классификации собственно языковые (системные) и речевые факты. Недостаточное внимание к этому разграничению приводит к отнесению в один и

⁵ Подробнее о единице и модели описания см.: А б р а м о в В.П. Единица и модель описания лексики в целях обучения. IV Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. "Теория и практика преподавания русского языка и литературы. Роль преподавателя в процессе обучения" (в печати).

тот же круг слов (семантическое поле) явлений достаточно разнородных, требующих специальной оговорки. В силу ассиметричного дуализма знака (знака и значения в другом понимании) /8, стр. 90/ одинаковое семантическое содержание может выражаться единицами (знаками) как в их первичной, так и во вторичной семантической функциях (во втором случае сами единицы принадлежат уже не данному, а смежному, иному семантическому полю).⁶

Анализ языкового материала, проведенный на основе толковых словарей русского языка (Словарь современного русского литературного языка в 17 томах) (БАС), Словарь русского языка (в 4 томах) (МАС), Толковый словарь русского языка (в 4 томах) под редакцией Д.Н. Ушакова (Уш), Словаря русского языка С.И. Ожегова (Ож), произведений художественной, публицистической и научной литературы, записей разговорной речи (с использованием данных сб. "Русская разговорная речь" (Тексты), М., 1978), собственных записей образцов живой речи позволяет выделить ряд семантических подклассов глаголов передачи.

К ним относятся, например, глаголы, обозначающие передачу как конкретное, "неспециализированное" действие (см. подробнее ниже), глаголы продажи-купли (продавать, покупать, распродавать, перепродавать, сбывать, загонять и др.); дарения и награждения (дарить, раздаривать, подносить, презентовать, награждать, жаловать и др.); сообщения, информации (сообщать, передавать, информировать, говорить, телефонировать, телеграфировать, сигнализировать и др.); доставки и отправления чего-нибудь (доставлять, посылать, вручать, разносить и др.); обучения (передачи знаний) (учить, преподавать, разъяснять, осветить, растолковывать и др.) и другие подобные подклассы слов, входящие в семантический класс глаголов передачи.

"Ядро" семантического поля (класса) глаголов передачи составляет первый, важнейший подкласс - глаголы, обозначающие передачу как конкретное действие.

Анализ принципов и приемов структурно-семантического описания рассматриваемого класса глаголов целесообразно рас-

⁶ Ср., например, глаголы физического воздействия на объект, которые в "формуле" глаголов передачи могут контекстуально (имплицитно) обозначать передачу: Коля ел апельсин? - Да, я ему очистил два апельсина - (предполагается: передал, - т.е. очистил = снял кожуру и дал).

смотреть поэтому на материале первого подкласса.

В этот подкласс глаголов, обозначающих передачу как конкретное действие, исходный для анализируемых глаголов, входят единицы, которые обозначают передачу в ее "чистом", непосредственном виде. Это своеобразное "ядро" рассматриваемого семантического поля. В приведенной выше формуле, содержащей функциональное определение глаголов передачи: $\sqrt{\text{пер}} = f \text{ "a" } (b)$, переменная (b) , представляющая собой обозначение содержания передачи предстает здесь, в пределах этого семантического класса, как конкретный предмет в его немаркированном, неспециализированном, неспециализированном, общем виде: /пере/дать книгу, вилку, записку, письмо, деньги (на/за проезд); дать сигарету, ложку, денег, телевизор; подать газету, ножницы, вино, машину и т.п. Указанные переменные выступают как предметы, не имеющие "специализации"; немаркированные в отличие от переменных других классов.⁷ Данный подкласс объединяет наиболее общие по своему значению глаголы. Все же остальные подклассы могут быть представлены в известном смысле как функционально производные от него (см. выше).

Семантический подкласс глаголов, обозначающих передачу как действие, представлены такими лексико-семантическими вариантами, как дать, передать, вручить, предоставить; приставочными образованиями отдать, подать, выдать, раздать, при- дать, додать, передать (дать больше нормы), пересдать, нада- вать, навязать; конверсивами указанных единиц взять, полу- чить, (дополучить), принять, а также антонимами отдать, дать, возвратить, вернуть, недодать и др.

Указанные ЛСВ образуют определенную семантическую систему. Семантическую идентификацию единиц удобнее всего дать на основе их сопоставления с семантически наиболее простым ЛСВ /пере/дать. ЛСВ /пере/дать входит с другими единицами класса в отношении синонимии (более широко - включения на основе общей семемы), конверсии и антонимии.

⁷ Отметим, что один и тот же предмет может выступать при разных глаголах передачи то как "неспецифицированный", то как "специфицированный", маркированный член оппозиции: книга как предмет - книга как товар (предмет особого рода): передать книгу - продать книгу (т.е. передать за деньги).

Наиболее близки по семантике основной единицы /пере/дать их синонимы вручить и предоставить. Значение глагола вручить как члена семантического поля определяется в словарях как "отдать в руки непосредственно", "передавать из рук в руки"; "отдавать, выдавать непосредственно, лично" (БАС); "отдать в руки; отдать непосредственно, лично кому-либо" (МАС) (с явно ощущаемой внутренней формой - отдать в руки): "Пригласил вас, чтобы лично вручить бумаги ваши". (А.М.Горький, Жизнь Клима Самгина); "Директор завода Дубченко вызвал к себе начальника мартеновского цеха и молча вручил ему толстую тетрадь". (В.Ф. Попов, Сталь и шлак. "Войдя к Ремизову, Сабуров вручил ему приказ". (К.М. Симонов, Дни и ночи). Значение лексической единицы вручить включает помимо содержания "передать" (а) сему "непосредственно адресату в его руки" - a^I : вручить = /пере/дать + непосредственно в руки адресату, т.е. $a + a^I$.

В смысловом содержании ЛСВ предоставить обнаруживается, кроме значения "/пере/дать" сема цели "пользования" "(в распоряжение)": предоставить - "отдать в распоряжение, пользование", "отдать кого-либо, что-либо в чье-либо распоряжение" (БАС); "дать возможность обладать, распоряжаться, пользоваться чем-либо" (МАС), т.е. "передать" + "для пользования (в распоряжение определенного лица)" + обычно "временно", т.е. $a + a^2 + (a^3)^8$. "На станции Миллерово Григорию предоставили обывательскую подводку". (М.А. Шолохов, Тихий Дон); "Ознакомившись с батареей, Звонарев вернулся к Жуковскому, который любезно предоставил ему одну из комнат своей опустевшей после отъезда жены квартиры". (А.Н. Степанов, Порт-Артур); "Приезжай ко мне: предоставлю квартиру на все лето (из разговора) (экспликация семы a^3).

Семантические отличия ЛСВ /пере/дать от деривационного ряда подать, выдать, раздать, придать, додать, передать (дать больше нормы), надавать, пересдать и др. определяются общими смысловыми закономерностями, вносимыми значением приставок.

Наиболее ослабленным и менее выраженным оказывается значение приставки по- в подать. Судя по всему, она вносит дополнительное значение приближения: подать - "/пере-дать, поднести, принести, доставить, подогнать". (Ср. подать книгу, вилку, обед, машину, заявление и т.п.); БАС - "давать, поднося, оказывая услугу, помогая". "И красавица-жена подает ему скорородку". (А.Н. Толстой, Хмурое утро); "Вообще говоря, это

⁸ В скобках даются факультативные семы.

бы несколько скуповатый дѣм, и угощение там подавали довольно скудное". (Л.М. Леонов, Русский лес). Таким образом, смысловое содержание подать можно представить как "/пере/дать" + "приблизив", т.е. $a + a^4$.

Выдать сохраняет прозрачную внутреннюю форму, определяющуюся семантикой приставки ды-: "выделение изнутри чего-либо, из числа чего-нибудь": выдать деньги, зарплату, белье, продовольствие, боеприпасы. Его смысловую структуру можно представить как "дать" + "выделив из числа чего-либо" ($a + a^5$). Слово употребляется в сфере официально-деловой речи. "Следующий день был воскресный, но несмотря на это, для нас (членов экспедиции) открыли склады и выдали все, в чем мы нуждались. (В.К. Арсеньев. В горах Сихоте-Алиня).

Семантический анализ других глаголов, связанных с исходным дать деривационно-семантически, обнаруживает следующую их структуру:

раздать - "/пере/дать" + "многим" ($a + a^6$);

придать - "/пере/дать" + "дополнительно" ($a + a^7$);

додать - "/пере/дать" + "недостающее, оставшееся до нормы" ($a + a^8$);

передать - "/пере/дать" + "больше нормы" ($a + a^9$);

надавать (несов.) - "пере/дать" + "много в несколько приемов" ($a + a^{10/a^{II}}$);

задать - "пере/дать" + норм. (спец.) ($a + a^{12}$).

пересдать - "представить снова (повторно) заново" ($a + a^2/a^{13}$);

пересдать - "раздать + снова (повторно) (заново)" ($a + a^6/a^{14}$).

"Нашей дивизии придано несколько артиллерийских противотанковых полков". (А.А. Бек, Волоколамское шоссе).

"(Отец) мне денег сначала не давал, а теперь дал. Все, что уменьшил мне в наказание, все вчера додал". (Ф.М. Достоевский, Униженные и оскорбленные).

"Катя бережно торгуется, все боится передать". (Н.А. Некрасов, Коробейники).

"Дурасов рвал без разбора всякие цветы и плоды и столько надавал нам, что некуда было девать их". (С.Т. Аксаков, Детские годы Багрова-внука).

"Люди, кучера Ростовых и денщики раненых, убрав господ, поужинали, задали корму лошадям и вышли на крыльцо". (Л.Н. Толстой, Война и мир).

Значение глагола навязать (навязать кому-либо взять что-либо) можно определить как каузировать взять, купить.

"(Обломов) велел вынести вон несколько дрянных картин, которые навязал какой-то покровитель бедных артистов", (И.А. Гончаров, Обломов).

Как уже отмечалось выше, доминанта подкласса /пере/давать, ее синонимы и деривационно-семантические производные находятся в определенных системных связях с их конверсивами и антонимами.⁹ Определение последних целесообразно в этой связи дать через доминанту и семантически близкие ей единицы. В зависимости от специфики значения и условий употребления (сочетаемости слов) глаголы взять, получить, принять, до-получить выступают как конверсивы соответствующих слов:

X вручает У-ку повестку = У получает от X-а повестку.

X выдает У-ку деньги = У получает от X-а деньги.

X добавляет У-ку товар = У дополучает от X-а товар.

Командование придает дивизии танковый батальон = Дивизия получает от командования танковый батальон.

Учитель раздает ученикам тетради = Ученики получают от учителя тетради.

В других случаях имеет место приблизительная, контекстуальная конверсия, когда полной "сомкнутости" действия как единого процесса, описываемого с точки зрения разных участников одной и той же ситуации, может и не быть (она возможна в одном и может отсутствовать в другом случае). Здесь следует говорить о квазиконверсивах:

X передает У-ку билет \approx У берет у X-а (от X-а) билет. (У может и не брать билета);

X предоставляет У-ку квартиру \approx У получает от X-а квартиру (У может не брать квартиру);

X подает У-ку книгу \approx У берет у X-а книгу (У может не брать книги).

Другой круг глаголов (ЛСВ) передачи находится в отношении антонимии с рассмотренными выше словами (глаголом /пере/дать и стилистически связанными с ним единицами):

/пере/дать (раздать) - отдать, возратить;

вручить - отдать, возратить;

выдать - сдать;

⁹ Лексические конверсивы и антонимы понимаются здесь в соответствии с их определением в работах /I/ и /II/.

придать - отдать, возратить;

передать - недодать.

Учитель раздает ученикам тетради. Ученики возвратили тетради учителю.

Бухгалтер выдал кассиру деньги. Мы сдали деньги в банк.

Почтальон по ошибке вручил нам заказное письмо. Мы отдали его на почту.

Значение противоположного, "ответного" действия отмечается у отдать тогда, когда налицо имеется определенная, заранее известная ситуация, информация. Если такой информации нет, то из самой ситуации не следует, что речь идет именно о возвращении того или иного предмета.¹⁰ Он дал мне книгу. Через день я отдал ему книгу (т.е. вернул).

Суммируя результаты анализа глаголов передачи первого подкласса, можно представить их семантические отношения в следующем виде:

/ПЕРЕ/ДАТЬ (√_{пер.})

Syn:			
вручить	получить	Conv.	отдать Anti
предоставить	(вручить, выдать раздать, придать здать)		(/пере/дать, вру- чить, придать)
Sem. Der.			
подать	принять	Conv.	возратить Anti
выдать	(вручить)		(/пере/дать, вру- чить, придать)
раздать	взять	Quasi Conv.	сдать. Anti
придать	вручить, выдать		(выдать)
додать	взять	Quasi Conv.	недодать Anti
передать	/пере/дать		(передать)
надавать			
здать			
пересдать			
пересдать ₂			

Результаты анализа наглядно иллюстрируют системные семантические отношения в поле, основанные на таких понятиях, как Syn. (синонимия), Sem. Der. (семантическая, "словопроизводственная" деривация), Conv. (конверсия), Anti (антонимия),

¹⁰ В языке прошлого века глагол отдать мог употребляться в значении "дать, предоставить", т.е. в противоположном современному: "Зала книжки отдана была в распоряжение импровизатору". (А.С. Пушкин, Египетские ночи).

стилистическая маркированность.

Та же принципиальная схема анализа применима с соответствующими изменениями и другим "специализированным" подклассам глаголов передачи, находящимся в отношении функциональной производности к исходному:

продавать = "передавать товар (за деньги);

сообщать = "передавать сообщение (по радио)" и т.п., т.е. в соответствии с формулой $\sqrt{\text{пер.}} = \mathcal{F} "a"(\hat{b})$, с учетом характера аргумента. Однако анализ глаголов этих подклассов - задача нашей другой работы.

Л и т е р а т у р а

1. А п р е с я н Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
2. Б а л л и Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 128 и след.
3. Б е л к и н а З.В. Семантический анализ глагольной лексики "давать" в сопоставлении с немецкими и французскими эквивалентами. Автореферат канд. дисс. Воронеж, 1972.
4. В а с и л ь е в Л.М. Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971.
5. Г о р д е е в Ю.М. Поле направленности (глаголы движения и их распространители) в современном русском языке. Автореферат канд. дисс. Саратов, 1974.
6. Д у б р о в с к а я Л.А. Структура предложений с элативно-адлативными глаголами. Канд. дисс. М., 1975.
7. И б р а г и м о в а В.Л. Семантическое поле глаголов движения в современном русском языке. Автореферат канд. дисс. Уфа, 1975.
8. Ж а р ц е в с к и й С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. Цитируется по книге: В.А. Звегинцев. История языкознания 19-20 веков в очерках и извлечениях. М., 1965, с. 90.
9. К у р и л о в и ч Е. Заметки о значении слова. - Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.
10. К у з н е ц о в а Э.В. Русские глаголы "приобщения объекта" как функционально-семантический класс слов (к вопросу о природе лексико-семантических групп). Докт. дисс. М., 1974.

11. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. М., 1973.
12. Новоселова Т.И. Лексико-семантическая группа глаголов созидания в современном русском языке. Автореферат канд. дисс. М., 1972.
13. Фоменко Ю.В. Деструктивные глаголы в русском языке. Вопросы лексикологии русского языка. Научные труды Новосибирского гос. пед. ин-та, вып. 27. Новосибирск, 1971.
14. Фоменко Ю.В. Глаголы русского языка, объединяемые семой передачи. "Проблемы русской лексикологии" - Научные труды Новосибирского гос. пед. ин-та, вып. 137. Новосибирск, 1977.
15. Щур Г.Г. Теория поля в лингвистике. М., 1974.
16. Hoffmann H. Semantische und Syntaktische Strukturen russischer sätze mit den Verben "взять", "дать". Канд. дисс. Potsdam. O.J.
17. Wotjak I. Untersuchungen zur Struktur der Bedeutungs. Berlin, 1977, S. 29-52.

О с н о в н ы е с л о в а р и

- БАС - Словарь современного русского литературного языка, тт. I-17. М., 1954-1965.
- МАС - Словарь русского языка, тт. I-4. М., 1957.
- Уш - Толковый словарь русского языка (в 4-х томах) под редакцией Д.Н. Ушакова. тт. I-4. М., 1935.
- Ож - С.И. Ожегов. Словарь русского языка, М., 1975.
Словарь синонимов русского языка (в двух томах). Л., 1970.

О ПРИНЦИПАХ ВЫДЕЛЕНИЯ СТРОЕВЫХ ФАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЗНАЧЕНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРОЦЕССА

В.М. Павлов, В.Х. Ризаев

В аспектологии на протяжении длительного времени преимущественное внимание уделялось исследованию аспектуальных значений, выражаемых средствами глагольной морфологии /6/. В настоящее время в связи с возрастающим интересом к проблемам аспектологии, с одной стороны, и к вопросам взаимодействия равноуровневых средств выражения инвариантных семантических функций, с другой стороны, приобретает интерес исследование "составных" (аналитических) способов выражения аспектуальных значений в различных языках.

К универсальным характеристикам протекания действия, несомненно, относится выражение фазовости - фаз начала, продолжения, прекращения процесса. В аспектологии на современном этапе ее развития как определение понятия "способы действия", так и выделение фазовых (фазисных) значений не опирается на единые общепринятые критерии. В аспектологических работах указываются не только различные количество и номенклатура фазовых значений, но и называются разные наборы языковых средств, выражающих то или иное фазовое значение. Так, например, в русском языке в качестве аналитических средств, выражающих фазу прекращения процесса в сочетании с переменным компонентом, выделяют от 7 /6/ до 15 /3/ глаголов. Из трех основных фазовых значений наиболее исследованным является значение начала, однако и здесь исследователи называют разное количество глаголов. Так, например, А.Н. Тихонов приводит около 10 фазовых глаголов /5/, В.П. Сухотин - 19 глаголов /3/. Ни в одной из известных нам аспектологических работ вопрос о принципах выделения строевых фазовых глаголов специально не исследовался. Этот вопрос затрагивается лишь в двух известных нам работах - в статьях Л.В. Коваленко /1/ и В.С. Храковского /6/. Наряду со многими важными вопросами, касающимися изучения фазовых глаголов, Л.В. Коваленко ставит вопрос о необходимости разграничения собственно фазовых глаголов и глаголов многозначных. Под собственно фазовыми глаголами автор понимает такие глаголы, лексическое значение которых равняется фазовому (начать, продолжать, кончать). Под

многозначными понимаются глаголы, лексическое значение которых не исчерпывается фазовым (бросить, взяться). В.С. Храковский дает в своей статье следующее определение аспектуальных глаголов, к которым относит и фазовые глаголы: аспектуальными являются глаголы, "которые в конструкции с зависящим от них предикатным словом называют начало, прекращение, продолжение ... и другие характеристики совершающегося во времени действия". Подразумевая под "вторичными глагольными предикатами" и фазовые глаголы, В.С. Храковский отмечает также, что "вторичные глагольные предикаты, называющие общие свойства различных конкретных ситуаций, являются строевыми словами, имеющими грамматическое (а иногда и лексическое) значение".

В настоящей статье на материале русского языка обсуждается вопрос о выделении строевых глаголов, выражающих значение прекращения процесса. Под общим инвариантным значением фазы прекращения процесса мы понимаем закрепленное в определенной языковой форме отражение ситуации, когда некоторый процесс "перестает иметь место с называемого момента времени" /6/ безотносительно к тому, прекратился (прекращается или прекратился) процесс "естественным" образом, или в результате волевого акта субъекта, или каких-либо внешних обстоятельств, которые прерывают процесс до его "естественного" прекращения, или же процесс перестает иметь место в силу достижения какого-либо ощутимого результата. Исходя из этого определения общего значения фазы прекращения процесса, рассмотрим, какие языковые средства в русском языке выражают данный семантический инвариант.

В ядро поля средств выражения грамматического значения прекращения процесса, несомненно, входят глаголы перестать, кончить, прекратить. Эти глаголы передают фазовое значение в различных синтаксических конструкциях. В сочетании с фазовым глаголом могут выступать как инфинитивы знаменательных глаголов, так и отглагольные, а зачастую и неотглагольные существительные, обозначающие самые разнообразные явления. Ср.: Я прекратил работу. Он перестал кашлять. Дождь кончился. Переменные компоненты при фазовом глаголе объединяются одним общим значением, значением процессуальности, то есть тем, что они содержат сему темпоральной длительности (временного отрезка, в пределах которого нечто "совершается"). Сочетания фазового глагола с процессуальным переменным компонентом мы

рассматриваем как аналитические конструкции (АК) с фазовым значением. Процессуальные - в указанном выше широком смысле слова - компоненты могут занимать при фазовом глаголе синтаксические позиции как дополнения (в трехчленной конструкции), так и подлежащего (в двухчленной структуре предложения). В ряде случаев, в частности при глаголе перестать, в позиции переменного компонента (в трехчленной конструкции) выступает только инфинитив. В связи с известным разнообразием синтаксических конструкций, включающих фазовые глаголы, необходимо затронуть вопрос о переходности/непереходности этих глаголов. Вполне приемлемым с точки зрения задачи настоящей статьи является общепринятое стандартное определение переходности в русском языке по форме сочетающегося с глаголом существительного. Например, глагол прекратить выступает как переходный, ср. Он прекратил работу; в сочетании с инфинитивом (Он прекратил работать) переходность глагола формально не выявляется. Различие переходности - непереходности не является абсолютно формальным, бессодержательным. Так, в предложениях типа Он прекратил работу в отличие от предложений типа Он перестал работать ощущается выражение более высокой активности субъекта (действие прекращается по воле агенса). С этим же связаны известные ограничения, налагаемые на сочетаемость глагола прекратить. Например, можно сказать Сверло перестало вращаться, но вряд ли допустимо Сверло прекратило вращаться ("сверлу" нельзя приписать собственной активности, направленной на прекращение действия).

Главная задача настоящей работы состоит, однако, не в демонстрации разнообразия синтаксических конфигураций, образуемых фазовыми глаголами, конфигураций, которые рассматриваются нами как АК с фазовым значением, а в выяснении оснований, необходимых для различения собственно строевых фазовых глаголов и глаголов, которые, по-видимому, не следует относить к инвентарю строевых элементов грамматической системы, хотя они и употребляются в аналогичных синтаксических окружениях и выражают сему прекращения процесса.

Чтобы получить примерный перечень глаголов, в отношении которых можно было бы провести данное разграничение, мы обратились к словарю синонимов русского языка /8/. Просмотр всех синонимических рядов позволил включить в список, помимо названных выше глаголов перестать, кончить, прекратить, следующие глаголы: закончить, окончить, докончить, покончить,

конструкции компенсируется возможностями его возвратной формы. В двучленной конструкции с глаголом прекратиться переменный компонент может выражать процессы как произвольного, так и непроизвольного характера, ср.: Когда пение прекратилось, он взял Таню под руку и вышел с нею на балкон (А.П.Чехов); Болезнь прекратилась внезапно; Пожар в деревне стал ослабевать, потом совсем прекратился. В ядро поля фазы прекращения входит и глагол кончить. Глагол кончить (в конструкции с зависимым инфинитивом или отглагольным именем) выражает преимущественно значение доведения какого-либо процесса до завершения. Естественно, что в подобных случаях в позиции переменного компонента АК выступают слова, в лексическом значении которых входит сема предельности. Ср.: кончить ремонт (жатву, проект), кончить плясать (завтракать); Он кончил свой рассказ, и все поразовались счастливому исходу происшествия. Но ср. Он кончил свой рассказ на самом интересном месте. Возвратная форма глагола - кончиться вообще не связана в ее употреблении с признаком предельности в значении процессуальной лексики, ср.: Дождь кончился внезапно; Уж пусть бы кончилось на ней несчастье злое (И.А. Крылов); Неожиданно музыка кончилась (в значении "неожиданно прекратилась, оборвалась").

Таким образом, глаголы перестать, прекратить, кончить могут быть определены как стержневые элементы АК с фазовым значением прекращения, способные сочетаться в составе АК с максимально широким кругом переменных, выражающих прекращающийся (или прекращаемый) процесс. Глаголы подобного типа, несомненно, следует относить к числу строевых, грамматических элементов языка.

С рассмотренными фазовыми глаголами контрастируют, например, глаголы порвать, разорвать, разделаться, покончить, подавить, пресечь. При глаголах подобного типа разнообразие объектов ограничивается явлениями, исходящими от человека, манифестациями его активности, причем такими, которые характеризуются по их собственной природе или ситуативно, под влиянием тех или иных факторов, как негативные, субъективно - как "подлежащие" прекращению. Ср.: Разорвать дипломатические отношения; разделаться с поручениями; покончить с войной (нищетой, беспечностью); пресечь панику (сплетни, мажорнации, взяточничество). Таким образом, приведенные в качестве примера глаголы накладывают на лексику, выступающую в по-

Эти глаголы имеют неоднородные лексические значения. Уже на интуитивном уровне ясно, что собственно фазовое значение, выражаемое абстрактной формулировкой "прекращение какого-либо процесса", представлено в массе этих глаголов по-разному. В части глаголов этого списка фазовое значение выступает как основное лексическое значение глагола. Таковы, прежде всего, глаголы перестать, кончить, прекратить. В иной части глаголов фазовое значение выступает как переносное, ср. бросить, разорвать, развязаться, отойти и некоторые другие. В первой группе центральное, ядерное место занимает глагол перестать. Он является наиболее употребительным средством выражения фазы прекращения процесса. В.С. Храковский отмечает: "В конструкции с этим глаголом употребляются инфинитивы глаголов, обозначающих как действия, так и состояния, в том числе и произвольные. Соответственно нет ограничений на семантику имен субъектов и объектов" /6/. Ср.: Он перестал писать; Он перестал болеть; Костер перестал гореть; Рука перестала ныть. Таким образом, в трехчленной конструкции с глаголом перестать в позиции зависимого инфинитива может выступать практически бесконечное число глаголов. Глагол перестать может выступать и в двухчленной конструкции, в которой, однако, его сочетаемостный потенциал резко ограничивается вплоть до возможности списочного перечисления сочетающихся с ним существительных. Не случайно в словарях отмечается: "прекращаться (о дожде, снеге, ветре)". В двухчленной конструкции с глаголом перестать в позиции переменного компонента могут выступать также инфинитивы, опять-таки выражающие, как правило, явления стихийные; ср.: Дуть перестало; Темнеть перестало. Несколько ниже по уровню сочетаемостного потенциала, по сравнению с глаголом перестать, стоит глагол прекратить. Специфика глагола прекратить в трехчленной конструкции с зависимым инфинитивом или отглагольным именем состоит в том, что переменный компонент при нем выражает произвольные действия. Прекращение процессов произвольного характера зависит от субъекта (в отдельных случаях причиной прекращения процесса может оказаться какое-либо внешнее событие). Ср.: Старик ... совсем прекратил всякую денежную помощь (М.Е. Салтыков); Я ни на минуту не прекращал выяснять ... мои новые взгляды, надежды и ожидания (Г.И. Успенский); Наступила зима и прекратила их свидания /10/. Некоторая ограниченность сочетаемостного потенциала глагола прекратить в трехчленной

завершить, довершить, бросить, рвать, порвать, разорвать, прервать, оборвать, пресечь, разделаться, развязаться, пройти, миновать, отойти /9/. Большинство этих глаголов отмечается и в возвратной форме, ср.: закончиться, завершиться, прерваться и т.п. Список глаголов, вовлекаемых в обсуждение, может быть существенно расширен, если иметь в виду вообще глаголы, в значениях которых явно входит сема "прекращения процесса". Ср.: остановить (работу, движение, развитие), оставить (разговоры), подавить (зевоту), ликвидировать (пожар); затихнуть, утихнуть, замирать, замолкнуть, смолкнуть, умолкнуть, заглохнуть, угаснуть, погаснуть: уняться, улечься (о стихийных явлениях, звуках, шуме, болезненных состояниях) и т.п.

Говоря о строевых словах, мы опираемся прежде всего на предложенное О.И. Москальской определение "словосочетаний с грамматической направленностью", существенным признаком грамматизации которых О.И. Москальская считает "воспроизводимость первого, формализующего компонента словосочетания, при бесконечной переменности второго" /2/. Именно этот признак - способность фазового глагола сочетаться с широким кругом разнообразных процессуальных лексем, не поддающихся списочному перечислению и в этом смысле "непредсказуемых" по фазовому глаголу, и то, что глагол в отвлечении от особенностей ситуации прекращения конкретных процессов фиксирует преимущественно общее в этих ситуациях, дает возможность рассматривать определенные словосочетания на грамматическом уровне. Свободная от лексических ограничений переменность второго компонента в составе словосочетаний, выражающих фазу прекращения процесса, обеспечивает всему сочетанию высокую степень типизации. Опираясь на это основание, следует рассматривать грамматическое поле фазы прекращения процесса, различая в нем ядерные и периферийные компоненты. Следует отметить, что в отличие от О.И. Москальской, которая относит к словосочетаниям с грамматической направленностью только собственно глагольные сочетания, то есть финитный глагол + инфинитив, мы к Аг с фазовым значением прекращения относим - на основе общности семантической функции - также сочетания, где в позиции переменного компонента выступают существенные процессуальной семантики.

Какие же глаголы из приведенного большого, пусть и неполного, списка слов следует относить к строевым элементам?

зиции переменного компонента АК, определенные семантические ограничения. Отдельные глаголы могут характеризоваться высоким уровнем специфичности круга переменных элементов АК, приближая его в пределе к закрытому списку. Во всяком случае, известная часть конкретных сочетаний с определенными глаголами может приобретать фразеологический характер. Так, с глаголом порвать в форме винительного падежа сочетаются слова, выражающие понятия о взаимоотношениях отдельных людей или человеческих коллективов, ср.: порвать знакомство (дружбу, связи, отношения). Отметим, что названные здесь словосочетания, как и многие подобные, подлежат лексикографической регистрации, хотя они далеко не исчерпывают сочетательные потенции глагола порвать (форма переменного компонента с предлогом с - порвать с чем-либо - допускает весьма широкую сочетаемость), со стороны самих существительных знакомство, дружба, отношение сочетаемость именно с глаголом порвать при необходимости выразить значение прекращения отличается высокой вероятностью (см. 4).

Глаголы рассматриваемой группы плохо согласуются с общим представлением о типических свойствах грамматических средств, выражающих фазу прекращения процесса. Языковые средства, выполняющие грамматическую функцию, должны отличаться высоким уровнем абстрактности, обобщенности, должны противостоять как величины постоянные лексическому разнообразию тех синтаксических элементов, на которые "наслаиваются" их грамматические значения. Конечно, тезис о взаимосвязанности, взаимовлияниях, взаимообусловленности лексических и грамматических явлений - тезис весьма важный и побуждающий к такому исследованию языка, которое отвечает требованию конкретности. Однако этот тезис не должен вести к противоположной крайности, а именно к слишком своеродному, бесконтрольному введению в грамматику на положении "служебных" - в широком смысле слова - таких лексем, грамматические моменты в содержании которых проявляются в их связях лишь с узким кругом сочетающихся с ними слов. При анализе глаголов, подобных приведенным выше, следует различать открытый характер сочетаемости со словами, которые, правда, могут характеризоваться (и ограничиваться) некоторым однородным общим моментом лексического значения, и в противоположность такой относительно открытой сочетаемости - сочетаемость, ограниченную в пределе связями фразеологического характера. Так, например,

большинство сочетаний с глаголом подавить имеет явно фразеологический характер: подавить мятеж, измену, восстание, страх, стон, зевоту, желание.

Таким образом, из общего числа глаголов, определяемых, как имеющие фазовую семантику и сочетаемость, типичную для АК с фазовым значением прекращения процесса, можно выделить отдельные единицы, характеризующиеся сочетаемостью со сравнительно небольшими наборами процессуальных лексем, что сближает соответствующие сочетания с областью фразеологии. Следовательно, указывая на противоположность глаголов типа перестать и типа подавить в рассмотренном выше отношении, мы приходим к различению явлений, составляющих в этом аспекте крайние, полярные точки континуума, в котором по близости или, соответственно, удаленности от "полюсов" могут быть расположены и остальные глаголы с фазовым значением прекращения процесса. С этой точки зрения представляет интерес рассмотрение глаголов типа закончить, окончить, завершить. Эти глаголы объединены общим значением "доведения какого-либо процесса до полного окончания"; ср.: закончить работу (письмо, туалет, строительство, путешествие, объяснения, рассказ); окончить чтение (молотью, труд, обсуждение, карьеру); завершить сев (работу, разгром, операцию, развитие, войну). Бросается в глаза то, что в качестве переменного компонента выступают, как правило, имена, в значения которых входит признак предельности. Имена, называющие неопределенные действия, как отмечает В.С. Храковский /5/, в сочетаниях с этими глаголами невозможны. Эта тенденция наблюдается также в конструкциях, образуемых возвратными формами рассматриваемых глаголов; ср.: Совещание (строительство, перерыв) заканчивается (оканчивается). Строительство завершается. Существительные, выступающие в роли переменного компонента, выражают обычно понятия, связанные с деятельностью субъекта. Отметим, что сочетаемостный потенциал глагола завершить несколько уже чем у глаголов закончить, окончить. Относительная ограниченность сочетаемостного потенциала глагола завершить объясняется семантической особенностью конструкции, образуемой этим глаголом. Специфика таких конструкций состоит в том, что они выражают преимущественно значение "доведение предельного действия до его полного конца с каким-либо ощутимым результатом". Часто в подобных конструкциях подчеркивается оценка завершаемого процесса. Ср.: Этим поучительным зрели-

цем и завершился губернаторский праздник (И.С.Тургенев). Все работы по подъему доменной печи были успешно завершены. Это дело завершилось полным провалом ответственных лиц. Таким образом, глаголы закончить, окончить, завершить, выступающие в качестве постоянных элементов АК с фазовым значением, обладают широкими сочетаемостными возможностями и на этом основании примыкают к ядерной группе (перестать, кончить, прекратить). К ядерной группе следует относить также глагол прервать. Глагол прервать в сочетании с процессуальным именем передает значение кратковременного (часто вынужденного каким-либо обстоятельством) прекращения совершаемого субъектом действия. Этот глагол, как отмечает В.С. Храковский /6/, является средством выражения "фазы перерыва". В.С. Храковский выделяет фазу перерыва как особую фазу в системе фазовых значений. Мы же включаем глагол прервать в число средств, выражающих фазу прекращения процесса, на том основании, что сочетания с этим глаголом так же, как и с остальными рассмотренными здесь глаголами, передают ситуацию, где процесс "перестает иметь место с называемого момента времени". К ядерной же части поля фазовых глаголов "прекращения процесса" глагол прервать относится на том основании, что его сочетаемость должна быть охарактеризована как предельно свободная.

Известное семантическое своеобразие, наличие определенных специфических оттенков значения; которые согласуются со смысловыми рядами слов в позиции переменного компонента АК, частично пересекающимися и частично расходящимися, свойственно подавляющему большинству глаголов с фазовым значением прекращения процесса. Выше были рассмотрены, с одной стороны, глаголы, составляющие ядро поля типовых аналитических средств выражения этого грамматического значения, и с другой стороны, глаголы, представляющие собой примеры периферийных явлений в этом поле, глаголы, строевой характер которых должен быть поставлен под сомнение. Мы не можем в данной статье подробно рассмотреть все остальные глаголы, включенные в список на стр. 130, и предложить, таким образом, детально разработанную схему соответствующего полевого объединения с указанием характерных особенностей каждого элемента данного поля и их взаимных отношений в нем. Остается отметить, что, по нашему мнению, глаголы бросить, докончить, довершить, оборвать, во всяком случае, занимают промежуточное положение

между выявленной выше максимально грамматизованной ядерной группой фазовых глаголов (перестать, прекратить, кончить, закончить, окончить, завершить, прервать) и глаголами, которые в силу особенностей своих лексических значений и сочетательных потенций определены как периферийные элементы поля (порвать, разорвать, разделаться, покончить, подавить, пресечь). Так, глагол бросить имеет значение "прекратить окончательно, чтобы больше не возобновлять"; выраженное в этой формулировке субъективное отношение к прекращаемому процессуальному явлению, (действию, деятельности) предполагает (1) личного агенса, (2) наличие так или иначе мотивированного и осознаваемого внутреннего побуждения. При этом круг переменных компонентов при глаголе бросить, зарегистрированный в материалах Большой картотеки Словарного сектора ИРЯЗ АН СССР, весьма широк и разнообразен: бросить пить, курить, молиться, писать, интересоваться ч.-л., ходить на службу, шить и т.п.; бросить работу, дела, музыку, школу, мечту, лирику, шахматы, вольнку, дакейство, игру и т.п. За большинством приведенных переменных компонентов АК стоят обширные смысловые ряды слов неопределенного количественного состава: если можно бросить шахматы, то можно бросить и шашки, баскетбол, вольную борьбу и вообще любой вид спорта и т.д. Сочетаемый потенциал глагола бросить ограничивается, следовательно, только указанными выше смысловыми моментами, составляющими специфику его лексического значения; за пределами же этих ограничений он оставляет очень широкие, в отношении отдельных конкретных единиц непредсказуемые возможности сочетаемости. Вместе с тем, наличие отмеченных специфических ограничений все же противопоставляет глагол бросить фазовым глаголам, образующим ядерную зону поля. Таким же образом ограничения, связанные с семантикой глаголов докончить, довершить, оборвать, не позволяют включать их в ядерную группу фазовых глаголов.

В настоящей работе был поднят вопрос о принципах различения степеней грамматизации глаголов, способных выражать фазу прекращения процесса, и по необходимости краткие замечания, в которых дается лексико-семантическая и структурно-грамматическая характеристика отдельных глаголов, подчинены именно этой задаче и не претендуют на полноту охвата и исчерпывающую детальность анализа глагольных лексем в составе АК, причастных к выражению фазы прекращения процесса.

Если допустить, что выбранный нами принцип выделения

грамматизованных фазовых глаголов на основании их сочетаемостного потенциала правилен, то мы вправе не согласиться с мнениями некоторых лингвистов, в работах которых приводятся слишком неоднородные средства выражения того или иного фазового значения. Так, В.П. Сухотин под знаком лексико-синтаксической синонимии проводит параллель между сочетаниями перестать желать и подавить желание; в качестве лексико-синтаксических средств выражения рассматриваемого семантического инварианта автором приводятся и такие словосочетания, как нарушить сон (покой, порядок); подавить боль (настроение); выйти из боя; уйти из-под влияния /з/. Ограниченная сочетаемость некоторых из приведенных глаголов отмечается самим автором. Однако в работе не ставится ни вопрос о грамматизованных конструкциях с фазовыми значениями, ни тесно связанный с этим вопрос о выделении постоянных, "типовых", по выражению Л.В. Щербы /7/, глагольных компонентов таких конструкций. Высокая индивидуализированность сочетаний типа выйти из боя и т.п., согласно нашему подходу к выделению фазовых глаголов, не дает оснований относить входящие в их состав глаголы к числу строевых слов, выражающих фазу прекращения процесса.

Литература

1. Л.В. Коваленко. К вопросу об изучении фазисных глаголов в русском языке.-В кн.: Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. М., 1973.
2. О.И. Москальская. Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью. Вопросы языкознания, 1961, № 5, с. 87-93.
3. В.П. Сухотин. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. Глагольные словосочетания. М., 1960, с. 44-47.
4. В.Н. Телия. Семантический аспект сочетаемости слов и фразеологическая сочетаемость.-В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 250.
5. А.Н. Тихонов. Способы выражения начинательного значения глаголов в русском языке.-В кн.: Труды Узбекского государственного университета им. А. Навои, Новая серия, № 95, Самарканд, 1959, с. 58-75.

6. В.С. Храковский. Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений, в наст. сборнике.
7. Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 331.
8. Словарь синонимов. Изд-во "Наука", Л., 1975.
9. Для сокращения текста двувидовые фазовые глаголы приводятся в статье только в форме совершенного вида.
10. Примеры заимствованы в основном из "Словаря русского языка" в 4 томах, "Словаря современного русского литературного языка" в 17 томах и из Большой карточки Словарного сектора Института русского языка АН СССР.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В.С. Храковский - Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений	3
Э.М. Джамакулова - О структурной соотносительности приставочного деривата и предложного сочетания	25
П.С. Сигалов - Заметки по видообразованию	39
В.В. Мюркхейн - О вариантных формах вида в диалектной речи	50
С.И. Баженова - О состоянии акциональной системы в древнерусском языке XII-XIII вв.	60
А.И. Пихлак - Отражение значений приставочных способов действия в русско-эстонских словарях	70
Э.А. Галнайтите - Типология каузативных глаголов как способа действия (на материале русского и литовского языков)	100
В.П. Абрамов - Глаголы передачи в современном русском языке	115
В.М. Павлов, Б.Х. Ризаев - О принципах выделения строевых фазовых глаголов, выражающих значение прекращения процесса	128